

ПИСЬМА К АСТРАКОВЫМ

(1832—1851)

ПЕЧАТАЮТСЯ ПО ФОТОКОПИЯМ, ПРЕДОСТАВЛЕННЫМ «ЛИТЕРАТУРНОМУ НАСЛЕДСТВУ» КОЛУМБИЙСКИМ УНИВЕРСИТЕТОМ (НЬЮ-ЙОРК)

Публикация Е. Л. Рудницкой*

В двух предыдущих томах «Литературного наследства» был напечатан ряд эпистолярных и мемуарных документов, освещающих взаимоотношения Герцена и московской семьи Астраковых, с членами которой Герцен и его жена в течение многих лет поддерживали тесные дружеские отношения и находились в постоянной переписке. До самого последнего времени было известно лишь несколько разрозненных писем Герцена и Натальи Александровны к Астраковым, напечатанных М. К. Лемке в разных томах его издания. Публикуемые ниже письма, записки и приписки Герцена, адресованные Николаю Ивановичу, Татьяне Алексеевне и Сергею Ивановичу Астраковым, представляют собой не только важнейшие документы, характеризующие его отношения с Астраковыми, но и первостепенный материал для изучения русского и первого заграничного периода его жизни.

Изложим вкратце историю этого собрания писем.

Татьяна Алексеевна Астракова, пережившая всех членов своей семьи, в течение многих десятилетий бережно хранила письма Герцена и его жены. Предвидя, что после ее смерти эти драгоценные документы могут бесследно исчезнуть, она приняла решение переслать их старшей дочери Герцена — Тате. Первую партию писем она переслала ей в 1873 г. Через два года, 7 июля 1875 г., Т. А. Астракова писала Тате Герцен:

«Но вот что я скажу тебе, моя милая, дорогая Тата, я исповедаюсь перед тобою и думаю, что не будешь за это на меня в претензии, дело вот в чем: зная материальное направление нынешней молодежи и слыша от князя (А. Н. Мещерского), что в тебе, — как он выражается, — мало женственности, я думаю, что тебе будет смешно читать нашу переписку, подчас очень сентиментальную (как у нас говорит молодежь), подчас романтическую и пр. Да, должно быть, если б жива была Наташа, то теперь был бы другой уж характер нашей переписки, но все-таки непременно выглядывала бы нежность, не по вашему вкусу: что же делать? Уж нас с нею так печь спекла. Я еще думаю, что потому, что про первые письма, которые я тебе послала, ты мне ничего не сказала, — видно не нашла в них ничего интересного.

В этих письмах (я даже собрала и перечитала, кажется, все московские записочки) — они все хороши, все дороги мне... Ну, делай с ними, что хочешь... Видно, пора пришла моя расстаться с последним дорогим воспоминанием, — будет с меня и того, что живо еще до сих пор во мне обо всех моих дорогих, любимых, — уж этого-то никто не отнимет у меня, и оно, это внутреннее „я“, слитое с их „я“, умрет со мною же.

В московских записках ты встретишь очень часто о себе, и особенно замечательна записка твоего отца о твоём рождении: получив ее, мы с братом очень смеялись (...). Еще посылаю тебе отдельно от всего листки, писанные твоею матерью только для меня, — и жаль мне их было, да и хорошо ли, что я их отдаю тебе? Впрочем, что же?

* При участии Л. Р. Ланского.

Ведь уж ты не маленькая и многое знаешь из страданий твоей матери, из этих листов ты только увидишь, как она любила всех вас, и как тяжело ей было, и как страдала она, бедная. Ну, мир ей, святая страдальца! Эти листки я доверяю только тебе одной и никому больше! Ты храни их как святыню или сожги... лучше чем кто в них заглянет!..» («Русские записки», Париж, 1939, № 14, стр. 117—118).

Несмотря на намерение отослать все письма Н. А. Герцен, Астракова передала часть их Т. П. Пассек, и они были использованы в воспоминаниях, заказанных ей редакцией «Русской старины». В письме к Н. А. Герцен от 15/27 февраля 1877 г. Астракова писала: «...Пассек (Т. П.) предложила мне писать записки о твоём отце с приложением его писем и обещала платить мне по 25 серебряных рублей с листа (получала сама по 50 серебряных рублей, но листек она брала себе за исправление записок и слога и корректуру) — я согласилась, тем более, что она обещала мне все после возратить. Подумала, подумала я, что ведь все это <т. е. письма Герценов> я обещала тебе, но что же делать — нужда! и решилась <...> Постараюсь выручить от Пассек и письма и свои записки и тоже передам тебе. Из моих записок в печати очень много повыкинуто, я писала подробнее и, как мне кажется, интереснее, — у меня было написано целые тетради, а они напечатали только с небольшим лист да еще, говорят, будет тоже лист или два — ну, это даже меня взбесило» («Неизданные письма А. И. Герцена к Н. И. и Т. А. Астраковым». Нью-Йорк, 1957, стр. 5). Вопрос о судьбе тетрадей Астраковой с воспоминаниями о Герцене частично выяснен; одна из них напечатана в предыдущем томе «Литературного наследства». Т. П. Пассек не возвратила Астраковой оригиналов писем Герцена, напечатанных в «Русской старине», и местонахождение их остается неизвестным. В 1877 г. Т. А. Астракова переслала Н. А. Герцен последнюю партию писем ее родителей, отмечая при этом, что некоторые письма Герцена затерялись, в частности отдельные письма из Владимира и «отчаянное, грустное» письмо Герцена, написанное к ней после смерти его жены.

До 1936 г. пересланные Т. А. Астраковой письма, по-видимому, находились в Лозанне, в семейном архиве Н. А. Герцен, после смерти которой они попали ко второй дочери Герцена, Ольге Александровне Моно-Герцен, передавшей их в 1952 г. в Архив русской и восточноевропейской истории и культуры при Колумбийском университете в Нью-Йорке, где они и находятся в настоящее время. С разрешения внучки Герцена, г-жи Жермены-Шарль Рист, фотокопии со всех этих писем были пересланы в 1956 г. Колумбийским университетом редакции «Литературного наследства». По этим фотокопиям и подготовлена настоящая публикация. Параллельно с нашим изданием, полная публикация писем Герцена к Астраковым осуществлена в Нью-Йорке.

Публикуемые письма Герцена образуют несколько последовательных хронологических групп. Каждая из этих групп имеет особую проблематику.

Первое из писем — от 11 февраля 1832 г. — адресованное Н. И. Астракову, представляет исключительный интерес. Все ранние письма Герцена (до 1833 г.) известны нам только по извлечениям из воспоминаний Т. П. Пассек, и достоверность их вызывала у исследователей до последнего времени некоторые сомнения. Публикуемое письмо Герцена — самое раннее из дошедших до нас в автографе писем. Оно относится к университетскому периоду его жизни, ко времени зарождения дружбы с Н. И. Астраковым, двумя годами ранее его окончившим физико-математическое отделение Московского университета. Ярко и живо предстает перед нами Герцен-студент, жизнерадостный и энергичный, исполненный разносторонних интересов, блестящий неистощимым юмором.

Эпиграфом к обширной владимирской группе писем (1838—1840) могут служить слова самого Герцена в одном из них: «...ежели моя жизнь (как и каждого человека) — поэма, то 1838 — лучшее место в ней» (письмо от 31 декабря 1838 г.).

Два первых письма из этой группы, адресованных одновременно Н. Х. Кетчеру и Н. И. Астракову, написаны в последнюю неделю перед «шохищением» Натальи Александровны из дома княгини М. А. Хованской. Не меняя ничего в общей картине, нарисованной в «Былом и думах», письма эти, содержащие много ценных подробностей и написанные в высшей степени темпераментно и ярко, служат живым и естест-

венным дополнением к владимирским страницам «Былого и дум». Если бы при работе над своей книгой Герцен имел в своем распоряжении эти письма, он, вероятно, привел бы выдержки из них в заключении второй части, как он сделал это с теми письмами, которые находились при нем в Лондоне. В письмах к Астраковым нашло выражение то душевное состояние Герцена, которое он называет «поэтической вершиной» своей жизни. В этих письмах отразились и философские раздумья Герцена, ведшие к освобождению его от религиозных и мистических настроений периода вятской ссылки.

В письме к Астракову от 14 февраля 1839 г. мы встречаем одно из первых в переписке Герцена упоминаний о его знакомстве с философией Гегеля. Известно, что серьезно за изучение Гегеля Герцен принялся только после возвращения из ссылки, столкнувшись с московскими гегельянами, находившимися в полном плену идеалистической диалектики немецкого философа. Во Владимире Герцен читал не самого Гегеля, а какие-то «очерки из Гегеля», но даже при этом первом знакомстве, не зная первоисточника, Герцен сумел уловить противоречия философской системы Гегеля. Однако то были еще догадки — подлинное проникновение его в философию Гегеля было впереди.

Интересно упоминание о решении Герцена изучать арабский язык, чтобы ехать на Восток, которому, как он полагал, Европа не только обязана своей современной цивилизацией, но который даст еще раз свою «ленту в дело европейское». Этот будущий вклад, по мнению Герцена, являлся исторической необходимостью, ибо, пишет он: «Неужели узкая теория северо-американцев, феодализм Англии и прусские геллертеры — всё, что может человечество?» (письмо от 27 августа 1838 г.).

Наибольший исследовательский интерес представляют встречающиеся в письмах этого периода упоминания о творческой истории ранней автобиографической повести Герцена «О себе».

Сообщая 14 января 1839 г. Н. И. Астракову о том, что он написал главы «Университет» и «Холера» и заполнил таким образом имевшийся в повести «О себе» пробел, Герцен продолжал: «Теперь пишу „Вятка“». Из герценовского перечня глав повести «О себе», привезенной им 16 апреля 1838 г. в Москву, известно, что она кончалась главой — «Крутицы, сенсации и 9 апреля». Следовательно, возвратившись снова к работе над своей автобиографией и написав недостающие главы, он продолжал повествование далее с того места, на котором оно обрывалось. Из этого прямого указания Герцена следует сделать вывод, что он не считал повесть «О себе» законченным произведением и продолжал работать над ней, посвящая дальнейшие страницы описанию своей ссылки. Этот вывод заставляет пересмотреть вопрос о хронологических рамках повести «О себе», а также по-новому взглянуть на автобиографический отрывок Герцена, вошедший в первый том академического собрания его сочинений под условным заглавием «Часов в восемь навестил меня...». Этот отрывок был впервые напечатан в воспоминаниях Т. П. Пассек «Из дальних лет», включившей его в состав главы, названной ею «Арест и симпатия» (у Лемке отрывок опубликован под заглавием «Арест и высылка»). Предполагая, что повесть «О себе» «не охватывала ссылку», комментатор этого текста в тридцатитомном собрании сочинений Герцена, издаваемом Академией наук СССР, делает вывод, что вторая и третья части отрывка, представляющие фрагменты из описания событий, начиная с 10 апреля 1835 г. и до переезда из Перми в Вятку, «не могли относиться к этой автобиографической повести» (изд. АН, т. I, стр. 510). Новые данные о творческой истории ранней автобиографической повести «О себе», содержащиеся в публикуемом письме Герцена от 14 января 1839 г., отрицают это хронологическое ограничение. Тем самым, во-первых, исключается единственный довод комментатора против принадлежности всего текста отрывка «Часов в восемь навестил меня...» к автобиографической повести «О себе». Кроме того, в исследовательский оборот вводятся новые данные для выяснения соотношения повести «О себе» и «Записок одного молодого человека» (подробнее см. А. Н. Дубовиков. «„О себе“ — ранняя автобиографическая повесть». — «Лит. наследство», т. 63, стр. 9—55).

Письма Герцена к Астраковым из Петербурга и Новгорода (1840—1842), а также московские записки к Т. А. Астраковой (1842—1846) содержат много очень ценных

подробностей из жизни Герцена и его семьи. В них мы встречаем множество беглых, но глубоких высказываний об общественной жизни того времени, об искусстве, о философии. Они проникнуты тем чувством гуманности, которое являлось столь характерным свойством обаятельной натуры Герцена.

Последняя группа писем, присланных из-за границы, адресована Т. А. и С. И. Астраковым. Это дружеские послания, часто просто приписки к письмам жены; вначале жизнерадостные и шутливые, воодушевленные успехами национально-освободительного движения в Италии, они постепенно, под влиянием разгрома французской революции, меняют свой тон.

В коротких приписках к письмам жены из Парижа — отзвуки переживаемой Герценом душевной драмы: «На душе тяжело и темно, что здесь делается на наших глазах — от этого можно сойти с ума». И еще: «...у меня нет места в сердце, которое не было бы оскорблено, горечь, горечь, желчь...» (письмо от 6 августа 1848 г.).

«Мир этот гниет... — писал С. И. Астракову Герцен (письмо от 4 декабря 1848 г.), — охваченный ненавистью к торжествующей буржуазии, не видя пути дальнейшего общественного прогресса для Европы. — Что будет?.. Что будет?...» Этот вопрос с особой остротой встал перед Герценом в трагические дни расправы с парижским пролетариатом. У него еще нет ответа на этот вопрос. «Лучше всего что что-нибудь да будет», — писал он с горькой иронией (т а м ж е). Но ненавистному буржуазному миру Герцен стремится уже противопоставить нечто, по его мысли, глубоко отличное, русское. Пока это только признание громадного нравственного превосходства того кружка передовой русской интеллигенции, членом которого он был на родине. Понимая невозможность возвращения в Россию, где торжествовала реакция, Герцен как бы заново переживает разлуку с московскими друзьями. Очень выразительно в этом отношении письмо к Т. А. Астраковой от 9 марта 1849 г., проникнутое глубокой любовью к Грановскому.

Эпитет «трагический» неоднократно повторяется Герценом в оценках окружающей жизни и собственного душевного состояния. Как и всегда, личное и общественное для него нераздельно: «Всё мыслящее, чувствующее здесь поражено горем, да, сверх того, по большей части, также и нуждой. Шаткая непрочность всего состояния жизни, общественного положения, никогда не была больше чувствуема — это точно начало преставления света» (письмо от 9 октября 1849 г.). Он подвергает критике буржуазную цивилизацию во всех ее проявлениях. Касаясь вопроса о воспитании детей, Герцен разоблачает дух буржуазной системы воспитания — антигуманного и лишенного всяких нравственных идеалов (письмо от 1—2 июля 1849 г.). Отвергая «идеалистические мнения» Н. А. Мельгунова о преимуществах умозрительного метода в науке, Герцен писал: «...нынче давайте пониманье и микроскоп, пониманье и скальпель, жизнь надобно следить по вивисекциям, а не по физиологии Каруса» (письмо от 1 февраля 1849 г.).

Помимо писем Герцена, публикуемых ниже полностью, в архивном собрании Колумбийского университета хранятся письма Н. А. Герцен к Т. А. Астраковой за тот же период. Наталья Александровна горячо любила Астракову и с первых же месяцев знакомства и до конца жизни интенсивно переписывалась с ней, с полной откровенностью делилась своими мыслями и переживаниями.

Наибольший интерес представляют письма Натальи Александровны из-за границы. Астракова была ее единственным регулярным корреспондентом в России. Через нее осуществлялась связь со всем московским кружком. Только позднее, с конца 1848 г., у Натальи Александровны появился в России второй постоянный корреспондент — Н. А. Тучкова. До этого времени письма к Астраковой были для Натальи Александровны как бы систематическим отчетом о жизни ее семьи за границей, о ее впечатлениях от первого знакомства с Европой. Мысли и чувства, высказанные в этих письмах, во многом повторяют мысли и чувства самого Герцена, отраженные в «Письмах из Avenue Marigny», «Письмах из Франции и Италии» и в письмах к московским друзьям.

Опубликованный Н. П. Анпиловым в 63-м томе «Литературного наследия» отрывок, условно названный «Из „Записок“ 1848 года», был послан Н. А. Герцен к

Астраковой с И. В. Селивановым вместе с письмом от 4 ноября 1848 г., непосредственным дополнением к которому он и являлся. «...Мне захотелось, — писала она в этом письме, — поговорить с тобой о прошедшем, о пережитом нами с февраля, но только спать хочется, а в другой раз трудно будет приняться, так я вырвала из моего — как бы сказать — журнала, что ли, — несколько страничек и пошлю их тебе. Ты увидишь там, как чувствовалось и думалось; писавши, я не думала, что дам читать кому-нибудь, тем лучше, посмотри на меня, как я есть» (л. 426). Посланный к Астраковой отрывок из «журнала», т. е. дневника, который вела Наталья Александровна, охватывает период от февраля до июня 1848 г. Это повествование о пережитом и пережитом с начала революционного подъема в феврале до разгрома восстания парижского пролетариата в июне 1848 г. Дневник обрывался на строках, проникнутых полной безнадёжностью.

Возвращаясь к той же теме несколько месяцев спустя, Н. А. Герцен писала, имея в виду свое состояние в послеиюньские дни: «Хотя и после того уже многое переменилось; жажда покоя — естественна, это реакция после муки, после родов, но она не долго продолжается, роды были несчастливы, надежды не исполнились, снова начинается брожение, окрепнувшие силы ищут деятельности, и сколько нужно твердости на то, чтоб примириться с мыслью не видать ребенка, который родится, не зная когда, и как, и какой он родится!.. Но будем тверды, оттого что слабым быть нельзя...» (т а м ж е). В современной политической жизни Европы она черпала веру в грядущую революцию. В том же письме она писала: «В Германии сильно шевелится, что-то из этого будет? Да, это сравнение мне самой нравится: в настоящую минуту мы все беременны, а ребенка вряд ли увидим!.. Много любви надо на то, чтоб носить его и лелеять в себе» (л. 427).

В этот критический момент своего идейного развития Наталья Александровна не раз возвращается к автохарактеристике, подвергая анализу свою жизнь. Тема идейного формирования вставала перед ней с особой остротой в связи с вопросом воспитания детей, которое она всегда рассматривала как общественное служение. Она стремилась воспитать в детях присущую ей самой глубокую убежденность и преданность передовым общественным идеалам. Прямым дополнением к ее «Плану автобиографии» (опубликованному в т. 63 «Лит. наследства», стр. 364—367) служит то место из письма к Астраковой от 30 июня 1849 г., обращенное к С. И. Астракову, где она, в связи с мыслями о воспитании детей, набрасывает историю своего внутреннего становления:

«Мне часто приходит в голову, что тем, что я есть, конечно я обязана много моему воспитанью, т. е. тюремному заключенью, кандалам и всякого рода моральному изнанию. Сначала я вырабатывала в себе все сама, одна-одинешенька, потом помогал Александр, потом помогала уж жизнь. Впрочем, я не верила на слово и Александру, как ни любила его, как ни думала (т. е. повторяла себе), что он *единственный* человек.

Всякая мысль, всякое убеждение тогда только становились моими или, лучше сказать, мною, когда они переваривались в голове моей, как пища в желудке; одинокая и сильная работа мозга сделала меня, наконец, хищною — не только жеваного, ни вареного, ни печеного я не могу принять, мне нужно совсем сырое, а там и работаю насколько сил хватит. Результат всего этого тот, что я довольна собою, т. е. жизнью, то есть этою работою, разумеется не беспрестанно» (л. 439).

Сильная, самостоятельная работа мысли помогла ей расстаться, как она писала Астраковой, с предрассудками прошлой жизни, как и «с верою в будущую жизнь». Однако надлом, испытанный в июньские дни 1848 г., так и не был ею до конца изжит. Глубокая личная трагедия явилась в конечном счете одним из следствий этого надлома*.

* Приписки Натальи Александровны, представляющие интерес для биографии Герцена или непосредственно связанные с содержанием его писем, печатаются нами либо в основном тексте, либо в комментариях (в извлечениях). Остальные приписки полностью опускаются с соответствующей оговоркой в комментариях.

Н. И. АСТРАКОВУ

Москва. 1832 года. Февраля 11

Почтеннейший Николай Иванович!

Придерживаясь древнему русскому правилу, что раскаяние есть пол-*исправления*, я принялся за перо не для <того>,* чтоб оправдываться, но для того, чтоб раскаяться и попросить прощения, которое надеюсь и получить. Я давно уже должен бы был переслать к вам Бруно¹ и Систематику², но то хлопоты ученья, то хлопоты рассеянья так плотно заняли время, что не нашлось свободной минуты, которую бы я мог посвятить блаженной памяти Иордано Бруно и системе систем Максимовича. Второе напоминание сделало меня подейтельнее, и вы получите Бруно. О Систематике еще не знаю, — Максимовичу я вручил деньги, но книги еще не получал, а поелику он часто улетает в мир идеальный на поэзии тычинок, пестиков и спиральных сосудов³, то и немудрено, что забудет; ежели же получите ее, то советую (извините в дерзости) прочесть это изящнейшее творение по сей части, чисто философское направление и высокое понятие о науке — и науках естественных.

Желал бы я сообщить вам что-нибудь новое, но где же взять? Москва — мимо, политика — мимо, шум светский — мимо. Университет — *sta viator!***. Это наша *bien-aimée <éco>le * normale****, как говорит Кузен⁴. <Тут> * что нового? Наше отделение всё так же изящнейшее, всё то же рвение к математике и та же ненависть к натур<альной> истории. У нас всё так же блестят Носков, Кирьяков и Лукьянов⁵. Фишер вышел, его место заступит его сын⁶. Остальное по-старому. Чумаков не переменился ни на волос, да как ему перемениться: *умнеть* в эти лета нельзя, *глупеть* невозможно — до дна глупости дошел. Мягков, о Мягков — чудо, он вчера кричал: «45-е. Когда говорится (тут он поправил галстук): „Артиллерия едет“ — это не значит, что едет наука, но орудия артиллерийские».

Какова 45-я тактическая теорема!⁷

В словесном отделении место Гаврилова занял Надеждин⁸.

Из ваших товарищей знаю о трех — Леонид Пассек был в Мальте и отправился на греческие острова, где получил чин мичмана⁹; Николай Смирнов¹⁰ в Петербурге бог знает зачем, а А. Савич здесь; говоря об Савиче, я не могу умолчать о том, что он мне дает уроки из астрономии *единственно* из благорасположения ко мне, жертва, которую я вполне умею ценить и буду ценить, посему за долг поставил и вам сказать о этом благородном поступке; *à propos*, он выдержал экзамен магистрский¹¹.

Еще в заключение (чтоб благочестиво кончить) скажу об Алексее Гавриловиче Хитрове¹². «Поелику неоспоримо доказано, что мир земной есть свет померкнувший, и известно, что он должен *наки* возблистать, что совершится (*ut scripsit Dionisius Areopagitus* ****), когда исполнится сумма грехов, а поелику сумма сия, по свидетельству Якова Бема¹³ и Григорья Назианзина¹⁴, теперь уже настала, когда не мудрование о любви, но мудрость приняли за философию, то г. Хитров с нетерпением ждет сего просветления». Может быть, я переврал, но что-то подобное он сегодня рассказывал.

Извините, что я вас утруждаю сими нелепостями, сладко вспомнить о товарищах; итак, не сердитесь за сие письмо, писанное преданным вам

Александром Герценым

* Залито чернилами и читается предположительно. — *Ред.*

** Остановись, прохожий! (лат.).

*** Горячо любимая Нормальная школа (франц.).

**** Как писал Дионисий Ареопагит (лат.).

¹ О каком сочинении Джордано Бруно идет речь в настоящем письме — не установлено. В кандидатской диссертации Герцена «Аналитическое изложение солнечной системы Коперника» о Джордано Бруно встречается одно беглое упоминание (см. изд. АН, т. I, стр. 48).

² *Систематика* — сочинение Михаила Александровича Максимовича (1804 — 1873) «О системах растительного царства. Рассуждение для получения степени магистра физико-математических наук», изданное в Москве в 1827 г.

³ М. А. Максимович читал в Московском университете курс ботаники.

⁴ *Ecole Normale Supérieure* — высшее педагогическое учебное заведение в Париже, основанное в 1808 г. В нем преподавал известный философ-эклектик Виктор Кузен, упоминания о котором довольно часты в ранних произведениях Герцена.

⁵ Михаил Павлович Носков — участник кружка Герцена — Огарева, окончивший в 1832 г. физико-математическое отделение Московского университета. Герцен характеризовал его впоследствии как «милого, благородного» человека (II, 433; см. письма к нему Герцена в «Лит. наследстве», т. 39-40, 1941, стр. 186—188). — Николай Андреевич Кирьяков и Яков Афанасьевич Лукьянов — университетские товарищи Герцена (по физико-математическому отделению).

⁶ У профессора Григория Ивановича Фишера фон Вальдгейма (1771—1853) Герцен слушал курс зоогнозии. В «Былом и думах» он отнес его к числу «добрых и ученых» немцев (изд. АН, т. VIII, стр. 120). В 1832 г. его преемником по кафедре зоологии стал его сын Александр Григорьевич.

⁷ Иронические характеристики профессора прикладной математики Федора Ивановича Чумакова и профессора военных наук Гавриила Ивановича Мяжкова — см. в VI главе «Былого и дум» (изд. АН, т. VIII, стр. 123).

⁸ Александр Матвеевич Гаврилов — адъюнкт по кафедре славянского языка, теории изящных искусств, археологии и словесности. С 18 января 1832 г. его сменил Николай Иванович Надеждин.

⁹ Леонид Васильевич Пассек — брат Вадима Пассека. В 1830 г. окончил курс Московского университета со степенью кандидата.

¹⁰ О Николае Смирнове сведениями мы не располагаем.

¹¹ Алексей Николаевич Савич (1810—1883), впоследствии известный астроном, окончил Московский университет в 1829 г. См. о нем ниже, в примеч. 2 к письму № 29.

¹² Об Алексее Гавриловиче Хитрове сведениями мы не располагаем.

¹³ Яков Бем (1575—1624) — немецкий мистик.

¹⁴ Григорий Назианзин (Назианский, 328—390) — византийский богослов.

2

Н. Х. КЕТЧЕРУ и Н. И. АСТРАКОВУ

⟨Владимир.⟩ 30 апреля ⟨1838 г.⟩¹

Кетчер! Начну с упрёка; может, вы все его не заслужили; но, как угодно, *siori* *, небрежность непростительная: 1-е. Деньги Сазонов мог не обещать, но, обещавши, *должен был* прислать, потому что я занял на несколько дней бог знает у кого, надеясь получить. 2-е. Из твоего письма я ничего не понял, что же у вас готово, — всё то же, как было при мне и до меня. Вот поэтому-то я и придумал послать Матвея ². Ну сделай же милость, обрати внимание, вот в чём дело.

1. Дозволение от губернатора и с ее именем у меня есть и даже с печатью, на гербовой бумаге etc., но этого недостаточно, надобно какой-нибудь документ о ее совершеннолети, а в этом документе отказать не имеет никакого права священник церкви Иоанна Богослова за Тверским бульв⟨аром⟩, где ее крестили. Неужели не сладите всем корпусом взять у него?

2. *Ежели достанете от свящ⟨енника⟩* — то, не медля ни одной минуты, посылай за коляской, возьми N⟨atalie⟩, найми горничную и отправляйся сюда.

3. *Ежели не достанете*, то или найди священника, который бы за деньги обвенчал по губер⟨наторскому⟩ позволению (а он мне разрешил венчаться и в Московской губернии и напиши с Матвеем, куда мне приезжать), или сейчас отошли Матвея назад, ежели невозможно **; тогда надобно

* господа (итал.).

** вместе приезжайте. — Примеч. Герцена.

прибегнуть к самому последнему средству — ехать в Шую, там есть какой-то mascalzone * — поп.

Péroraison **. Итак:

Во всяком случае (*omni casu*), я советую ехать сюда (ежели только нет верного попа около Москвы).

Кетчер и все друзья. — Клянусь, я гибну и задыхаюсь; ежели сколько-нибудь вам дорог друг Герцен — теперь пособи́те. Спросите Матвея, в каком положении он меня оставил, — о, ежели б не любовь этого ангела — покуда не узнали здесь открытие твоего брата, я взялся бы за *acidum hydrocyanicum*! *** Ужасное положение!

Достаньте же свидетельство.

Да, впрочем, очертя голову приезжайте. — А главное деньги — это тоже свидетельство. Без денег уж и не ездите.

Герцен

Да, *omni casu* **** необходимо, чтоб Natalie приехала, а то, зачем я потратил 25 руб(лей) на квартиру? — Ну, хоть для того, чтоб вместе умереть, — чуть-чуть было не поставил я — господи, куда заводит фантазия.

В Шую надобно иметь 1600 руб(лей) государ(ственным) асс(игнациями). Я туда сегодня отправляю гонца.

А что, Emilie³ сшила того, а?

Нужно очень было Егору Ив(ановичу) говорить о деньгах. Черт знает что такое.

Да кто же поедет из дам? Emilie — дай бог.

Ну да приезжайте, так-таки просто приезжайте. Они⁴ откроют рот:

***** О, грудь ломится — крест тяжел не в меру, не то что Аннинский 3 ст(епени) с бантом.

Александр

Астраков — *grâce, grâce!*

(«Robert <le> Diable») *****⁵

Да помогите же.

А пуще деньги.

На другом листе:

Ежели Татьяна Алексеевна решится дать записку следующего содержания, то она почти равносильна свящ(енниковой):

«Девушка N. N., рожденная в 1817 году 22 окт(ября) и крещенная в церкви N. N., живущая ныне у меня и на моем попечении, вероисповедания греко-российского, на исповеди и у св(ятого) причастия бывает и препятствий не имеет к вступлению в брак с N. N. — В чем и удостоверяю.

N. N.»

Я просил архиерея; он говорит, что разрешить не может, но сквозь пальцы будет смотреть⁶. Ежели же достанете свидетельство от крестившего — то он разрешит прямо.

У Матвея формальное требование ко протоиерею, или иерею, или попу.

Сейчас отдайте Матвею деньги, обещанные Сазоновым.

Герцен

Николаю Христофоровичу Кетчеру.

Цидула, пропорциональная его массе.

* мошенник (итал.).

** Заключение (франц.).

*** синильную кислоту! (лат.).

**** во всяком случае (лат.).

***** Это зубы. — Примеч. Герцена.

***** Сжался, сжался («Роберт Дьявол») (франц.).

На обороте:

Кетчеру или Н. И. Астракову.

Близ Девичьего поля, собственный дом позади Мальцова.

Приход Воздвижения на Овражку¹.

¹ Публикуемое письмо относится ко времени лихорадочной подготовки к «похищению» Натальи Александровны из дома княгини М. А. Хованской. «Два месяца прошли в непрерывных хлопотах, — писал Герцен впоследствии в XXIII главе «Былого и дум», — надобно было занять денег, достать метрическое свидетельство; оказалось, что княгиня его взяла. Один из друзей <т. е. Н. И. Астраков> достал всеми неправдами другое из консистории — платя, кланаясь, потчуя квартальных и писарей» (изд. АН, т. VIII, стр. 365).

² Матвей Савельевич — слуга Герцена.

³ Emilie — Эмилия Аксберг, гувернантка Н. А. Герцена.

⁴ Они — т. е. родные Герцена.

⁵ Часто повторяемое Герценом восклицание из оперы Дж. Мейербергера «Роберт Дьявол» (1831).

⁶ Речь идет об архиепископе Владимирском и Суздальском Парфении (Васильеве-Черткове Павле Васильевиче, 1782—1853). Свои переговоры с ним по поводу брака Герцен подробно описал в XXIII главе «Былого и дум» (см. изд. АН, т. VIII, стр. 371—376).

4 мая 1838 г. Герцен писал своей невесте: «Душа моя, а как неприятно вести переговоры с попами... Фу!.. Зато у архиерея я был хорош: я не просил, я дал волю языку и пламенно, бешено требовал; он обещал не препятствовать и прибавил: „Вот огонь-то — и ссылка и тюрьма не вылечила его“» (II, 194).

⁷ Позднейшая надпись Т. А. Астраковой: «Эту почту читать вперед, она за 1838-й год».

3

Н. И. и Т. А. АСТРАКОВЫМ и Н. Х. КЕТЧЕРУ

<Владимир. 10 (?) мая 1838 г.>¹

Астраков, Татьяна Алексеевна, Кетчер!

Слава богу, друзья, мы соединены, счастливы, и подробности в следующий раз².

Прощайте.

А л е к с а н д р

Рукой Н. А. Герцен:

и Н а т а л ь я Г е р ц е н

Довольно ли вам?

Рукой Герцена:

Предупреждаю вас, что все шло превосходно, дивно венчались с благословения архиерея и заходящего солнца³.

Шляпку необходимо и платье, выслать ли денег? а впрочем, пришлите и так, ибо пока деньги есть — писать, ей-богу, теперь нельзя, в субботу рапорт подробно.

Рукой Н. А. Герцен:

Татьяна Алексеевна! вам довольно, что я подписала там Наталья Герцен, но я не удовлетворяюсь этим — благодарность, благодарность вам безмерная, бессловесная, невыразимая... а вы, Кетчер и Астраков! Я знаю, в душе вашей вам награда огромная⁴, а сверх ее еще бóльшая — блаженство Александра и Наталии Г е р ц е н ы х.

После буду писать много, много, пора на почту, прощайте, друзья! мы ваши, ваши, и счастье наше — ваше.

¹ На письме позднейшая помета Т. А. Астраковой: «1838. Мая (должно быть 10-го)».

² 9 мая 1838 г. Герцен обвенчался в «маленькой ямской церкви, верстах в трех» от Владимира (изд. АН, т. VIII, стр. 374).

³ Этот образ заходящего солнца, сопровождавшего их венчание, Герцен навсегда сохранил в своей памяти. Он писал в «Былом и думах»: «...Когда мы выезжали из Золотых ворот вдвоем, без чужих, солнце, до тех пор закрытое облаками, ослепительно осветило нас последними яркочерными лучами, да так торжественно и радостно, что мы сказали в одно слово: „Вот наши провожатые!“» (т а м ж е).

⁴ О помощи, оказанной ему супругами Астраковыми и Кетчером, Герцен тепло отзывался в главе XXIII «Былого и дум» (см. изд. АН, т. VIII, стр. 361—370).

4

Н. И. АСТРАКОВУ

<Владимир. 17 мая 1838 г.>

Астраков, с 8-го числа продолжается один восторг святой, высокий — душа не охладела еще настолько, чтоб давать себе отчет — после, гораздо после будет речь об этом ¹. Письмо получил. Все в Москве идет лучше, нежели мы думали ².

Моя жизнь развивалась как-то судорожно, болезненно — чего не пере-страдал я, начиная от родительского дома; вдруг туман рассеялся, тучи рассеялись, яхонтовое небо, светлое солнце — и жизнь полилась стройно. В Наташе не токмо полный отзыв всем требованиям моей души, но еще сверх их целый мир поэзии, и я ношусь в нем, убаюкиваюсь его песнями — словом не знаю, чего бы мне просить у бога.

Ни тебя, ни Тат<ьяну> Ал<ексеевну>, ни Кет<чера> не благодарю больше, вы совершили предопределенное богом — вы знаете, что вашими руками создано, в факте — наше счастье, велика и ваша доля.

Саз<онов> хочет посетить меня — рад, очень рад, однако замечу — всего лучше после 20-го — до тех пор я на старой квартире, очень тесной ³. Пришли с ним всё писанное, оставшееся от Наташи и, главное, «О себе»⁴. — Я теперь долго писать не буду, грешно; но зато какую я силу соберу в моем счастье, тут-то я окрепну — что мы теперь люди?

Ну прощай,

твой друг до гроба

А. Герцен

Я не думаю, чтоб нужно было все деньги от Сазонова и недовольно ли половины и для меня и для Натали. Пришли же книги и статьи, а пуще всего наряды хоть по почте. Архиерей будет писать в Москву, он не нарадуется на Наташу. Пожалуста наряды-то, да попроси Т<атьяну> Ал<ексеевну> подороже — ведь это раз трата.

Addio!

¹ 8 мая 1838 г., приехав тайно в Москву, Герцен встретился с Н. А. Захарьиной и выехал вместе с ней во Владимир. Этим днем Герцен исчислял начало их союза.

² Герцен имеет в виду впечатление, произведенное на родных его женитьбой. Наталья Александровна в приписке к этому письму сообщала Т. А. Астраковой:

«Сейчас письмо из Москвы — все чудесно! Папенька принял эту новость наилучшим образом; даже прислал 500 рублей мне на платья — чего мы боялись? Дети, дети!».

Мы уверены, что вас это порадует, друзья наши. Лев Алексеевич пишет Александру, что обнимает его супругу, и маменька пишет, что все радуются и хвалят, что мы так поступили. Вот бог, вот его провидение — радуйтесь, друзья, радуйтесь и еще и еще вам благословение!» (л. 11).

³ По-видимому, Сазонов не осуществил своего намерения приехать к Герцену во Владимир.

⁴ Эта просьба прислать рукопись «О себе», неоднократно повторявшаяся Герценом как в письмах к Н. И. Астракову, так и к Кетчеру, осталась неисполненной. О судьбе этой неоконченной повести см. исследование А. Н. Дубовикова в «Лит. наследстве», т. 63, 1956, стр. 9—55.

Н. П. АСТРАКОВУ

〈Владимир. 24 мая 1838 г.〉

Приписка к письму Н. А. Герцен к Т. А. Астраковой¹:

А может, я и в самом деле слишком холодно и черно привык смотреть на людей (в Вятке), и оттого люди меня приводят в восторг, и поневоле рвется слово благодарное им. Вперед исправлюсь².

ВЛАДИМИР-НА-КЛАЗЬМЕ

Литография 1846 г. с рисунка А. Дюрана, 1839 г.

Литературный музей, Москва

Что о себе сказать — я счастлив — это дело решенное и известное. Но вот что для меня ново. Гармоническое, стройное бытие мое теперь разливает во мне какую-то новую силу, аминь минутам убийственного desperatio *, аминь ломанью тела душою. Имея залог от провидения, совершив все земное — является мысль крепкая о деятельности, скажу откровенно — я ее не ждал.

Братский поклон Тат<ьяне> Алекс<еевне>.

Прощай.

А. Герцен

24 мая.

¹ В этом письме Н. А. Герцен писала: «Полна, изящна наша жизнь. Мы некогда пламенно желали с Александром бежать в Италию от льдов Севера и от сердец северных людей — теперь все тепло, близко, приветно, все братья, и крошечный Владимир — рай! <...> С восхищением жду папеньку-рыцаря...» («папенькой-рыцарем» Н. А. Герцен называла Н. Х. Кетчера).

² Начало приписки является откликом на несохранившееся письмо Астраковых.

* отчаяния (лат.).

Н. И. АСТРАКОВУ

<Владимир. 5 июня 1838 г.>

Записывать моменты двойной жизни. Нет, на это еще время не пришло и долго не придет. Дай сперва на больные места души осесть прозрачным кристаллам счастья, и притом ты знаешь условия кристаллизации — спокойствие, т. е. гармония. Оно и есть, но еще мало времени, надобно перестать *дивиться* на свое блаженство, надобно свыкнуться с ним и вдыхать его свободно, как воздух, как свет. Кристаллы оседут — и тогда прямо вынь слепок их из души, и это будет моя жизнь после 8 мая. А дивно шло все и так заключено в нас двоих, никто не подходил, ни близкий, ни дальний. Мы очутились, отданные богом друг другу, одни на целом земном шаре. Сердце говорило — вдали есть родные душою, но глаз не видал их, перед ним стояла она и раздвигалась природа. Это делает из новой поэмы жизни поэму греческую, древнюю. Там не было несколько переплетенных нитей, а одна группа, облеченная едва наброшенной тканью *обстоятельства*.

Ну заболтался. — К делу: должен я тебе или нет? Денег вновь не посылаю, и на это есть причина, хотя еще и не все я истратил, но до нового получения ¹ должен приостановиться. Кое-что поручил я дома. Думаю, впрочем, через короткое время иметь опять деньги, для *позолоты* греческой поэмы. Книжки наташины очень нужны, и бумаги, и моя книга. Я писал с папеньк(иным) мужиком к тебе записку; по ней можешь отдать, запечатать. Письма сегодня получены.

Прощай.

Весь твой

А. Герцен

5 июня. Суббота.

Татьяне Алексеевне мое искреннее почтение — нет, не почтение, а дружба.

Рукой Н. А. Герцена:

Татьяна Алексеевна!

Что вам сказать нового? Свет, свет, блаженство, рай... что еще? ну, разумеется, *более* нет ничего...

Сегодня получила и шляпу и платье — все, все прекрасно, благодарю вас за труды; простите, вы этого не любите, но все-таки благодарю премного. — Подождем из Москвы, а то, может, и опять к вам с просьбами.

Что ж рыцарь-папенька? Ах, кабы приехал! передайте ему от детей поклон и рукожатье.

Вас обнимаю.

Ваша

Н а т а

Николаю низкий, низкий душевный поклон.

Рукой Герцена:

Скажи, пожалуйста, Кетчеру, чтоб он мне прислал «Revue de Paris» ² с июля 1837 года и до сего дня. Читал ли он в этом журнале «Mauprat» George Sand? — Мне чрезвычайно правится Patience и ему, *думаю*, тоже ³. Да пусть еще пришлет 2-ю часть Жан-Поля ⁴.

¹ Герцен получал от отца 1000 рублей серебром в год. Эта сумма не была увеличена и после его женитьбы; однако И. А. Яковлев вскоре начал присылать сыну и невестке ценные подарки.

² Герцен позднее исправил свою ошибку: он имел в виду журнал «Revue des Deux Mondes».

³ *Patience* — действующее лицо в романе «Мопра» Жорж Санд.

⁴ *Жан-Поль* — псевдоним Иоганна-Пауля-Фридриха Рихтера (1763—1825). В молодости Герцен, как и большинство его современников, увлекался «преlestными сочинениями таинственного Жан-Поля» (изд. АН, т. I, стр. 70). Какое из многочисленных изданий этого плодovитого писателя просит прислать Герцен — неизвестно.

7

Н. И. АСТРАКОВУ

<Владимир. 7 июня 1838 г.>

Любезный друг. Я к тебе с просьбой нового рода, с просьбой «ради имени Христа». Вот в чем дело. Кажется, Полуденский не откажется попросить отца ¹. В Воспитательном доме открывается отделение для воспитания детей чиновников менее 8-го класса, и туда поступит или поступила просьба вдовы Медведевой ² из Вятки, жены асессора по Строительной комиссии и титул<ярного> советника Петра Медведева, — то нельзя ли дать просьбе ход? А я тебя удостоверяю, что эта несчастная женщина не имеет хлеба насущного, пренесчастливая. Итак, передай Полуденскому мою просьбу. Я уж писал и ко Льву Алексеевичу ³ об этом.

И прощай.

А. Герцен

7 июня

Что господин Барон? грозный могиканин степей Сокольниковских ⁴. Я писал тебе прошлый раз, чтоб передать ему мою просьбу о «Revue des Deux Mondes» и чуть ли не назвал этот журнал «Revue de Paris», поправляю: итак,

«Revue des Deux Mondes».

Я сегодня прочел выговор Наташе за то, что так долго продержала ваши вещи, а посему, вероятно, в субботу они отправятся к вам.

Татьяну Алексеевну мы вспоминаем очень часто, Наташа ее видела раз глазами, да, не выдавшись, прожила с нею душою целую жизнь.

А завтра 8-е, итак — месяц ⁵.

Его благородию

Николаю Ивановичу Астракову

В Москве

Близ Девичьего поля, приход Воздвиженья
на Овражках — собственный дом.

Почтовый штемпель. Владимир, 7 июня 1838

¹ Николай Петрович Полуденский (ум. в 1845 г.) — московский приятель Герцена, муж сестры Н. И. Сазонова. Его отец, Петр Семенович Полуденский (1777—1852), был сенатором.

² О Прасковье Петровне Медведевой см. в гл. XX «Былого и дум» (изд. АН, т. VIII, стр. 336—346).

³ Лев Алексеевич Яковлев — брат отца Герцена. Упоминаемое письмо к нему Герцена неизвестно.

⁴ Барон (Упсальский) — прозвище Н. Х. Ретчера. Он жил на окраине Москвы в Сокольниках.

⁵ Далее опускается приписка Н. А. Герцен.

Н. И. и Т. А. АСТРАКОВЫМ

<Владимир. Около 20 июля 1838 г.>

Приписка к письму Н. А. Герцен:

Собирался давно писать к тебе, да вот что значит *pater familias* * — хлопоты, кейф — и дождался строжайшей реприманды **. Завтра едем и до 10 августа не вернемся¹. Лафонтень, не читаемой памяти, говорил: «Счастливы то семейства, о котором нечего сказать и ничего не говорят»² (поэтому я думаю, что Швеция — рай земной), а я, должно быть, еще счастливее, потому что и сам не знаю, что сказать об нас. По обыкновению читаю много, и, собственно, перемена в том, что то время, которое встарь проводил, думая об Наташе, провожу с нею.

Моя жена — из *parier mâché* ***, раза три была больна, чуть ветер дунет — простудилась.

Прощайте. В молчанье виноват; но будьте уверены, что любовь к вам, друзья, не остыла и не остынет, она, как кавказская вода, вечно +80° по Реомюру.

Прощайте.

А. Герцен

Сколько я должен Сазонову? Нельзя ли узнать — скоро у меня будут деньги; пиши не прежде 10 августа³.

¹ По разрешению владимирского губернатора И. Э. Куруты Герцен с женой отправился в отпуск к отцу, выехавшему на лето из Москвы. Наталья Александровна писала в этом же письме Т. А. Астраковой подробнее: «Теперь мы собираемся к папеньке, в деревню Льва Алексеевича, в Покровское, недалеко от Москвы, но надо будет ее объехать; может, пробудем там недели три****. В письмах его и тени нет неудовольствия — ни облачка, ни облачка на нашем небе! — Теперь сказать вам о своем житье-бытье: ежели не читаем книгу, то скитаемся по полям и горам и читаем природу, и бульвар здесь есть, и на бульваре публика есть — но нам тесно с добрыми людьми. Мы уходим туда, где и следа их нет, за заставу, далеко — виды отовсюду прелестные, возвращаемся домой поздно, усталые, в пыли, ни с кем не знакомы решительно, кроме семейства Куруты, да и на что нам знакомые во Владимире?» (лл. 21—22).

² В «Записках одного молодого человека» Герцен с иронией вспоминает о том, как в детстве он увлекался романами немецкого писателя Августа Лафонтена (1758—1831). В «Гофмане» он уже относил эти романы к тому роду произведений, которые, «будучи еще пошлее самой жизни, впади в приторную, паточную сентиментальность» (изд. АН, т. I, стр. 266 и 70).

³ Письмо Герцена к Н. И. Астракову с сообщением о возвращении во Владимир от 20 августа 1838 г. — см. II, 202.

Н. И. АСТРАКОВУ

<Владимир.> 27 августа <1838 г.>¹

Письмо твое получил, и так как Татьяна Алексеевна забирает справки по делу «о построении мантилии цвету якобы вороньего крыла и о такой же белой», то, пользуясь *сей будущей настоящей* оказией, и я пишу.

Что, существует ли «Московский наблюдатель»? — об нем нигде не говорят — и каков?² Я с своей стороны очень доволен «Сыном отечества»³.

* отец семейства (лат.).

** выговора (от франц. «reprimande»).

*** папье-маше (франц.).

**** Эти слова позволяют датировать приписку Герцена приблизительно 20-м числом, а также уточнить день выезда Герцена из Владимира. — *Ред.*

Помнишь ли там статью Литтре о единстве плана царства животного? ⁴ Хотелось бы мне поговорить об этом. Я думаю, то же единство, тот же план и во всей материальной природе, во всем $\pi\alpha\upsilon$ ⁵. Бывали ли с тобою минуты, когда глубокое удивление природы приводит к пантеизму, когда вся эта природа кажется плотью бога, его телом. Эта мысль просвечивает часто у Гёте, от нее он и дошел до мысли единства плана. Но не всегда эта пантеистическая мысль представляется * достаточной. Откуда зло фи-

Н. Х. КЕТЧЕР

Рисунок К. А. Горбунова, 1845 г. из альбома, подаренного Герцену Огаревым
«Пражская коллекция»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

зическое и моральное. Тут религия, тут мистицизм и вера, а с верою несообразен пантеизм. Смерть хочется поговорить обо всем этом, а писать слуга покорный.

А. Герцен

Хочу со временем приняться за арабский язык, потому что хочу ехать на Восток. Мы, европейцы, слишком надеемся на свое, а Восток может дать много. Страна мысли почившей, фанатизма, поэзии неужели не даст еще раз своей ленты в дело европейское, которому она дала много — и христианство, и исламизм, и крестовые походы, и османлисов, и мавров. — Ев-

* Далее зачеркнуто: аксиомой. — Ред.

ропа вся выразилась этими типами, Англия, Пруссия, Нью-Йорк. Ну и что же? Неужели узкая теория северо-американцев, феодализм Англии и прусские геллертеры — всё, что может человечество?.. Чёрт знает что на меня нашло за любопытное расположение.

Так как на той странице письмо окончено по форме, то и не нужно его 2-й раз оканчив(ать). Что Негг Барон? Что Сазонов и его свадьба? Новостей всяких литературных и безграмотных и etc.⁶

¹ Письма Герцена к Н. И. Астракову от 20 и 23 августа 1838 г. — см. II, 202 и 204. См. также в сб. «А. И. Герцен. Новые материалы». М., 1927, стр. 189, опущенную М. К. Лемке приписку Н. А. Герцен к Т. А. Астраковой.

² Журнал «Московский наблюдатель» с марта 1838 г. перешел под редакцию Белинского. Книжки журнала выходили в это время крайне нерегулярно, однако к августу 1838 г. было разослано подписчикам шесть книжек, первая из которых (мартовская) вышла в свет 4 мая, а последняя (2-я майская) — 17 августа. См. «Лит. наследство», т. 57, 1951, стр. 260. Герцен предполагал участвовать в этом журнале (II, 205).

³ С 1838 г. журнал «Сын отечества» начал выходить под редакцией переехавшего в Петербург Н. А. Полевого (номинальным редактором был Н. И. Греч).

⁴ Герцен имеет в виду статью Эмиля *Литтре* (по поводу парижского издания сочинений Гёте об естествознании) в майской книжке «Сына отечества» за 1838 г. (отдел «Критика»).

⁵ *Пан* — греческое божество, персонифицировавшее природу.

⁶ Далее опускается приписка Н. А. Герцен.

10

Т. А. и Н. И. АСТРАКОВЫМ

<Владимир. 19 сентября 1838 г.>

Приписка к письму Н. А. Герцен¹:

Что же ваш Николай мне не отвечает, можно ли доставить письмо, приложенное тогда ², а мне это очень хочется знать, а вот почему я теперь пишу к вам об этом, а не к нему, этого и сам не понимаю, и потому середь речи обращаюсь к нему.

Что же, друг, когда сбудется твой слух о скорой развязке, хотя мне индивидуально хорошо жить, но *пора* выйти на свет божий ³. — Что же Барон и Сазонов грозились посещением, — за чем дело стало, — хочется с родными повидаться. Тебя не зову — потому что наверное не поедешь. — Ну, мое почтение.

А. Герцен

¹ В своем письме Н. А. Герцен сообщала, между прочим: «Искавши очень долго квартиры, претерпевши разные всевозможные неудобства, мы нашли, наконец, прекрасную квартиру» (л. 35). Это — «большой барский дом с садом», описанный Герценом в «Былом и думах» (изд. АН, т. VIII, стр. 377).

² Герцен просил Н. И. Астракова переслать его письмо Огареву.

³ По-видимому, Астраков сообщил слух о том, что Герцена возвращают из ссылки.

11

Н. И. и Т. А. АСТРАКОВЫМ

1838. Октября. Владимир

Саго! Я своекорыстно обрадовался твоему намерению идти в директоры, здесь есть ваканция: был дир(ектором) Калайдович, его прогнали, теперь правит должность Соханской, поистине — один из казенных скотов нашего времени ¹. Не хочешь ли? Вот бы прелесть. И ты полковой командир Дмитрия Вас(ильевича) Небабы (который здесь во всем городе считается Лейбницем) ². Выгоды: 175 в(ерст) от Москвы; остальные выгоды — большие невыгоды: бедный город, глупый город — но всё это перевешивается истинным удовольствием и честью быть в одном городе с Герценом,

одним из самых лучших моих знакомых. Да скажи мне вот что: в вятской гимназии есть учитель русс<кой> слов<есности>, превосходный человек и ученый насколько нужно, учился в Казанс<ком> унив<ерситете>, ему остается год пробывать в округе, а потом я ему советую бросить Австралию и ехать в пред-Европие, т. е. Москву. Есть ли возможность (и какими средствами) получить место по сей части? А человек такой, о котором стоит позаботиться³.

Далее quasi *-драма идет⁴; мне нравится, да хочется, чтоб еще нравилось кой-кому. Наташа — судья пристрастный. Пришлю образчики, да только это не драма (я соврал, писавши к Саз<онову>)⁵, а сцены. Хочется печатать что-нибудь, хочется свое имя записать между Сенковским, Ал<ександром> Анф<имовичем> Орловым, Бенедиктовым! — Что за скот выдумал печатать портреты в книге, издав<аемой> Смирдиным, и в главе Сенковский, после Пушкин⁶. Я скажу про нашу литературу как Югурта про Рим: «О, продажный город. Жаль, что нет покушника на тебя». — И кто будет покупать лица Тимофеева, Кукольника и пр.? Я думаю, все это делается для того, чтоб так нагадить и намерзить литературные занятия, чтоб порядочному человеку равно казалось красть платки и печатать книжки. Оно уж и началось с издания журнала *Cloaca maxima*** «Б<iblio-тека> д<ля> ч<тения>», — наконец, дошло до того, что, наряду с Пушк<и-ным>, гравировуют А. А. Орлова — да верить ли подобным нелепостям?

Мое почтение.

Позвольте мне вас, Татьяна Алексеевна, преусердно поблагодарить за хлопоты по просьбе Наташи, предоставляя ей *пространнее распространиться*; я ограничиваюсь тем, что, с вашего дозволения, целую вашу ручку⁷.

¹ Речь идет о несостоявшемся назначении Н. И. Астракова на вакантное место директора владимирской гимназии. — *Калайдович* — вероятно, Федор Федорович Калайдович, брат известного историка. — Николай Иванович *Соханский* — инспектор владимирской гимназии.

² Дмитрий Васильевич *Небаба* (ум. в 1841 г.) — учитель математики владимирской гимназии, товарищ Герцена по Московскому университету, вместе с Герценом редактировал в 1838—1839 гг. неофициальное «Прибавление к „Владимирским губернским ведомостям“». См. его подробную характеристику в главе XVIII «Былого и дум».

³ Речь идет об Андрее Ефимовиче *Скворцове*, о котором см. в главе XVI «Былого и дум». Скворцов в Москву не переехал.

⁴ Ранний драматургический опыт Герцена. Первый вариант его был стихотворный, позднее — в 1840 или 1841 г. Герцен придал ему прозаическую форму. Известен по публикации в «Воспоминаниях» Т. П. Пассек «Из дальних лет» под заглавием — «Из римских сцен». В издании под редакцией М. К. Лемке озаглавлено: «Лициний». В издании АН СССР помещено под названием «Из римских сцен» с авторской датой — «1838 г. Владимир-на-Клязьме» (т. I, стр. 183—195).

⁵ Это письмо Герцена к Сазонову неизвестно.

⁶ Первый том задуманного А. Смирдиным десяти томного иллюстрированного издания «Сто русских литераторов», с гравированными портретами, вышел в свет в 1839 г. Вероятно, Герцен ознакомился с содержанием первого тома по объявлению. Возмущение его тем, что в этой книге напечатаны портреты многих ничтожных писателей, а портрет Сенковского помещен раньше портрета Пушкина, разделял и Белинский (см. его рецензию на первый том этого издания в «Московском наблюдателе», 1839, № 3, стр. 1—13. — Полное собр. соч. В. Г. Белинского — изд. АН, т. III, 1953, стр. 99—106).

⁷ Далее опускается приписка Н. А. Герцен, в которой она сообщала, между прочим: «... мы живем, как отшельники, ни к нам никто, ни мы никуда, кроме семейства Куруты. Книжки, фортепиано, воспоминания и море блаженства настоящего, слившееся с будущим(...). Что, ежели это возможно, чтоб вы с Николаем переехали сюда? Мы, вероятно, еще долго здесь пробудем. Александр хочет занять должность...» (л. 38).

* почти (лат.).

** Сток для нечистот (лат.).

Н. И. АСТРАКОВУ

〈Владимир. После 8 ноября 1838 г.〉¹

Да, любезный друг, вопрос, страшащий тебя, и нам приходит часто, часто в голову. Верить ли ты в бессмертие? Как не верить? Доказать я не могу очевидно, а внутри голос говорит. И будто человек не может жить независимо от времени и пространства? Да это-то и есть полная жизнь; что такое время, пространство, как не кандалы? А кому они нужны? Телу. Но ежели мы сознаем в себе начало, которое тяготится *этими* условиями тела (ясно, что тяготится: я хочу с тобой говорить, а ты отделен пространством, я хочу видеть Наполеона, а мы разделены временем), стало это началом бессмертно. *Omni casu* *, умирать — дело страшное; ежели нет бессмертия, я отказываюсь умирать, просто не хочу, я титулярный советник и имею на это право как личный дворянин, а ежели есть — ну и тут чудно. Проснешься без тела, хочешь идти — ног нет, хочешь сказать: «Ай, ай, ай, что за чудеса» — языка нет, одна душа сама по себе.

Дома у нас есть от Саз〈онова〉 письмо, но я еще не получил². Что же обещанные критики? ³ *Двадцатый* раз приношу Кетчеру просьбу о присылке от Левашевой книг. Да что он за еретик, что не слушает? Вторую половину 1837 «*Revue des Deux Mondes*». Ведь ему только и труда, что доставить к нам в дом.

На днях мы вспоминали с Наташей посещ〈ение〉 Татьяны Алексеевны к княгине⁴ и вообще ваше участие и дивились вам от души. Это лучшее доказательство испорченности нравов в наш век — чему ж дивиться, что человек помог человеку?

Что ты мне не писал, отослал ли письмо к Ог〈ареву〉? — Я спрашивал у К〈етчера〉, взойти ли в сношения с Полевым, но он не отвечает, узнай, пожалуйста⁵. Каков Смирдина альманах со 100 портр〈етами〉. И прощай.

Ал. Герцен

Татьяне Алексеевне дружеский искренний поклон⁶.

¹ Датируется по содержанию первых слов приписки Натальи Александровны: «Вспомнили ли вы нас как минуло *погода*?», т. е. с 8 мая 1838 г., когда Герцен увез Наталью Александровну из Москвы во Владимир.

² *Дома* — т. е. в Москве. — Это письмо Н. И. Сазонова к Герцену неизвестно.

³ По-видимому, Герцен ждал от друзей отзыва на «Римские сцены». См. примеч. 4 к письму № 11.

⁴ Подробное описание этого посещения Т. А. Астраковой княгини М. А. Хованской см. в воспоминаниях самой Т. А. Астраковой, напечатанных в книге Т. П. Пассек «Из дальних лет» (изд. 2, т. II, СПб., 1906, стр. 81—84).

⁵ Возобновить отношения с Н. А. Полевым Герцен, вероятно, собирался для того, чтобы печататься в «Сыне отечества», редактировавшемся Полевым.

⁶ Далее опускается приписка Н. А. Герцен, адресованная Т. А. Астраковой.

Н. И. АСТРАКОВУ

1838. Владимир. Ноября 26-е

Любезный друг! Недавно получил я записку от Сазонова, в которой он пишет о письме, отправленном от него ко мне недели 3 тому назад, — я его не получил¹, а так как я предполагаю, что при том письме была писанная книга², то меня *весьма* занимает, что с ним сделалось. Кетчер очень неаккуратен, то не у него ли, не узнаешь ли ты? А из этого произошел,

* во всяком случае (лат.).

между прочим, довольно неделикатный поступок Сазонова — *он повторяет* мне о деньгах, взятых у него. Ежели бы Сазонов в самом деле нуждался, тогда только мог бы он себе позволить повторенье. Я займу и к новому году отошлю ему. — Ум и таланты его заставляли меня *натягивать* в нем душу, но вижу, что это невозможно. Неужели он мог думать, что я утаю его 900 руб(лей) у себя, писавши 2 раза к нему, что при первых свободных деньгах я ему отдам? Вот люди и люди: у вятского откупщика Беляева я взял 4500 руб(лей) без векселя и когда отослал ему в сентябре 3500, то он пренаивно спрашивает, не стеснил ли я себя, платя ему. Во всяком случае, я при возможности в январе отошлю ему деньги, часть хорошего мнения отослал уж предварительно.

Узнай же об писанной книге.

Отец Огарева умер ³ — *sit tibi terra levis!* * А что, письмо к нему пошло ли?..

И прощай, вот все, о чем хотел на сей раз писать к тебе.

А. Герцен

Я тебя вопрошал, какие возможности предстоят для перехода учителя из вятской гимназии в московскую, ты за благо рассудил не отвечать, а я рассудил за благо повторить ⁴ — ответ.

Что Кетчернус?

Татьяне Алексеевне братский поклон ⁵.

Николаю Ивановичу
Астр(акову).

¹ Упоминаемые письма и записка Сазонова к Герцену неизвестны.

² Речь, вероятно, идет о «Записной тетради 1836 г.», куда вписаны рукой Герцена и писарской рукой «Легенда», «Встречи», а также записи «Отдельные мысли» и др. (ныне хранится в Отделе рукописей Библиотеки СССР им. В. И. Ленина). См. упоминания в предыдущих письмах.

³ Платон Богданович Огарев умер 2 ноября 1838 г.

⁴ См. выше, письмо № 11.

⁵ Далее опускается приписка Н. А. Герцен.

14

Н. И. АСТРАКОВУ

31 декаб(ря) 1838. Вл(адимир)

Вот и я перед тобою, во-первых, с повинной головой, во-вторых, с поздравлением к новому году. Желаю тебе... ну чего бы... денег, ибо остальным тебя наделил щедро бог, — он дал тебе душу, раскрытую любви и чувствам высоким, он дал твоей душе другую душу — стало, с этой стороны всё. — «Пошлый человек, — скажет какой-нибудь идеалист, — желает после этого денег». — А я повторю мое желание, я для того их желаю и тебе и мне, чтоб не думать об них, чтоб не думать о материальном, когда есть другой мир, в котором можно жить. Но мир идеальный таков, что весь человек не помещается в него, ноги вниз, а из-под полу дует, смерть холодно. Надобно денег, чтоб топить под полом.

С 1833 на 34 — дома.

С 34 на 35 — в Крутицах.

С 35 на 36 } в Вятке.

С 36 на 37 }

С 37 на 38 — на станции в Нижегородской губ(ернии).

С 38 на 39 — во Владимире с Нею.

С 39 на 40 — ?. ¹

* да будет тебе земля легка! (лат.).

И кто и для чего и на что меня так бросали, перебрасывали, отодвигали, запирали, придвигали — право, не знаю, я не отвечаю за свою жизнь, все шло в силу двух высочайших повелений: 1-е — бога и 2-е — государя.

После четырех черных встреч с новым годом, нынче светлая. О светлая, чистая, как небо голубое, как... может быть *наш* новый год, когда мы его встречаем *вместе*. И ты встретишь его с нею. Итак, благословим **новый** год. Для меня лучше 1838 не будет этот господин, который завтра родится; ежели моя жизнь (как и каждого человека) — поэма, то 1838 — лучшее место в ней.

Однако прощай. Поздравляю Татьяну Алексеевну, да не холодно поздравляю, а иначе, как друг, как брат.

А. Герцен

Буде увидишься с Кетчером, скажи ему, что скоро будет оказия, по которой он может мне переслать всё, что хочет, да книгу мою писанную, ежели и не хочет — пусть отдаст Егору Ив<ановичу>. — В десятый раз я прошу Кетчера о том и о другом и даже нет ответа. Получил ли он письмо через Сазонов<а>? — Я спрашивал его раз десять, куда мне посылать статьи, он столько же раз счел за благо промолчать. — А право, всему беда и причина, что живет за ∞^2 . Прощай³.

¹ Герцен перечисляет места, где встречал Новый год.

² Математический знак, изображающий бесконечность.

³ Далее опускается приписка Н. А. Герцен, адресованная Т. А. Астраковой, в которой она писала, между прочим: «О, мое блаженство, ей-богу, растет с каждым днем, я умру от любви, от счастья — но нет, *надо жить!*» (л. 44).

15

Н. И. АСТРАКОВУ

<Владимир.> 1839. Января 14-го

Письмо твое, caro carissimo, получил¹. Твое сообщение несправедливо о праве благословлять и проклинать. Подобное распоряжение сделано — *но не у нас*, а у Л<ьва> А<лексеевича>, и притом я тебе говорю не гадательно, а наверно. № 2. С чего ты вообразил, что Матвей² отходит? Это вздор даже и потому, что он взял жалованье до апреля.

Нового ничего. Да и забыл, 27 декаб<ря> пошло обо мне от губ<ерна-тора> представление, на днях будет ответ³. Что-то? С праздников Наташа очень была больна, теперь ей лучше. Третьего дня мы оба вспомнили твою именинницу и вспомнили, что следовало бы приуготовительно отписать проздравление — да вот причина: мы люди вовсе не порядочные. Поздравляю и я. Ну, как вы поживаете — а мы славно. Точно будто нас выбросили в степь, и мы пируем там вдвоем медовый год. Людей и не слышать. Никуда не ездим и живем припеваючи.

Я и Огареву писал еще по почте⁴ — Кетчер молчит. Благодарю тебя, ты не забываешь опального друга.

Прощай. Первая часть «Лициния»⁵ готова, я опять принялся за свою биографию и довольно удачно, написал «Университет» и «Холера». Теперь пишу «Вятка»⁶. Смертельно хочется печатать — или уж подождать освобожд<ения>?

Totus tuus *

А. Герцен

К прочим новостям принадлежит то, что я, совсем отвыкнувши от латинского чтения, вздумал привыкнуть и, хотя не без труда, читаю «Енеиду» и Тацита. Мне кажется, что из всех римлян писавших — один Тацит

* Весь твой (лат.).

(Maclean W.L.
A. H. [unclear]
Rep. 8, & [unclear] Maclean

[illegible][illegible]

with maps in paper

МАРИМ АЛЕКСАНДРУ И НАТАШЕ»

Написано 17 марта 1839 г. во время посещения Герценов во Владимире и посвящено изданию *«Воспоминаний о В. И. Ленин»*.
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

необъятно велик — остальные ежели и гениальны, то ужасные мерзавцы по жизни. А воля ваша, жизнь неразрывна с человеком ⁷.

¹ Это письмо Н. И. Астракова неизвестно.

² О *Матвее* см. примеч. 2 к письму № 2.

³ 26 декабря 1838 г. владимирский губернатор И. Э. Курута направил министру внутренних дел Блудову ходатайство о снятии с Герцена полицейского надзора. На запрос Блудова шеф жандармов ответил 1 февраля отказом (II, 238—239).

⁴ Письмо это неизвестно.

⁵ Так иногда называл Герцен первый, не дошедший до нас стихотворный вариант своего драматического произведения «Из римских сцен». См. примеч. 4 к письму № 11.

⁶ Это — продолжение работы над автобиографической повестью «О себе». См. примеч. 4 к письму № 4.

⁷ Далее опускается приписка Н. А. Герцен, адресованная Н. И. и Т. А. Астраковым.

16

Н. И. АСТРАКОВУ

(Владимир. 14 февраля 1839 г.)

Любезный друг! Знаешь ли, когда я пишу к тебе и вообще к близким родственникам души?.. Вдруг мне смертельно захочется кого-нибудь из друзей и взгрустнется по нем... я за перо и писать, тотчас он и является на сцену, и прозрачный образ его ходит по моему письменному столу, как будто живой, и письмо мое — собственно несколько слов из разговора с мнимым собеседником. Ну вот посмотри: ты и Татьяна Алексеевна сидите тут за шандалом. Щека подвязана, рука протянута мне. А вы ведь воображаете, что живете в Москве близ Девичьего поля. Вот шандал и стол вверх ногами — чернила льются по полу, я сам прижался на потолке, сани едут по крышке... Это является дух Кетчера — черепки дома, обломки моих рук и моих трубок неразрывны с ним — так же, как и чистая, высокая дружба. Ей-богу, я вас так люблю, ну смерть люблю... Вот когда мы усядемся рядом, и ты и твоя *она*, и я и моя *она*, и мы все на целый вечер, а то все как-то смутно встречаемся. 18 апреля я был сумасшедший, а 21 января — весь в хлопотах ¹ (Голохвастов) обещал место моему вятчанину через несколько месяцев и то не в гимназии) ².

Я в последнее время мало писал, а читал много. Между прочим, очерки из Гегеля ³. Много великого, однако не всю душу захватывает. В Шеллинге больше поэзии. Впрочем, Шеллинга я читал самого, а Гегеля в отрывках. Это большая разница. Главное, что меня восхитило, это его пантеизм — это его триипостасный бог — как Идея, как Человечество, как Природа. Как возможность, как объект и как самопознание. Чего нельзя построить из такого начала? Гегель дал какую-то фактическую несомненную непреложность миру идеальному и подчинил его строгим формулам, т. е. не подчинил, а раскрыл эти формулы его проявления и бытия, но он мне не нравится в приложениях. Что вовсе не мешает мне пребыть с чувством истинного уважения и таковой же преданности, милостивый государь, вашим покорнейшим слугою

Алекс. Герцен

Владимир, что на Клязьме

1839. Февраля 14 ⁴.

¹ С 16 по 19 апреля 1838 г. Герцен был в Москве для свидания с Н. А. Захарьин; 21 января 1839 г. он был отпущен губернатором Курутой в Москву в связи со смертью его дяди — Л. А. Яковлева («Сенатора»).

² См. примеч. 3 к письму № 11.

³ О каком издании Гегеля идет речь — не установлено.

⁴ Далее опускается приписка Н. А. Герцен, адресованная Т. А. Астраковой.

17

Н. И. АСТРАКОВУ

<Владимир.> 19 марта <1839 г.>

Это письмо тебе доставит жена Огарева, она хочет познакомиться с твоей женой. — *Огарева достойна своего мужа*; была у нас несколько дней, и эти дни мы провели дивно, превосходно ¹. — Из Петербурга отказ ², еще год в Владимире.

Прощай. Жму руку твоей Татьяне Алексеевне. Наташа потому не пишет, что некогда. Она вам много кланяется.

А. Герцен

Рукой Н. П. Огарева:

Я вас мало знал, но вы, или, лучше, ты, мне друг, потому что ты друг Александра. Рекомендую тебе мою жену, она нам всем добрая сестра. Прощай. Когда увидимся — не знаю.

Николай Огарев

¹ Н. П. и М. Л. Огаревы гостили у Герцена во Владимире с 15 до 19 марта 1839 г. Это было первое свидание Герцена с Огаревым после пятилетней разлуки. Эта владимирская встреча с Огаревыми описана Герценом в XXV главе «Былого и дум» (см. изд. АН, т. IX, стр. 11—12). См. также следующее письмо.

² См. примеч. 3 к письму № 15.

18

Н. И. и Т. А. АСТРАКОВЫМ

<Владимир.> 28 марта 1839

Я что-то бессовестно давно к вам, друзья, не писал, ибо записочку, посланную с Огаревой, я не считаю за письмо. Взяв сие в рассуждение, я взял перо и начал письмо словами: «Я что-то...» (*Зри выше*).

Ну, Христос воскрес, целую вас, дай вам бог продолженье долгое и предолгое вашего счастья.

Что, Татьяна Алексеевна познакомилась ли с М^арьей Л^ьвовной, с этой милой подругой нашего поэта? Что это за дивные четыре дня. Такого избытка счастья нельзя себе представить; о, как хороша жизнь и люди, ежели они сорвутся с грязной колеи!

Долго и долго я буду жить душою этими днями, они не прошедшее, а живущее в груди. Наташа и Он — вот два существа, которые я поставил на высокий пьедесталь и поклоняюсь им.

Возьми у Кетчера стихи, которые я ему прислал неделю тому назад ¹.

Право, становится страшно жить, мы что-то слишком счастливы, но, впрочем, провидение не так, как Морошкин ², судит не по римскому праву и, следовательно, не знает закона возмездия, — хвала ему, хвала и молитва.

А что Кетчер, я думаю он очень грустит о Екатерине Гавриловне? ³ Сколько я знал, там он только и отогревался ежедневно от многого холода.

А вот и от тебя письмо. — Благодарю-с ваше высокоблагородие за память. Кто тебе сказал, что я пишу; последнее время я был вовсе недеятелен. — Ну и прощай.

Ал. Герцен

Его высокоблагородию
Николаю Ивановичу Астракову.

В Москве

Близ Девичьего поля, в приходе Воздвиженья
на Овражках — в собственном доме.

Почтовый штемпель: Влад^имир. 28 мар^{та} 1839

¹ Герцен имеет в виду стихи Огарева «Марии, Александру и Наташе», посвященные владимирскому свиданию и написанные в доме Герцена. Герцен послал их Кетчеру при письме от 21 марта 1839 г. — см. II, 254.

² Федор Лукич *Морошкин* (1804—1857) — профессор Московского университета по кафедре права. В «Былом и думах» Герцен охарактеризовал его как «полуповрежденного» (изд. АН, т. IX, стр. 156).

³ Екатерина Гавриловна *Левашева* — близкий друг Чаадаева, хозяйка литературного салона, женщина, глубоко уважаемая Герценом (см. о ней в статье «Михаил Бакунин» и в XXIII главе «Былого и дум» — изд. АН, т. VII, стр. 342, и VIII, стр. 366—367). Н. Х. Кетчер был постоянным посетителем ее салона. Она умерла 9 марта 1839 г.

⁴ Далее опускается приписка Н. А. Герцен, адресованная Н. И. и Т. А. Астраковым.

19

Т. А. и Н. И. АСТРАКОВЫМ

XVIII

18 апреля 1839! Владим(ир) ¹

Татьяна Алексеевна, вы понимаете ли, что это значит *18 апреля*, ведь это день нашей встречи, день, в который в мои святцы вписаны два новых угодника:

Раб божий Николай и	}	иже за освобождение мученицы Наталии в Цареграде пострадавших.
Раба божия Татьяна		

18 апреля перед обедом явился я перед вами, печальный, смущенный, во фраке Сазонова. Вот вы поехали к княгине, а я жду... Кажется, вы года полтора ездили, а воротились все-таки *18 апреля*.

18 апреля я, грустный еще больше, без положительных надежд и без фрака Сазонова, поехал... динь, динь...

Вспомнили ли вы?

А мы вспомнили!

Да и каковы были бы мы, ежели б не вспомнили. Еще раз вас благодарю дружески, братски и до тех пор мне не надоест благодарить, покуда богу не надоест повторять 18 апреля... а это, спросите у Николая..., так тесно связано с путем Солнца (которое не двигается ни с места), благосостоянием земного шара и разной планиды небесной, что никакой надежды нет к прекращению 18 апреля.

Как я взгляну назад и припомню все, что было между этой парой 18 апреля, то, ей-богу, готов броситься на колени и молиться и молиться со слезами восторга... все было несбыточно — все сбылось, все было черно — все сделалось светло, и дивно светло, и я сжился со светом. Право, в этот год мой путь я не променяю на путь Сатурна, несмотря на то, что он, как пальяс * в конной комедии, летит с обручем ежегодно верст 10 000 000 000 000 (добро бы в Воронеж богу молиться, а то, так-таки просто летит).

Ну, и ты, раб божий Николай, дай руку; да, брат, дай, право, еще раз сказать *спасибо* и не сердись, ведь слово это истаскано; через чьи губы оно не цедилося, по чьему языку не сползало в воздух, да я смысл ему придаю поважнее. — И у меня оно вовсе теперь не с языка ползет (ибо я всегда пишу, закрывши рот, чтоб как-нибудь муха не залетела) — а течет с пера прямым трактом из сердца, — недаром я Герцен ².

Соприкосновенному к 18 апреля К(етчеру) поклон, скажи ему, что Голубев ³ был, благодарю его очень за присылку книг. Только он в елит скоро прислать, ну, пусть сам рассудит: ежели литература — вздор, можно пробежать быстро, то 6 томов (*немецкой работы*) раумеровой истории не берусь отчитать ближе месяца. Пожалуста, скажи ему и особенно благодари его за Раумера ⁴. Может, К(етчер) долго не придет к тебе, тем лучше, — ато выигранный срок на чтение. Не собирается ли он ко мне?

* паяц (от франц. «*raillasse*»).

Между владимирскими новостями тебя всего более тронет весть о кончине кн. Одоевского, особенно когда ты узнаешь, что он лет семьдесят тому родился и, след(овательно), получит понятие о том, (зачем он) * существовал⁵.

Memento mori!**⁶

Его высокоблагородию Николаю Ивановичу Астракову.

В Москве

Близ Девичьего поля, в приходе Воздвиженья
на Овражках, собственный дом.

¹ Публикуемое письмо напечатано М. К. Лемке (II, 259—260) по тексту воспоминаний Т. П. Пассек, с многочисленными искажениями. Печатается нами по фотокопии с автографа.

² Намек на значение немецкого слова *Herz* — сердце.

³ Яков Иванович Голубев — зять А. Л. Витберга.

⁴ Речь идет о шеститомном труде немецкого историка Фридриха Георга Вильгельма Раумера (1781—1873) «Geschichte der Hohenstaufen und ihrer Zeit», вышедшем в свет в 1823—1825 гг., или же восьмитомном сочинении его же «Geschichte Europas seit dem Ende des 15 Jahrhunderts» (1832—1850; к 1839 г. вышло шесть томов). Герцен возвращал Кетчеру книги Раумера по частям (см. II, 240, 260, 262, 273).

⁵ Князь Иван Сергеевич Одоевский (1769—1839) — отец поэта-декабриста А. И. Одоевского. Во Владимирской губернии находилось его имение.

⁶ Далее опускается приписка Н. А. Герцен, адресованная Т. А. Астраковой.

20

Т. А. и Н. И. АСТРАКОВЫМ

⟨Владимир.⟩ 8 мая ⟨1839 г.⟩

Письмо ваше от субботы мы получили, а вы не пишете ни теперь, ни в прошлый раз — получили ли вы наше послание от 17 апреля?¹

Да, сегодня год. Год счастья, год светлый. Это лучшее время моей жизни. А между тем варужные обстоятельства кажутся гнетущими, да в том-то и дело, что обитель души так пространна, что в ней море радостей, вос-торгов, что за дело до берегов?

Каждая минута памятна прошлого 8 мая. Дождь ливня, гром стучит на небе, Матвей стучит в ворота. — «Что это К<етчер> долго не идет?»; наконец, идет шляпа с огромными полями, прикрывая собой К<етчера>. — Началось с строжайшего выговора мне, зачем я не сохранил то хладнокровие, какое Наполеон на Ватерлоос<ском> сражении, и зачем ямщику дал много денег. — А право, я был бы прескверный человек, ежели б я был хладнокровен в тот день, когда решалась судьба моя и Наташи.

Ну вот ушли... А там, а там смеркается — мы вместе, одни, светает — вместе, настает другой день — вместе, прошел год — вместе, одни. Благодарю тебя, господи, благодарю!

Вот оно, то солнце, которое нас провожало в церковь, торжественно заходящее за гору, — оно не состарилось — оно еще проводит нас всех в могилу, и всё будет так же хорошо. А мы — мы будем тогда лучше.

Пожалуста напишите, получили ли письмо от 17-го, это меня немножко занимает.

Весь ваш

А. Герцен

* Рукопись повреждена. Текст, взятый в скобки, читается предположительно. — *Ред.*

** Помни о смерти! (лат.) — Надпись эта сделана Герценом на рисунке, изображающем гроб или могильную плиту, с черепом и скрепленными костями. — *Ред.*

Мягков?— Я об нем помню самое лучшее — «на поле об артиллерии»².

Рукой Н. А. Герцен:

Как кстати ваше письмо, друзья; да... да... но нечего *сказать*, да и не нужно говорить *нам* — *вам*, не правда ли?.. Что вы обо мне так заботитесь, Татьяна Алексеевна? я здорова, как нельзя больше теперь требовать... А писать больше буду после, не сердитесь за лепту. — Обнимаю вас. Николаю жму руку. — Господь над вами.

Ваша Н. Герцен

Рукой Герцена:

Я ваши письма узнаю по наружности: во-первых, маленькое изданище; во-вторых, постоянно у *Золотых ворот*, а я съехал оттуда 1-го ИЮНЯ 1838.

Впрочем, пишите, как хотите, лишь бы во Владимир, дойдет за Лыбедь³.

Девятое мая

Гроза и болит голова — то и другое скверно, а в душе праздник, словно в ней придел Николе Цудотворчу, как говорят в Вятке.

Рукой Н. А. Герцен:

Девятое мая! Девятое мая! Вы понимаете его, друзья, и у вас есть свое девятое мая. Слава Ему, слава Ему! и вам... а что Кетчер?

¹ Имеется, вероятно, в виду письмо от 18 апреля (см. выше).

² В «Былом и думах» Герцен писал о профессоре Мягкове, преподававшем тактику: «От постоянного обращения с предметами героическими самая наружность Мягкова приобрела строевую выправку; застегнутый до горла, в негибающемся галстуке, он больше командовал свои лекции, чем говорил. „Господа, — кричал он, — на поле! Об артиллерии!“ Это не значило: на поле сражения едут пушки, а просто, что на марше <полях> такое заглавие» (изд. АН, т. VIII, стр. 123).

³ Первая квартира Герцена во Владимире была на Большой улице близ Золотых ворот, в доме Н. А. Адоева. Вторая — за рекой Лыбедью, в доме кн. Долгоруковой.

Вот, видишь ли, господине благий, ежели б ты был с 40 000 дох<ода>, а не с 4 000, я бы не сказал ни слова о плате, понеже вы не Погодин¹. Но слушайте обстоятельства дела.

Бывший некогда в мат<ематическом> отде<лении> Небаба — тройной мерзавец по лицу, душе и фамилии² — взял к себе года два тому назад беднейшего мальчика и теснит его, как только может малороссиянин. *Не дает времени заниматься* для себя, заставляя учить пансионеров — ведь это ужас. Жаль мне стало юношу, а с талантами, я приголубил его, потолковал о науке и университете, стал его учить разным бесерменским нареканиям; вдруг его хотят пихнуть в уездные учителя или в писцы — ну это все равно что камень на шею да и в воду. Приехал Ог<арев>, я с ним толковать, он дает по 500 руб<лей> в год мне для того, чтоб его отдать в университет. Я расположил это так. Вступить ему или в 1840 или быть слушателем для того, что из многих предметов плохо приготовлен (я учу по-франц<узски> и по-немецки, и латынь, история, геогр<афия>), но, во всяком случае, ехать в Москву, а все-таки надзор не мешает — молодо-зелено — вот и с просьбой к тебе. Приготовляться он будет сам (кроме разве покажешь что из математики), но ты должен же взять вознаграждение за стол и квартиру. — А ежели останутся у тебя деньги, лучше помоги третьему, а ден<ег>

* Т. А. Астраковой проставлена ошибочная дата: 1841. — *Ред.*

этот г<осподин> (Пешкóв³ сей неизвестный) имеет теперь 500 в год да будут уроки. — Оставь ему что надо на книги, ну и как хочешь, впрочем. А малый славный. А Небаба не только не баба, но и Нечеловек.

Далее земной поклон за Петрушу⁴. Далее прощальный поклон от себя.

А. Герцен

Нельзя ли от Кетчера добыть мой портрет⁵, который оставил он у себя и в котором Наташа нуждается?

ЗДАНИЕ ГУБЕРНСКИХ ПРИСУТСТВЕННЫХ МЕСТ ВО ВЛАДИМИРЕ

Раскрашенная литография, 1850-е гг.

Вскоре по приезде во Владимирскую ссылку Герцен был принят на службу в канцелярию губернатора и работал там все время пребывания в ссылке (1838—1839 гг.)

Владимирский краеведческий музей

Рукой Н. А. Герцена:

От меня вам обоим, друзья, много, много, а писать до следующего раза.

Рукой Герцена:

Татьяне Алексеевне А. Герцен здоровья желает.

Зачем же это, например, грудь болит у вас? Берегите свое здоровье, человек как будто насмех приведен в такую зависимость от земного ящика, в который уложил бог его душу на дорогу от колыбели до бессмертия, что досадно и больно и смешно. Какой восторг не улетит от головной боли? Бедный человек, ну что б ему голову соорудить такую, как у Чумакова⁶, никогда не болела бы. Я, шутки в сторону, за это бешусь. — Думаешь, глубоко, пространно — море по колена, с горами вровень — а тут комар ЖЖЖЖЖЖЖЖ (не мог никак живее представить *diminuendo* и *crescendo* * комариной музыки) и кусается, как бешеная собака... Куда делась

* ослабление и усиление (итал.).

пространная мысль, гордый мыслитель вступает в единоборство с комаром⁷. Ей-богу, на том свете будет лучше, я еще ни от кого не слыхал, чтоб там были комары, и голова там не болит за неимением *таковой*.

Итак, От<ареву> разрешена служба в Москве; вероятно, к 3 июлю и мне разрешат⁸. Увидимся, наконец, уж не на минуту, а на целые дни. — Я буду хлопотать, чтоб нам отвели 3<-й> дом, купленный недавно батюшкой⁹. — Ежели дозвоят, я скоро приеду совсем, ежели нет — не прежде нового года (впрочем, явлюсь в отпуск один).

Прощайте. Будьте здоровы.

¹ Намек на всем известную скудость М. П. Погодина.

² В «Былом и думах» (гл. XVIII) характеристика Небабы дана Герценом в чувственных тонах, навеянных его трагическим концом: Небаба покончил жизнь самоубийством в феврале 1841 г.

³ О *Пешкове* см. в воспоминаниях Т. А. Астраковой («Русская старина», 1877, № 4, стр. 680—681).

⁴ *Петруша* — брат Н. А. Герцен, Петр Александрович *Захарын*; ему было в это время 18 лет. Судьба юноши очень беспокоила Герцена. В письме к Витбергу от 11 января 1839 г. он сообщил, что Петрушу определяют в медико-хирургическую академию (II, 237). Последующие упоминания о «Петруше» в публикуемых письмах связаны, вероятно, с его подготовкой к поступлению в Академию; он жил некоторое время у Н. И. Астракова, который с ним занимался.

⁵ Вероятно, речь идет о портрете работы А. Л. Витберга (1836).

⁶ См. примеч. 7 к письму № 1.

⁷ Аналогичные шутливые высказывания Герцена см. в его статье «Истинная и последняя эманципация рода человеческого от злейших врагов его» (изд. АН, т. II, стр. 128—131).

⁸ 19 июня Курута возбудил новое ходатайство перед министром внутренних дел о прощении Герцена. См. примеч. 4 к письму № 23.

⁹ Дом Тучковых, в котором Герцен жил до отъезда за границу.

22

Н. И. и Т. А. АСТРАКОВЫМ

Июня 17 1839. Влад<имир>

Ну, поздравьте нас, любезные друзья; 13-го числа явился Александр Герцен II-й, доселе все благополучно. — Рассказать вам, как было, что я перечувствовал, передумал, — не берусь. Минута торжественная, великая, сколько мучений и радости, страданий и восторгов слиты тут вместе, молитва, слеза, улыбка, первое благословение, мысль ответственности... ну, сообразите всё это сами.

Я писал к От<ареву>¹, в Вятку² и к вам и пишу почти всё одно и то же, да и как иначе быть: я под влиянием тех же чувств. Я лгал бы, ежели б писал другое.

Ответственность велика — но велико и желание, и любовь, и упование на бога. Я должен занять место провидения до его совершеннолетия, раскрыть его душу всему изящному, святому, должен с первого шага в мир привить ему чувство пренебрежения к земному счастью, к земной гордости, для того, чтоб устремить на службу человечеству вопреки неудачам и видимым бедствиям (ибо истинное бедствие только нечистая совесть)³.

Ну и прощайте. Хотелось бы дать знать Кетчеру, но не знаю, как в нынешнем веке адресуют ему, где он — у Левашевых или инде!

Говорят, что будто сказывают о слухе скорого возвращения в Москву. Ежели правда, то, должно быть, недолго жить во Владимире (иначе, живши здесь, не воротиться в Москву). Еще раз адье-с. — Наташа кланяется.

А. Герцен

Доставь, пожалуйста, записочку наташиному брату.

¹ Это письмо к Огареву неизвестно.

² Письмо к А. Л. Витбергу от 14 июня 1839 г. (II, 269—270).

³ Ср. аналогичную запись по поводу рождения сына в дневнике Герцена (изд. АН, т. I, стр. 333—334).

23

Н. И. и Т. А. АСТРАКОВЫМ

<Владимир.> 25 июля <1839 г.>. Вторник

Отчего мы друг к другу давно не писали? Отчего?.. да мало ли отчего, я это ясно вам расскажу; *во-вторых*, что у меня все время душа была и взволнована и не на месте. Да, тут я выпил море забот, страху... Она больная, слабая, видимо тающая и без минуты покоя; малютка нездоров... это фонд всего, а там мелочи частной жизни толпою. Нянька не умеет пеленать, Матвей сошел с ума от жаров и воображает, что главнейшая награда за прежнюю службу сводится на то, чтоб вовсе не служить теперь. Другой человек лежит больной... Проза, проза... и такая скверная, как Двигубского¹, и такая докучливая, как крик сверчка, и такая отвратительная, как Сенковский. Право, будто княгиня Марья Алексеевна² рассыпалась этой саранчой пакостей и восстала, и не душит, а засыпает дресвой³. — Наташа все это умеет переносить с ангельским терпением; а я — бешусь. Да тут еще жары, а с жарам — мухи. Я уверен, что мухи выдуманы Меттернихом для того, чтоб отвлекать от всех умственных занятий добрых людей; для того им и дана привилегия носить шесть ног независимо от крыльев из слюды.

Что я делаю? — Ничего, т. е. чрезвычайно много. Ничего потому, что нет осадка ни стихами, ни прозой. Много потому, что душа битком набита мыслями, чувствами, болью, восторгам, яблоку негде упасть.

Кетчер сердится, что я не пишу. Что же пришлось мне делать, которому он на три письма отвечает тем, что ничего не отвечает, *минус* письмом? Что делать? — Видно, написать, и напишу.

Жду, жду из Петерб<урга> привет⁴, да нет его, а кажется просто бы:

Коли любишь — так скажи,

А не любишь — откажи!

И дело с концом. Уж наступил *шестой год*⁵, через девять лет я могу требовать *пяржку*⁶ за XV лет, а посему

вас любящий А. Герцен⁷

¹ Характеристику профессора Ивана Алексеевича Двигубского (1772—1839), у которого Герцен слушал курс анатомии и физиологии растений и истории ботаники, см. в VI главе «Былого и дум» (изд. АН, т. VIII, стр. 119—121).

² Княгиня Марья Алексеевна — Хованская.

³ Дресва — крупный песок.

⁴ 27 июня ходатайство Куруты (см. примеч. 8 к письму № 21) было поддержано министром внутренних дел А. Г. Строгановым перед Бенкендорфом, и 13 июля Бенкендорф ходатайствовал перед Николаем I о снятии с Герцена полицейского надзора. Николай дал свое согласие, о чем Герцен узнал 28 июля 1839 г.

⁵ Со дня ареста Герцена, 21 мая 1834 г.

⁶ *Пяржка* — знак отличия, выдававшийся чиновникам за продолжительную и «беспорочную службу».

⁷ Далее опускается приписка Н. А. Герцен, адресованная Т. А. Астраковой и датированная: «Июля 23-е. Утро». В этой приписке Н. А. Герцен писала, между прочим: «Право, мне кажется, что уж меня нет, я не чувствую себя, я — мои Александры, для них жизнь, для них всё. О! Счастлива, счастлива я душою, а телом не вовсе, потому

что с рождения *мерзული* (как его зовет Александр, а не *мерзилки* — что это за гадость!) я была долго слаба ужасно, два раза имела лихорадку, нарыв и бог знает что. А тут и он-то блажит — страдание!» (л. 62).

24

Н. И. АСТРАКОВУ

10 октября 1839. Владимир

Ты — Араго-Ампер-Астраков¹ — прельстил меня этой бумагой, пей же горечь ее протекаемости. — С ужасной головной болью покинул я Москву и с чрезвычайно здоровой головой приехал сюда². (Практический доктор мог бы записать от головной боли:

Rp. CLXXVII stad<i>umniæadde

Humiditatis Octobrii Ziiiij*.

Ехать, как сказано.

Для сего взять *гигрометр*, см. «Физика» Двигубского, *барометр*, см. неизданную «Физику» Павлова (а в изданной такого вздора нет, ибо он оканчивает *началом* и доказательством, что вещества нет, а есть сила и разумение³).

Хорошо мне было в Москве, но здесь спокойнее, тише, я рад, что уехал, и грустен от того же. Так странно устроена душа, всему в ней место — и меду и дехтю — точно на ярмарке в деревне. Теперь обращаюсь к существовавшему делу, т. е. к Петруше⁴. Кетчер обещал его взять, но я полагаю несравненно лучшим нанять квартиру у священника, которому прилагается записка⁵: во-первых, зачем без крайности обременять Кетчера, во-вторых, зачем жить в Покровском, куда, конечно, никто не пойдет давать уроки. Петруша получает 500 руб<лей>. — Платья у него очень довольно, книги и есть и достать может, итак нет причины не платить за себя. — У меня финансы очень плохи. Взять его сюда бесполезно для него и очень беспокойно для меня; сверх того, если его взять, то прогнать Пешкова, что было бы преступно, — у Пешкова 500 копеек нет, да и сверх того Пешков человек, обещающий много вперед, т. е., между нами, гораздо больше Петр<уши>. Ежели же он с попом не сойдется, то пусть прямо отправляется к Кетчеру и спросит его, может ли к нему переехать, ибо я уж с ним говорил и независимо от того буду писать. — Я не благодарю тебя за важное одолжение, которое ты сделал ему, т. е. не благодарю на тонкой бумаге, а иначе — сердцем.

Я, право, не понимаю, что выйдет из него, — прошу тебя, когда он переедет, присматривать за ним.

Прощай.

А. Герцен

Жму руку Татьяне Алексеевне⁶.

¹ Герцен шутиливо присоединил к фамилии Астракова фамилии известных французских ученых Доминика-Франсуа Араго (1786—1853) и математика-механика Андре Мари Ампера (1775—1836).

² С 29 августа по 30 сентября 1839 г. Герцен жил с семьей в Москве.

³ Герцен упоминает об учебниках «Физика» И. Двигубского (второе издание вышло в Москве в 1814 г.) и «Основания физики» М. Г. Павлова (Москва, 1825).

⁴ См. примеч. 4 к письму № 21.

⁵ Эта записка Герцена неизвестна.

⁶ В опускаемой нами приписке Н. А. Герцен писала Т. А. Астраковой: «Оба Сашки ехали дорогой порядочно, блажили мало, спали много, теперь ведут себя добпорядочно» (л. 72).

* Рецепт: 177 русских стадий и атмосферного воздуха (столько-то). Прибавь октябрьской сырости (столько-то). — (лат.). — 177 верст — расстояние между Москвой и Владимиром. — *Ред.*

Н. И. и Т. А. АСТРАКОВЫМ

〈Владимир. 4 ноября 1839 г.〉

Любезнейшие друзья, я думаю до вас дошел слух о тяжелой болезни, которую вынесла Наташа; хлопот, досады было довольно. Были минуты, в которые мне смертельно хотелось ну хоть обморка, чтоб не видеть страданий малютки и ее. Теперь, слава богу, главная потеря — коса, «нашла коса на горячку». А ведь воля ваша, ежели эта жизнь, т. е. на земле, не есть только предисловие к будущей небесной, ежели она цель, то я выполнением ее решительно недоволен. Хороша, полна, исполнена поэзии, да зачем в ней горячки, костоеды, дураки, скверные журналы, чахотки, начальники, княгиня Марья Алексеевна, бельмы и пр. и пр. (зри «Патологию»). Ведь все равно было из земли делать Адама с зародышем болезни или здоровья. Ан нет. Чем же бы тогда занимался медицинский факультет и Бауэр¹, которому дружески кланяюсь.

Прощайте.

Наташа вам кланяется и пр.

Буде увидите Петрушу, скажите ему, что я денег ему не пошлю и что все сведения, которые до меня об нем доходят, отнимают даже и желание посылать что б то ни было. — Нет, из него ни я, ни ты не сделаем человека.

Слышали ли вы о/б/ освобождении Витберга?²

4 нояб<ря> 1839. Влад<имир>.

¹ Бауэр — вероятно, московский врач, общий знакомый Герцена и Астраковых.² Известие о том, что А. Л. Витберг освобожден от полицейского надзора и может жить где пожелает, Герцен получил от самого Витберга — см. отклик на это в письме к нему Герцена от 1 ноября 1839 г. (II, 335).

Н. И. и Т. А. АСТРАКОВЫМ

〈Москва. 9 декабря 1839 г.〉

Представьте, друзья, вот я двое суток здесь и не мог урвать приехать к вам, а между тем уже место в дилижансе взято на понедельник. Вопрос когда — завтра или сегодня явиться мне и в какое время (кроме вечера после 8)¹. — Наташа обнимает вас, есть записочка.

Весь ваш

А. Герцен

1839. Декаб<ря> 9.

Благочестивейшему математику

и православнейшему механику

Астракову Николаю Ивановичу,

магистру физико-математического отделения

Императорского московского университета.

¹ Герцен был в Москве (проездом в Петербург) с 7 по 11 декабря. 10 декабря он навестил Астраковых.

Т. А. АСТРАКОВОЙ

〈Владимир. Декабрь 1839 — январь 1840 г.〉¹

Я имею к вам, Татьяна Алексеевна, просьбу, просьбу важную, и потому скорее к делу. — Не имеете ли вы в виду, куда бы поместить нам

Кат<ерину> Алек<сандровну>² при проезде в Петерб<ург>, не к вам, потому что это обременит, да и потому, что я хочу поместить за деньги. Почему? Зачем? Для чего?.. Буду откровенен. Все советовали нам ее взять, и вы в том числе, и Кетчер, мне было это не по сердцу, но я боялся огорчить Наташу, боялся, чтоб меня не сочли эгоистом, и согласился. Семейная жизнь имеет свой алтарь, свою святую святых, горе тем, кто, не зная человека, введет его в этот алтарь, таинство теряет свой характер от глаз непосвященного; гармония расстраивается от чужого голоса. Я это предвидел. Пусть входит туда друг, о, это дело другое, им богатеет, расширяется наше счастье. — Теперь Наташа спохватилась. — Девушка 19 лет, получившая самое дурное направление, совсем не есть дитя природы (как думал Кетчер), нет, ее душу может поднять только твердая воля и врожденная высота. У К<атерины> А<лександровны> нет ни того, ни другого, ни даже желания — что же за звено занимает она в гармоническом аккорде нашей жизни? — Никакого, место фальшивого тона. Это несносно для нас. Я готов жертвовать деньгами — имея их очень мало, трудами; но жертвовать жизнью и притом без пользы — это нелепость, бессмыслие. Наш переезд в Петербург представляет благовидную причину расстаться с нею. Помогите и вы. Многого я не требую, учиться она (как и Петруша) не станет, пансион ли, приличное ли место у какой-нибудь бедной дамы — всё равно. Пишите ответ, определенный, да похлопочите хорошенько — на вас я надеюсь, как на каменную гору.

Засим прощайте.

— Ну, брат Николай, я надорвался от твоего *золотника в 20 пуд*, это дивное выражение Ч<аадаева> (?) я еще и не знал³.

Милостивой государыне

Татьяне Алексеевне

Астраковой

¹ Публикуемое письмо было написано Герценом, вероятно, после возвращения из Петербурга во Владимир, в конце декабря 1839 г. или начале января 1840 г., когда вопрос о переезде всей семьи в Петербург был решен. Дата на письме рукой Т. А. Астраковой: 1839.

² В это время с Герценами жила младшая сестра Натальи Александровны — Екатерина Александровна (впоследствии жена профессора Селина). См. о ней записи в дневнике Герцена от сентября 1843 г. и в комментариях к ним (изд. АН, т. II, стр. 305—306, 467 и 472).

³ В приписке к этому письму Н. А. Герцен восклицала:

«Прибавить мне тебе нечего, милая моя Таня, да как-то нелегко и говорится о вещах такого рода. Теперь я что-то не в духе, прощай до следующего письма. Мы еще ученики, право ученики!

Н. Герцен

Не по силам своим приняла я на себя обязанность, как и увидела это, что делать! напиши нам, что ты думаешь и придумаешь.

Шушка <т. е. Саша Герцен> наш догоняет своего родителя во всем, а все-таки мне весело, право ужас как весело, что-то так душе просторно и вольно и хорошо носиться по своим владениям!..» (л. 69).

Не вовсе легкое письмо от вашего педагожества имел радость получить. Ну, ломал себе я голову и так и сяк — а всё не выломал возможности заставить, сидя во Владимире, кого-нибудь говорить Пейкеру¹; еще сам бы

был налицо — куда ни шло, а заглазные рекомендации... Я сделал опыт и написал Ивану Алексеевичу², просил узнать и разведать. А что будет, то напишу, впрочем, уверен, что ничего не будет. Мой совет — адресоваться прямо к Пейкеру. Ты имеешь ученые права на межемерию, ты и телескопному мастерству обучен, интегральному искусству, и в технологии член, и в кадетском — маркитант, поящий формулами. Да только не проси, а требуй места — это нынче в моде.

С новым десятилетием, Татьяна Алексеевна. Это поздравление не часто приходится делать — много нам с вами еще три раза. Ну дай же бог, чтоб вы включительно до 1850 года (когда я повторю желание и отсрочу

ПЕТЕРБУРГ. ЗИМНИЙ ДВОРЕЦ

Акварель В. С. Садовникова, 1840 г

Литературный музей, Москва

до 1860) были спокойны душою, чтоб у вас не болели зубы, чтоб от вас были на пушечный выстрел все злохудожества.

А посмотрел бы я на нас в 1850 году. Сашке будет 11 лет, мне 37, Наташе 32-й. У меня будет тогда прыжка за XX лет. И сертук мой, поэтический сертук, шитый у m-r Leonsen'a, будет престарелыми формами смешить люд.

А как вы думаете, проживем мы до тех пор? Кажется, надобно бы было; я большой охотник жить — веселое занятие; а в гроб семью калачами не заманите по доброй воле.

Ведь я не был тогда в 4 часа³.

А. Герцен

¹ Иван Устинович Пейкер (1801—1844) — главный директор Межевого корпуса и попечитель Константиновского межевого института в Москве, сенатор. Жил в Петербурге.

От него зависел прием Н. И. Астракова в Межевой институт в качестве преподавателя математики.

² Иван Алексеевич — отец Герцена.

³ В приписке к этому письму Н. А. Герцен писала:

«Весело, светло, спокойно, полно встретили мы новый год с ним, я не стану и не умею тебе описывать наше свиданье, оно в душе похоже было на свиданье 8 мая...».

Т. А. АСТРАКОВОЙ

Приписка к письму Н. А. Герцен:*

А писано 22 мая 1840 во граде Петра**.

Из письма Наташи видно, во-первых, что Петерб^бург^б хорош, а во-вторых, что Петерб^бург^б нехорош¹; из этого следует или что Петерб^бург^б имеет две стороны или одну двулищневую, т. е. с отливом. Ну, и чему же дивиться, что в приморском городе есть отлив? Мне здесь в особенности нравится погода, подчас забудешься и мечтаешь, что уж октябрь, и то где-нибудь две версты от полюса, и притом сочная погода, я не могу дойти до того, чтоб просушить сертук.

Савич здесь профессором звездологии² и, право, даром хлеб ест, потому что не токмо такого вздору как звезды, да и солнца (погуще всякой звезды, даже Полярной и андреевской) никогда не видать, а если и покажется, то такое оторопелое, как будто его ведут в частный дом. — Я обзавожусь домом — купил графин и 6 тарелок, остается купить всё остальное, и дело кончено (да и деньги кончатся тогда же). Ну прощайте, иду спать, а какой-то дурак играет на органах под окном.

Татьяне Алексеевне Астраковой

Близ Дев... etc.

в прих... etc.

¹ В своем письме Н. А. Герцен писала: «Теперь живем пока в трактире. Пить, есть и жить очень дорого. Часто я остаюсь в своей маленькой комнатке одна; дождь, пасмурное небо и то едва видное из-за закоптелых стен и труб — всё это наводит грусть и скуку, когда же ясно, когда мы смотрим на Неву, на корабли, — о Тания, Тания, хорошо тогда, хорошо... Хорошо, хорош Петербург; пожить здесь, посмотреть на всё — да и уехать» (л. 85).

² А. Н. Савич незадолго до того, в конце 1839 г., стал экстраординарным профессором в Петербургском университете по кафедре астрономии и высшей геодезии. Эту кафедру он занимал до 1880 г., т. е. свыше сорока лет.

Т. А. АСТРАКОВОЙ

Рукой Н. А. Герцен:

Петербург. 1840. Июнь <28>

Таня, что ж ты не пишешь мне? Здорова ли ты? Иль разлюбил нас, забыла?... Я писала тебе, приехавши в Петербург, ответа нет.

Ну, мильный друг, сколько нового узнала душа с тех пор как мы расстались, сколько нового увидели глаза. Не могу уделить тебе столько время, чтоб описать всё подробно. Почему бы не приехать вам сюда, но летом, непременно летом (зимы петербургской я боюсь); с каким бы наслаждением провели мы это время. Не знаю, так ли бывает с тобою, — когда я восхищаюсь чем-нибудь, когда душа полна восторга — Александр со мною — я счастлива, безмерно счастлива, но хотелось бы собрать всех милых, близких сердцу, со всеми поделиться прекрасным, со всеми быть вместе... а то, может быть, они теперь в обыкновенном, вседневном расположении, житейские заботы заплеснули душу, они трудятся, а мы отдыхаем, мы так высоко, нам так хорошо... и жаль станет милых, и сделается грустно.

* Письмо Натальи Александровны начинается словами: «Милая Таньхен!» Герцен нарисовал над этими словами руку с вытянутым указательным пальцем, внизу повторил тот же рисунок и приписал: «Ну, ей-богу нехорошо, что за немецкое название». — *Ред.*

** Дата эта поставлена Герценом над текстом письма Натальи Александровны. — *Ред.*

Петербург засыпает, движенье, суета уменьшаются, стук колес редеет, тише, тише... — пустеют улицы, бульвар пуст, огни исчезают... Давно закатилось солнце, а небо ясно, светло, Нева спокойна, тиха, вот несколько лодок дремлет у пристани, и хозяин их дремлет, часы бьют... первый час ночи. Мы с Александром вдвоем давно уж бродим по берегу Невы, останавливаемся, смотрим на нее и не наглядимся, как хороша она в своей гранитной раме, а вон там лес мачт, там вон сфинксы, маяки... на нашей стороне Зимний дворец, ты не можешь себе представить всю красоту, всю прелесть этого здания, полусвет придает ему какую-то таинственность, кажется это обиталище духов, движущиеся огоньки телеграфа передают мысль в несколько мгновений за тысячу верст — все это вместе кажется волшебным и наполняет душу каким-то страхом. Нагулявшись, набродившись, мы садимся в лодку и плывем так, без цели... Наслаждение, Таня, наслаждение!..

Были мы в домике Петра Великого; что там чувствуется — нельзя выразить. Простой деревянный столик, стул его, образ, бывший с ним во всех походах, перед ним ставят много свеч, от них тепло в комнатках, и это придает жизненность им; кажется Петр сейчас вышел, скоро возвратится — и ждешь его, и что-то страшно, и плакать хочется. — Были мы на островах, ходили на корабли, да, право, на всяком шагу для нас все новое, интересное. Два раза были в театре, видели «Фенеллу» и «Роберта»¹. «Помпея» Брюллова² поразила меня. Жаль, что Эрмитаж переделявают, нельзя видеть его... Ну а внутренняя наша жизнь все та же. Как дома и нет никого, — старик садится читать и старушка берет работу, сынишка играет тут на полу, весело, хорошо, Таня! Александр ходит раза два в неделю по службе, только вот скучное было время, когда он хлопотал о квартире, о мебели, — представь себе, я его не видала целые дни; всё так дорого здесь, — теперь есть на чем сесть и из чего есть, и мы немножко успокоились, а то ты не поверишь, душа истрадалась, слушая беспрестанные счета.

На днях собираемся съездить в Петергоф, а потом хотелось бы и в Кронштадт. Море не довольно видеть издали.

Что-то вы поделяете?.. Вот опять мы все рассеялись: О<гарев> — в чужие края, С<атин> — в Тамбов. Неизменный столб Москвы — К<етчер>, милый К<етчер>, как бы желала я, чтоб он приехал сюда, но этого, кажется, не дождешься.

Здесь Витберг, мы часто видаемся с ним, он делает мой портрет³.

Таня, напиши же мне о себе побольше.

Прощай, Николаю жму руку крепко, крепко. Тебя обнимаю, Шушка целует тебя. Он вырос, болтает почти все, становится сам на ножки и, как встанет, кричит: «Сталь, сталь». Прощай, пиши поскорее. Да, я тебя просила через Егора Ивановича прислать мне Огарева тетрадку с стихами⁴, прошу еще; непременно пришли.

Н. Герцен

Рукой Герцена:

28 июня

Прошу объяснить, что значит такое упорное молчание м<илостивых> г<осударей> (я здесь виделся с Кирьяковым⁵, м<илостивая> г<осударыня>). Мы писали, я повелевал Огареву доставить адрес — и молчание. Повторяю: в доме Лерха, на углу Б. Морской и Гороховой, в бельэтаже № 21.

Мы здоровы, здесь ожидают все еще лета; должно быть, оно отложено до 1841 года по случаю неурожая. Служба не слишком на горле сидит, дает-таки и вздохнуть и почитать — мудрено ли, что я вас почитаю после того, м<илостивая> г<осударыня>, Татьяна Алексеевна.

Бакунин кланяется одной ногой на пароходе⁶.

Письмо это пролежало до 2 июля. Извините.

Ну что, воротился ли Николай из путешествия (т. е. из кадетского к^орпуса)? А что Кетчер?

(телеграфический) знак К^етче^ру).

¹ «Фенелла» — опера Обера; «Роберт Дьявол» — Мейербера.

² «Помпея» — «Последний день Помпеи» К. Брюллова. Отзыв Герцена об этой картине см. в его брошюре «Русский народ и социализм» (изд. АН, т. VII, стр. 330—334).

³ Этот портрет Н. А. Герцен работы А. Л. Витберга неизвестен.

⁴ Возможно, что речь идет о начале поэмы Огарева «Омор».

⁵ О *Кирькове* см. в примеч. 5 к письму № 1.

⁶ Бакунин уехал за границу на пароходе 29 июня 1840 г. Герцен должен был проводить его до Кронштадта, но, вследствие разразившегося шторма, пароход возвратился из устья Невы в Петербург — см. об этом в статье Герцена «Michel Basouline» (VII, 355—356).

31

Т. А. АСТРАКОВОЙ

Приписка к письму Н. А. Герцен:

С.-Петербург. 24 августа 1840

Желал бы я вам показать четыре, нет, пять дивных картин: 1) «Мадонна» Тициана, 2) «Мадонна» Рафаэля; 3) «Блудный сын» Сальватора Роза и 4) «Мученика» Мурильо¹. А 5-я — море, которое обтекает Петергоф. Послушайте. Петербург — самый скучный, самый нелепейший город, в котором можно задохнуться, умереть с тоски, в котором всё чиновники и солдаты — ну, и со всем этим, за одно море, светлое, чистое море, я готов здесь жить, и не могу на него насмотреться. — Да-с, так об картинах. Тицианова богоматерь дивной красоты. После нее вы глядите на Рафаэлеву (где она представлена с Иосифом), и первое, что поражает, — что его Мадонна не красавица, вы вглядываетесь — *просто* девушка, женщина — грустная и великая душа, глубокое чувство любви и... она растет и делается богоматерью — а Тицианова остается разительной красавицей (впрочем, и в ней много святого). — Далее, блудный сын ужасен, исковеркан страстями, в рубище, глаза блестят безумием, он несчастен, и раскаяние уж начинает просветлять лицо его, падшее и искаженное. — Ну, да картины надобно смотреть, а не рассказывать.

А Николаю надобно кланяться и сказать, что чего ради он не пишет. И прощайте.

А. Герцен

Августа 24

1840. С.-П^етер^бург.

А и Тальони² недурна. Сегодня наша горничная прошла в театр смотреть *Тальёнову* и говорит, что готовят еще новую, русскую Тальёнову³.

¹ Публикуемые строки Герцена написаны под непосредственным впечатлением от посещения Эрмитажа, откуда он и Наталья Александровна, как видно из ее письма, только что вернулись. Отклик Герцена на первое его посещение Эрмитажа в декабре 1839 г. см. II, 354.

² В это время в Петербурге гастролировала знаменитая танцовщица Мария *Тальони* (1804—1884), которую Герцен очень высоко ценил (см. изд. АН, т. II, стр. 279). В одном из вариантов «Москвы и Петербурга» Герцена встречается следующее высказывание: «Выехав из него <Петербург>, я жалел только одну Тальони» (там же, стр. 427).

¹ Представление «Фиделио» Бетховена (бенефис артистки Матис) состоялось 16 января 1841 г. в Большом театре, в исполнении немецкой оперной труппы (см. «С.-Петербургские ведомости» от этого числа).

² Намек на постигшие Герцена репрессии за неосторожное выражение в письме к отцу, перлюстрированном полицией. См. главу XXVI «Былого и идущего» (изд. АН, т. IX, стр. 47—76).

³ По-видимому, Астраковы просили Герцена купить им какую-нибудь картину Брюллова.

34

Т. А. АСТРАКОВОЙ

Приписка к письму Н. А. Герцен:⟨Петербург. 18 апреля 1841 г.⟩¹

Истинно некогда, что не мешает мне истинно вас любить и помнить.

А. Герцен

¹ Датируется по содержанию письма Н. А. Герцен.

35

Т. А. и Н. И. АСТРАКОВЫМ

⟨Москва, 7—8 сентября 1841 г.⟩¹

Доносим Татьяне Алексеевне и Николаю о появлении нашем в Москву. Не знаю, успею ли сегодня побывать, между прочим потому, что я без сапог, которые в товариществе с тем и сим украли на дороге. Мы покамест в большом доме². До 11 утра и от 4 вечера до 9 я видим, а потом через денек устрою себе где-нибудь убежище.

А. Г.³

Николаю Ивановичу Астракову

¹ Датируется днем приезда Герцена в Москву из Новгорода. О краже, произведенной у Герцена в дороге, см. II, 468.

² На Сивцевом вражке в Москве, где жили родители Герцена.

³ Далее опускается приписка Н. А. Герцен.

36

Н. И. АСТРАКОВУ

11 нояб⟨ря⟩ 1841. Новго⟨род⟩

Я получил письмо, самым странным образом касающееся до тебя и вовсе не касающееся до меня. Некая Степанида Николаевна Зиновьева, орловская мелкопомещица, не выдавшая меня 20 лет, не слыхавшая обо мне 15 лет и не думавшая обо мне 7 лет, вспомнила, что я знаком с твоим братом Мих⟨аилом⟩ Ив⟨ановичем⟩ Астр⟨аковым⟩ — оно и немудрено, что вспомнила наизнанку. Как бы то ни было, она со слезами на глазах и с чернилами на пере умоляет меня умолять его, и я буду умолять тебя о том, чтоб он с милосердием ее размежевал. Так как бедность ее не подвержена сомнению, то хотя она и обратилась довольно отчаянно ко мне, основываясь на том, что я даже не видывал твоего брата (кроме на портрете), — передаю просьбу ее на благомилостивое предстательство в⟨анего⟩ в⟨ыс/око⟩ благор⟨одия⟩¹.

Если ты напишешь ему об этом, то, пожалуйста, попроси его, чтоб он ей сообщил, что я исполнил ее просьбу. Я же сам боюсь вступить с ней в переписку, ее дело девичье (она родилась в тот год, в который строили Девичий мона⟨стырь⟩), ну так мне и не идет.

¹ Представление «Фиделио» Бетховена (бенефис артистки Матис) состоялось 16 января 1841 г. в Большом театре, в исполнении немецкой оперной труппы (см. «С.-Петербургские ведомости» от этого числа).

² Намек на постигшие Герцена репрессии за неосторожное выражение в письме к отцу, перлюстрированном полицией. См. главу XXVI «Былого и идущего» (изд. АН, т. IX, стр. 47—76).

³ По-видимому, Астраковы просили Герцена купить им какую-нибудь картину Брюллова.

34

Т. А. АСТРАКОВОЙ

Приписка к письму Н. А. Герцен:⟨Петербург. 18 апреля 1841 г.⟩¹

Истинно некогда, что не мешает мне истинно вас любить и помнить.

А. Герцен

¹ Датируется по содержанию письма Н. А. Герцен.

35

Т. А. и Н. И. АСТРАКОВЫМ

⟨Москва, 7—8 сентября 1841 г.⟩¹

Доносим Татьяне Алексеевне и Николаю о появлении нашем в Москву. Не знаю, успею ли сегодня побывать, между прочим потому, что я без сапог, которые в товариществе с тем и сим украли на дороге. Мы покамест в большом доме². До 11 утра и от 4 вечера до 9 я видим, а потом через денек устрою себе где-нибудь убежище.

А. Г.³

Николаю Ивановичу Астракову

¹ Датируется днем приезда Герцена в Москву из Новгорода. О краже, произведенной у Герцена в дороге, см. II, 468.

² На Сивцевом вражке в Москве, где жили родители Герцена.

³ Далее опускается приписка Н. А. Герцен.

36

Н. И. АСТРАКОВУ

11 нояб⟨ря⟩ 1841. Новго⟨род⟩

Я получил письмо, самым странным образом касающееся до тебя и вовсе не касающееся до меня. Некая Степанида Николаевна Зиновьева, орловская мелкопомещица, не выдавшая меня 20 лет, не слыхавшая обо мне 15 лет и не думавшая обо мне 7 лет, вспомнила, что я знаком с твоим братом Мих⟨аилом⟩ Ив⟨ановичем⟩ Астр⟨аковым⟩ — оно и немудрено, что вспомнила наизнанку. Как бы то ни было, она со слезами на глазах и с чернилами на пере умоляет меня умолять его, и я буду умолять тебя о том, чтоб он с милосердием ее размежевал. Так как бедность ее не подвержена сомнению, то хотя она и обратилась довольно отчаянно ко мне, основываясь на том, что я даже не видывал твоего брата (кроме на портрете), — передаю просьбу ее на благомилостивое предстательство в⟨анего⟩ в⟨ыс/око⟩ благор⟨одия⟩¹.

Если ты напишешь ему об этом, то, пожалуйста, попроси его, чтоб он ей сообщил, что я исполнил ее просьбу. Я же сам боюсь вступить с ней в переписку, ее дело девичье (она родилась в тот год, в который строили Девичий мона⟨стырь⟩), ну так мне и не идет.

№ 2. Если явится к тебе некий Пешков, которого я адресовал к тебе за советом, как поместить братенка² и куда, — посоветуй во имя гуманности.

В заключение — что сказать о моем житъе здесь? Есть препоэтическая солдатская песня, начинающаяся с сих слов:

Нам ученье ничего,
Впрочем, очень тяжело!

«Се жизнь теперь моя»³, — как говорил Едип (или то есть как клепал на Эдипа Озеров)⁴.

¹ Это письмо С. Н. Зиновьевой к Герцену неизвестно.

² О брате Пешкова см. выше, в письме № 21.

³ Неточная цитата из трагедии В. А. Озерова «Едип в Афинах».

⁴ Далее опускается приписка Н. А. Герцен.

Т. А. АСТРАКОВОЙ

〈Новгород.〉 16 декаб<ря> 1841 г.¹

Сию минуту получил письмо; что за мысль была его застраховать? Оттого оно пришло 2 днями позже. Я в Губерн<ском> правл<ении> и оттуда пишу только два слова, поздно. Всё, что могу, сделаю, буду просить, требовать всё, всё, что могу, но ручаться не могу, хотя отношения мои с Д<митрием> П<авловичем> таковы, что надобно б исполнить.

Боже подкрепи вас, Татьяна Алексеевна, и спаси его. Верьте (хоть вы и настращены людьми), в нас вы всегда найдете брата и сестру.

О деньгах Сатина забудьте. Придет время, когда у меня будет более в руках, нежели теперь; теперь же, если очень будет нужно, пишите. 500 руб<лей> я всегда достать могу.

Сатин, благороднейший, неужели вы могли усомниться?

Вот вам рука, слеза и дружба².

Дома еще не был, боюсь опоздать на почту.

А. Герцен

¹ Ответ на известие о смертельной болезни Н. И. Астракова и просьбу Татьяны Алексеевны о каком-то ходатайстве перед Д. П. Голохвастовым, помощником попечителя Московского учебного округа.

² Вспоминая впоследствии об участии Герцена в эти трагические для нее дни, Т. А. Астракова писала: «Александр даже удивлял меня своими серьезными, полными участия письмами, до того, что я почувствовала к нему симпатию, которая до тех пор была как бы парализована его холодностью, проистекавшею, как мне казалось, из его самолюбия, которому я никогда не потворствовала. Кроме нравственного сочувствия, Александр, а также и Сатин, помогли нам выпутаться из долга» (Т. П. П а с с е к. Из дальних лет. Цит. изд., т. II, стр. 281).

Т. А. АСТРАКОВОЙ

Приписка к письму Н. А. Герцен:

〈Новгород. 17 декабря 1841 г.〉

Вчера, получивши письмо ваше, я тотчас написал несколько строк в ответ (вероятно, получили их)¹. Вместе с сим отправляю письмо к Голохвастову². Но ведь надобно же вам сделать какой-нибудь шаг, через кого-нибудь попросить его лично (после письма это будет легко), или пусть

Николай обратится к нему с письмом. Я писал от себя и просил его, не говоря, что вы просите этого; нельзя думать, чтоб Голох<вастов> сделал первый шаг.

Я подкреплю просьбу мою еще письмом к нам домой, чтоб напомнили ему.

О жалованье нельзя вперед писать, это будет прямое последствие переговоров.

Дай бог, чтоб эти строки застали вас покойнее и Николая в лучшем положении.

А. Герцен

17 дек<абря>.

¹ См. предыдущее письмо.

² Это письмо Герцена неизвестно. В недатированном письме, относящемся к этому времени, Н. А. Герцен сообщила Астраковой, что Герцен получил ответ от Голохвастова о том, что тот не может оставить место за Н. И. Астраковым во время его болезни, но обещал предоставить ему не худшую должность по выздоровлении.

39

Т. А. АСТРАКОВОЙ

<Новгород. 7 февраля 1842 г.¹>

Если Огар<ев> не прислал вам денег, пожалуйста напишите. У него моих 400 руб<лей>, но руб<лей> 100 он истратил для меня.

Николаю дружеский поклон и искреннее желание, чтоб он гораздо здоровее был при получен<ии> письма.

7 февраля².

¹ Год проставлен Т. А. Астраковой.

² Далее опускается приписка Н. А. Герцен.

40

Т. А. АСТРАКОВОЙ

Приписка к письму Н. А. Герцен:

<Новгород. 13 февраля 1842 г.¹>

Если вы еще не получили деньги, то пошлите к Кетчеру, я писал в первый раз 2 фев<раля> и писал еще сегодня². — Если, сверх того, откроется неминуемая необходимость, я постараюсь достать сверх 300 еще сколько-нибудь. Поверьте, что вы в нас имеете более нежели родных, — истинных друзей.

¹ Датируется по письму Н. А. Герцен.

² Эти письма к Н. Х. Кетчеру неизвестны.

41

Т. А. АСТРАКОВОЙ

23 февраля * 1842. Новгород

Не утешение, а слезу нашу примите, Татьяна Алексеевна! ¹ Какое утешение, теперь молитесь и вспоминайте былое. Неужели вы думаете, что ваше прекрасное былое не живо в вас; благодарите за него. Грустите — но да не коснется отчаяние вашей души, отчаяние безбожно, призовите на помощь молитву, она рассеет отчаяние.

* Вместо зачеркнутого: октябрь. — Ред.

Ваше несчастье отозвалось в нас — да примите нашу слезу, она облегчит вас, и дайте руку.

Досадно и больно, что я тотчас не могу даже обещать вам денег, о которых вы пишете. У нас запасов никаких нет, всё, что было, — послано, да еще могли бы присовокупить, но далеко не 2000. — Если б Огарев был при деньгах, я бы занял у него. Из дому и думать нечего — вы знаете. Может, в Москве я нашел бы что-нибудь лично, но я очень скоро не буду. Всё, что могу сказать, — я сплшусь, но не надейтесь положительно. В нас вы не можете сомневаться, тут и мысли нет о уплате etc., да средств-то нет.

НОВГОРОД

Анварель В. С. Садовникова, 1841 г.

Музей русской архитектуры им. А. В. Щусева, Москва

Капитала в руках нет, а деньги на прожиток идут все в расход. Горько, больно, что не можем исполнить; если б в конце года я приехал сам²...

Впрочем, неужели с вас требует этот г(осподи)н долг, теперь! Выигрывайте время, время иногда приводит неожиданные средства.

Прощайте. Молитва и память о нем да успокоят вашу душу³.

¹ Ответ на неизданное письмо Т. А. Астраковой («пражская коллекция»), известившей о смерти ее мужа, который скончался 12 февраля 1842 г. (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 226).

² Очевидно, речь идет о предполагавшейся в конце 1841 г. поездке Герцена в Москву.

³ Далее опускается приписка Н. А. Герцен.

Т. А. АСТРАКОВОЙ

Приписка к письму Н. А. Герцен:

⟨Новгород. 23 марта 1842 г.⟩¹

Вы поверите мне, как мне больно, что я могу только на словах принять участие в ваших делах. Глупое положение, в котором я нахожусь, лишает

меня всех средств. И снова я должен повторить, что не придумал еще ничего верного. Жду на днях сюда Ог<арева>².

¹ Датируется по письму Н. А. Герцен.

² Огарев приехал к Герцену только 31 мая 1842 г.

43

Т. А. АСТРАКОВОЙ

*Приписка к письму Н. А. Герцен*¹:

〈Новгород. 13 апреля 1842 г.〉

Вы грустно встретите праздник, но пусть слабый голос дружбы заменит сколько-нибудь бывшее. Зачем в ваших строках какая-то безнадежность? Грусть — ваше право. Безнадежность должно искоренить. Вы должны жить, как живая, прекрасная память его, в вас продолжается земная жизнь его и, может быть, чрез вас ему легче там².

13 апреля 1842. Новгор<од>

¹ В этом письме Н. А. Герцен писала Астраковой: «Александр по болезни подал в отставку; когда она получится, мы поедем в Тверь, там ближе к Москве и климат лучше; для меня это необходимо, я все хвораю. Александр же останется в Твери, а я проеду в Москву на несколько дней...». Как известно, подав в отставку, Герцен продолжал оставаться в Новгороде. 9 июля он получил разрешение жить в Москве и 13-го оставил Новгород.

² См. в «празжской коллекции» два письма Т. А. Астраковой от апреля — мая 1842 г., в которых она подробно описывала предсмертную болезнь мужа и его кончину и безнадежно-мрачно характеризовала свое положение (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 226).

44

Т. А. АСТРАКОВОЙ

Приписка к письму Н. А. Герцен:

〈Новгород. 6 мая 1842 г.〉¹

Не ручаюсь за успех, но опыт сделан; во всяком случае, советую братцу вашему² адресоваться прямо к Голохвастову. Пусть он скажет, что он брат того, о котором я писал. Гол<охвастов> человек гордый, но есть стороны в нем, действуя на которые, его можно тронуть. Я вложу завтра записочку к нему в письмо к нашим³. За успех не ручаюсь. Если Наташа будет в Москве — можно легче исполнить ваше желание. Переписка и слова — большая разница. Впрочем, тот раз он мне отвечал очень удовлетворительно и отзывался с похвалой о Николае⁴, а потому я не знаю, с другой стороны, почему ему не сделать теперь. Но я ужасно боюсь обнадеживать, я столько за мою жизнь был обманут обещаниями и так глубоко мучился иной раз от этого, что поставил себе за правило: всякий раз представлять неудачные пансы вместе с счастливыми. — Если он будет мне отвечать, я сообщу.

Будьте здоровы.

¹ Датируется по письму Н. А. Герцен.

² Речь идет о С. И. Астракове.

³ Эта записочка Герцена, адресованная Голохвастову, неизвестна.

⁴ Упоминаемое письмо Голохвастова к Герцену в печати не появлялось.

Т. А. АСТРАКОВОЙ

25 мая 1842. Новгор<од>

Третьего дня получил я, Татьяна Алексеевна, ответ Голохвастова¹. Я как будто предчувствовал, что желание ваше не сбудется. Г<олохвастов> говорит, что место было уже обещано Лаврову², когда у него был ваш братец. Досадно, и правда ли? Не знаю, но истинно досадно, что мы не можем исполнить никакого желания для друзей и особ, любимых нами, т. е. в настоящем. В будущем — но и тут мой скептицизм — будущее несколько не принадлежит нам.

Дружески позвольте пожать вашу руку.

А. Герцен³

¹ Этот ответ Д. П. Голохвастова неизвестен.

² Лавров — вероятно, преподаватель математики.

³ Далее опускается приписка Н. А. Герцен.

Т. А. АСТРАКОВОЙ

Приписка к письму Н. А. Герцен:

<Новгород. 15 июня 1842 г.>¹

Я ничего не знаю насчет денег Сатина, Ог<арев> также — и не понимаю, зачем вы так беспокоитесь об них. Сатин возвратится², тогда всего лучше переговорить; он небогат, однако эти деньги не могут ему сделать особенно большого расстройства. Впрочем, я поручил Ог<ареву> с ним об этом переговорить³.

До свиданья, дружески жму вашу руку.

¹ Датируется по письму Н. А. Герцен.

² Н. М. Сатин находился в это время в Берлине.

³ 10 июня Герцен расстался с Огаревым, который гостил у него в Новгороде 11 дней.

Т. А. АСТРАКОВОЙ

Приписка к письму Н. А. Герцен:

<Новгород. 18 июня 1842 г.>¹

Есть люди, которые всё готовы сделать из любви и дружбы, кроме одного, — а именно, когда дойдет дело до денег. Вот и я поневоле становлюсь в благородные ряды их. Здесь я решительно не могу достать денег; в Москве скорее. Впрочем, сделайте вот что: пошлите за Кетчером и скажите ему, чтоб он на мое имя занял (разумеется, если это возможно) у Клыкова² или у брата Боткина³; в обеспечение я могу представить векселя и кучие, но они и не потребуют их. Я полагаю отсюда выехать в 1<-х> числа июля. Объясните ему, что деньги вам на оборот и что это дело двух недель. В Москве я попробую занять у кого-нибудь из домашних — но как я обнадежу вас? Сам я решительно не заведу никакими капиталами, даже оброк с моей деревни получает п<апенька>.

Засим прощайте, дай бог успеха.

¹ Датируется по письму Н. А. Герцен.

² Александр Иванович Клыков — московский знакомый Герцена, Огарева и Белинского. См. о нем в «Литературных воспоминаниях» И. И. Панаева (1950, стр. 208—209 и 255) и в «Лит. наследстве», т. 56, 1950, стр. 254.

³ Николай Петрович Боткин — брат В. П. Боткина, коммерсант, поддерживавший знакомство с Герценом, Белинским, Гоголем и др.

Т. А. АСТРАКОВОЙ

<Москва. 5 декабря 1842 г.>¹

Чудеса делает Рихтер² — с вчерашнего вечера малютка поправляется и видимо от средств, но опасность еще тут³. Саша еще не совсем здоров и не важно <?>. Наташа спала дурно — но чувствует себя хорошо. Завтра побывайте, если мож<ете>.

¹ Письмо написано на обороте записки Т. А. Астраковой, осведомлявшейся о здоровье незадолго до того родившегося сына Герцена — Ивана.

² Михаил Вильгельмович *Рихтер* (1799—?) — врач-гинеколог, профессор Московского университета. Герцен называл его замечательнейшим из всех виденных им врачей, «с обширным взглядом, с обдуманностью» (изд. АН, т. II, стр. 248).

³ Речь идет о поворожденном сыне Герцена — Иване. «В ночь с 29 на 30 родился малютка<...> — записал Герцен 9 декабря 1842 г. в своем дневнике. — Дитя родилось легко, здоровое, потом утром 30-го начались судороги, и все пособия оказались ничтожными, шесть дней оно страдало, мучилось, на седьмой остался изнуренный труп. 5-го ему стало легче, надежды явились не токмо у меня, но у самого Рихтера — от этого весте о его смерти ударила больно<...> М. В. Рихтер<...> сделал что только мог» (там же). Ваня Герцен умер вечером 5 декабря.

Т. А. АСТРАКОВОЙ

<Москва. Конец марта 1844 г.>¹

Я на вас имею зуб, и притом не какой-нибудь, а коренной, слоновый зуб за вашу прошлую записку² — вы разобидели меня да и покрыли это тем, что шутка, а сами и не подумали, что если я в анадыхскую лекцию³ был рассеян, то это... тут было оправдание, но я хочу у вас отнять оправдание. Право, вы предобрая, злая Татьяна Алексеевна.

А зачем же, поздравляя и с погодой, и с будущим праздником, вы не поздравили меня с 32 годами. Вот вам и отместка⁴.

¹ Датируется по упоминанию о дне рождения Герцена: 32 года ему исполнилось 25 марта 1844 г.

² Упоминаемая записка Т. А. Астраковой неизвестна.

³ Имеются в виду известные публичные лекции Т. Н. Грановского.

⁴ Далее опускается приписка Н. А. Герцен.

Т. А. АСТРАКОВОЙ

<Москва. 1843 — 1844 гг.>¹

Наташа с Шушкой поехала прокатиться, и потому отвечаю вам *я сама*, как говорит Саша.

1) Грановскому лучше.

2) Лекции не будет до субботы.

3) Вероятно, Наташа после сей роковой прогулки может скоро увидеть вас, несмотря на зубную боль, которую вы поручаете ей себе представить.

4) Вчера я был у Полуденских.

5) Хоть и неправда, что вы не читали ни одного письма из Кетчеровых, тем не менее я записку вашу пошлю, когда буду писать.

Засим прощайте.

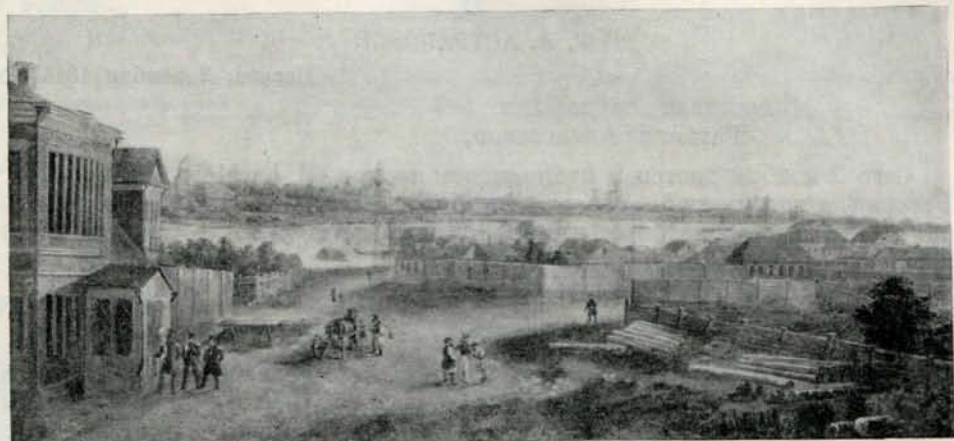
А. Герцен

М<илостивой> г<осударыне>

Татьяне Алексеевне Астраковой
от Герцена.

¹ Приблизительная дата устанавливается по упоминанию о лекциях Т. Н. Грановского, происходивших в 1843—1844 гг. Возможно, однако, что здесь идет речь не о публичных лекциях Грановского, а о тех лекциях, которые он читал в доме Герцена для четырех женщин — своей жены, Т. А. Астраковой, Н. А. Герцен и М. Ф. Корш.

В «пражской коллекции» сохранилось письмо Т. А. Астраковой к Н. А. Герцен без даты, в котором она осведомлялась о состоянии здоровья Грановского и просила сообщить, состоится ли на следующий день лекция. Не исключено, что публикуемая приписка Герцена относится к этому же дню.

НОВГОРОД

Картина маслом А. Муранова, 1842 г.

Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроизводится по фотографии.

Литературный музей, Москва

51

Т. А. АСТРАКОВОЙ

⟨Москва, 29 мая 1844 г.⟩

Татьяна Алексеевна, сделайте одолжение, приезжайте сейчас, сию минуту, сию секунду к нам. Мы будем дозавтракивать Кетчеров отъезд¹.

Да и Сергей Иванович непременно. Если же есть очень важные причины для вас (т. е. болезнь), для Сергея Ив⟨ановича⟩ никакого пардона. Неминуемо, неоткладно².

А. Герцен

29 мая

¹ С осени 1843 г. до середины 1845 г. Н. Х. Кетчер жил в Петербурге, где он служил в Медицинском департаменте. Публикуемая записка связана с одним из его приездов в Москву. См. упоминание о проводах Кетчера в дневнике Герцена от 30 мая 1844 г. (изд. АН, т. II, стр. 355).

² Упоминания имени Сергея Ивановича Астракова в московских записках Н. А. Герцен очень часты. Он стал одним из постоянных участников дружеских встреч. Так, в одной из недатированных записок Н. А. Герцен писала: «Ежели Сергею Ивановичу не противно будет, о чем просим известить, то Александр заедет за ним в 6 часов после обеда ехать вместе на дачу» (л. 305).

52

Т. А. АСТРАКОВОЙ

Приписка к письму Н. А. Герцен¹:

⟨Петровское. 25 июля 1844 г.⟩

Сергею Ивановичу усердно кланяюсь, был ли он у Крюкова? И что дело его?

¹ В своем письме Н. А. Герцен писала: «Вскоре по приезде нашем сюда приехал к нам Щепкин *погулять*, а все время дождь лил ливнем, потом недели с две простояла чудная погода, мы с бешенством наслаждались ею, всеми возможными манерами, все, даже Сашка, даже я, купались по несколько раз в день и, как акриды, жили в траве, потом снова ливень, и мы снова, как мокрицы, чуть-чуть ползаем в доме, который не защищает ни от ветра, ни от воды. Несмотря на то, время летит быстро, я до того здорова, что могу читать вслух и читаю до обеда <...>, вечером Александр читает нам вслух <...> Пока прощай. Александр велит перекрестить».

53

Т. А. АСТРАКОВОЙ

<Москва. 2 ноября 1844 г.>¹

Милостивая государыня

Татьяна Алексеевна,

Сего 2 ноября дается в италийском театре «Il barbiere di Seviglia» * Россини, а потому не благоугодно ли будет вам ехать с нами, в таком случае перенесите заблаговременно вашу почтенную особу в Старую Конюшенную.

Покорнейший слуга ваш и ныне и присно и во веки веков

А. Герцен

Прибавление № 1. Тот, кто сам говорит, что сердится, не опасен, да и, видно, не очень сердится. В вашей записке, тогда, как и нынче, проглядывают две вещи, из которых одна вовсе до меня не касается, а другая вовсе касается — первая, самолюбие довольно громоздкое, так что оно, уложенное в вашу прекрасную душу, видно снаружи и делает уголки, и притом острые. Вторая вещь — это недоверие к людям, которые чего нет другого, а доверие заслуживают. И что это за вечный перебор, разбор, разложение, анализ — дружба и вообще все такого рода чувства так мягки и нежны, что, разлагая, можно в самом деле или оторвать нос или отморозить ногу. — Да это всё шутка. Вот то-то и есть, что сквозь смех вашей шутки я вижу очень серьезный фонд; отдавайтесь жизни, как она есть, принимайте людей, как они есть, — и вы будете долголетни на земли, даже потолстеете, как я.

Рукой Н. А. Герцен:

Мне уже нечего прибавлять.

Рукой Герцена:

Зато есть что убавить.

Причина истинная всему этому — ваше частое одиночество. Несмотря на то, что я хохочу громко и похож на Ноздрева, я имею сильный инстинкт понимать чужое горе и ваше понимаю и сочувствую ему, но остерегайтесь от меланхолии и черного взгляда.

Прибавл(ение) II. За воланы — коленопреклонение.*Приб(авление) III* — случилось у меня на щеке — она распухла.

¹ Дата уточняется упоминанием о «Севильском цирюльнике» — спектакле гастролировавшей в это время в Москве итальянской оперы.

54

С. И. АСТРАКОВУ

<Москва. 9 ноября 1844 г.>

Книги получил, благодарность прошу вас получить. Я не токмо еще не прошу прислать, но и с этими не скоро справлюсь. Впрочем, я хвастать

* «Севильский цирюльник» (итал.).

не стану, мне только нужно пересмотреть общие теории и изложения — не более. Я совершенно отстал от физики и химии; впрочем, и прежде органическая природа несравненно ближе лежала к душе.

Еще раз спасибо.

Прощайте.

В(есь) ваш

А. Герцен

9 ноября

Сергею Ивановичу Астракову¹.

¹ Эта записка относится ко времени, когда Герцен «пересматривал общие теории и изложения» в связи с работой над «Письмами об изучении природы».

55

Т. А. и С. И. АСТРАКОВЫМ

⟨Москва. Ноябрь (?) 1844 г.⟩

Плевать, говорят, не здорово, а потому я и не советую, да и мне что за радость мыться и утираться.

В театр не скоро поедем, а у вас блины поедим, и Мар(ью) Ф(едоровну) и Соф(ью) К(арловну)¹ позовем на поединок. Сергей Ив(ановичу) доношу, что физика Ламе² — клад насчет по части теоретических промахов³.

¹ Софья Карловна — Корш, жена Е. Ф. Корша.

² Габриэль Ламе (Lamé, 1795—1870) — известный французский математик и физик, автор учебника «Cours de physique à l'école polytechnique» (1836—1837). В примечании к первому письму из «Писем об изучении природы» Герцен в том же духе отзывался о книге Ламе (изд. АН, т. III, стр. 104).

³ Опускается приписка Н. А. Герцен.

56

Т. А. АСТРАКОВОЙ

⟨Москва. 13 декабря 1844 г.⟩¹

Наталья Александровна Герцен 2-я, извещая Татьяну Алексеевну о том, что Наталья Александровна Герцен 1-я, слава богу, здорова, несмотря на неожиданное свидание с дочерью, сегодня в 2 часу, — просит принять ее в свое расположение.

До трех суток, кроме чиновников медицинского ведомства, никто не допускается.

Н а т а ш а *

¹ Этой шутливой запиской Герцен извещал Астракову о рождении дочери Натальи. Датируется по содержанию.

57

Т. А. АСТРАКОВОЙ

⟨Москва. 1842—1844 гг.⟩¹

Я передал поручение ваше двум знакомым, но что будет — не знаю, как назло Грановского, Крюкова и Редкина нет в Москве. Можно бы сказать Голохвастову — и, если угодно, я сейчас поеду к нему — но нехорошо по двум причинам: это, с одной стороны, будет неприятно проф(ессорам), с другой — просто дурно начинать внешней протекцией курс. Что же делать? Гранов(ский) будет в первых числах августа — это поздно или нет?¹

* Подпись сделана Герценом как бы детским почерком. — Ред.

Нат<аша> вас ждала вчера, я собирался сам десять раз, но хлопоты о квартире и пр. мешали.

А. Герцен

Ее высокоблагородию
Татьяне Алексеевне Астраковой.

¹ В недатированной записке, относящейся к 1842—1844 гг. и, вероятно, касающейся того же вопроса о привлечении С. И. Астракова к преподаванию в Московском университете, Н. А. Герцен писала Т. А. Астраковой:

«Об сем Александр не говорил еще. Во вторник приезжай к нам до лекции, с кем-нибудь поедешь.

Александр лежит от головной боли, я не говорила с ним. Ну вот — он проснулся и велит С<ергею> Ив<ановичу> писать к С<троганову> непременно...» (л. 266).

58

Т. А. и С. И. АСТРАКОВЫМ

⟨Москва. 8 мая 1845 (?) г.⟩

Если вы не имеете отвращения, Татьяна Алексеевна, и законной причины, то не приедете ли вы к нам обедать? Наташа поручила мне написать, уже лежа в постели, иначе она сама поставила бы за осчастливленную честь самолично вас звать. — Мы собирались все сегодня на дачу — не удалось, и, вместо дачи, обедаем.

Если и м<илостивый> г<осударь> отец Сергей ¹ не имеет отвращения, то сии строки относятся и к нему.

Алекс. Герцен

8 мая 9 часов утра

Татьяне Алексеевне Астраковой.

¹ Сергей Иванович Астраков.

59

Т. А. АСТРАКОВОЙ

⟨Москва. 31 декабря 1845 г.⟩¹

Спешу уведомить вас, что вчера в половину пятого у нас родилась дочь — здоровая как нельзя лучше. Наташа тоже здорова — однако до четверга я у дверей часовым. — Новорожденная говорит, что ее зовут Лизаветой ².

¹ Датируется по содержанию.

² Дочь Герцена Елизавета (Лика), умершая во младенчестве 27 ноября 1846 г.

60

Т. А. АСТРАКОВОЙ

⟨Москва. Весна 1845 или 1846 г.⟩¹

Прё и пре много благодарю за справку, вы, кажется, не совсем правы к причине Хвоцинского ²; конечно, он не должен сбивать цены, отдавая ежегодно. Я сегодня почти кончил с Дивовым ³ — за 650 руб<лей> дом, вода и два раза в неделю подвода; им хочется 700. Сверх того и Кетчеру флигель за 175.

Весь ваш

А. Герцен

¹ Датируется по содержанию.

² Хвоцинский — вероятно, владелец дачи, которую собирался снять Герцен.

³ Дивов — владелец подмосковного села Соколово, где Герцен проводил лето 1845 и 1846 гг.

61

Т. А. АСТРАКОВОЙ

<Москва. До ноября 1846 г.>¹

Мне очень хочется знать о вашем здоровье, а знаете ли отчего? Оттого, что если вы здоровы — то благомилостиво пришлете ко мне солдата, о котором словодействовали.

Весь ваш
А. Герцен

Нат<алья> Ал<ександровна> и

1)
2) } дети
3) } здоровы — а, впрочем, кашляют
4)

Вам кланяются.

Татьяне Алексеевне Астраковой
от одного отставного чиновника.

Отбъзжающие за границу.

1) Въ Германію и Италію, Надворный Совѣтникъ Александръ Ивановичъ Герценъ съ супругою Натальей Александровной, съ малолѣтними дѣтьми Александромъ и Николаемъ и съ ними вмѣстѣ Виртембергская подданная Луиза Гаакъ и дочь Коллежскаго Совѣтника Марія Каспаровна Эрнъ; жительство имѣютъ Пречистенской Ч. 4 го квартала въ домѣ подъ No 356. — 1. —

ОБЪЯВЛЕНИЕ ОБ ОТЪЕЗДЕ ГЕРЦЕНА ЗА ГРАНИЦУ

«Прибавление к „Московским ведомостямъ“ от 26 ноября 1846 г., № 142

¹ Датируется по содержанию: письмо, в котором упоминается о четырех детях Герцена, могло быть написано до смерти Лики, умершей 27 ноября 1846 г.

62

Т. А. АСТРАКОВОЙ

<Москва. 1845—1846>¹

Татьяна Алексеевна, сейчас сюда, билеты есть, т. е. не есть билеты, а ехать с ними, т. е. не снимй, а наденьте что-нибудь.

Т. А. Астра<овой>

¹ На письме позднейшая надпись Т. А. Астраковой: «Московская записка 1846-го». Среди недатированных записок Н. А. Герцен к Астраковой находится следующая, возможно относящаяся к той же поездке в театр: «Сегодня бенефис Сальви, мы хотим ехать, если достанут билет. Ежели ты хочешь тоже быть в театр — приезжай к нам обедать и знай, что, может, билет и не достанут» (л. 268). — Бенефис итальянского оперного артиста Лоренцо Сальви (1810—1887) в Московском Большом театре состоялся 10 февраля 1845 г., в опере Россини «Отелло».

Т. А. АСТРАКОВОЙ или С. И. АСТРАКОВУ

<Москва. До 1847 г.>

Я только что явился в град Москву¹, как услышал трагикомическое объяснение Егора Ив<ановича> с вами насчет дрожек. Это до такой степени возмутительно нелепо, тем более, что он мог только у меня спрашивать о своих вещах, — что я считаю себя обязанным просить у вас благомилостивейшего забвения — и не забывать в то же время, что он больной и одичалый чужак².

Все наши здоровы, я еду в 5 или 6, вероятно от Корша.

Прощайте

А. Герцен

¹ О каком из приездов Герцена (вероятно, с дачи) идет речь в настоящем письме — не выяснено.

² О Егоре Ивановиче Герцене см. в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 117—118 и т. 63, 1956, стр. 416—429.

Т. А. АСТРАКОВОЙ

Приписка к письму Н. А. Герцен:

<Москва. До 1847 г.>

Нет, не лень, а во-первых, кашель остановил меня. — И что это вы решительно нападаете на меня, я завтра предложу десять оправдательных пунктов, из которых девять против меня.

Т. А. АСТРАКОВОЙ

<Москва. До 1847 г.>

Наташа гуляет, а аз многомерзкий дома и, полагая, что есть что-либо нужное, прочел записку. Конечно, нечего и думать о сырой прогулке — подождем сухотки.

Преданнейший из преданных

А. Герцен

14 сен<тября> *¹.

Татьяне Алексеевне Астраковой.

Отчего же вы так редко?

¹ Далее опускается приписка Н. А. Герцен.

Т. А. АСТРАКОВОЙ

<Москва. До 1847 г.>

Спешу уведомить вас, что Грановский известил меня сейчас, что ваш брат получил хорошие баллы и, кажется, будет принят, потому что из всех предметов баллы хорошие.

Преданный вам

А. Герцен¹

¹ Далее опускается приписка Н. А. Герцен.

Т. А. АСТРАКОВОЙ

⟨Москва. До 1847 г.⟩

Да что вы это?

Да как вы это?

Да помилуйте?

Да в полном ли вы?

«Без обиняков». — А прошу покорно, меня лишать наливки, да как вам не стыдно пред богом, про людей неговорю. Да и маменька наливки не делала, да и если б делала, что вам за дело?

Меня задело ваше замечание.

Подлый раб ваш

Ал. Герцен¹

¹ Далее опускается приписка Н. А. Герцен, в которой она благодарит Т. А. Астракову за наливку и извещает о высылке 200 рублей ассигнациями.

Т. А. АСТРАКОВОЙ

⟨Москва. До 1847 г.⟩

Я потому пишу о моей благодарности карандашом, чтобы незаметно было, что вишневка не в бутылке, а в уважающем вас

А. Герцене¹

¹ Далее опускается приписка Н. А. Герцен.

Т. А. АСТРАКОВОЙ

⟨Москва. До 1847 г.⟩

Вы были у нас, я предложил вам ехать в ложу, взятую мною, — вы посылаете деньги. Немножко логики, Татьяна Алексеевна, и милосердия. Я денег этих не возьму, потому что после этого вы будете платить мне за пахитосы, а я вам за варенье. — Говорят, что вы желаете быть в доле на будущую оперу, чрезвычайно рад, кто в доле — тот плотит, а кто приглашен — тот пользуется. — Истина не всегда приятна, простите великодушно. А деньги прислать было несправедливо.

Татьяне Алексеевне.

Т. А. АСТРАКОВОЙ

Приписка к письму Н. А. Герцен:

⟨Москва. До 1847 г.⟩

Я жду от вас копию с Грановских морд¹, которую вы, то есть, обещали.

¹ По-видимому, речь идет о копии с какого-то портрета Т. Н. и Е. Б. Грановских.

Т. А. и С. И. АСТРАКОВЫМ

Приписка к письму Н. А. Герцен¹:

⟨Париж. 3 мая/21 апреля 1847 г.⟩

Что же мне остается прибавить, г⟨оспо⟩да Астраковы, к такому полному отчету? Пишите-ка о Москве и знакомых, иной раз хочется смертельно сквозь шум и гам услышать издали знакомый голос. — Адрес к нам на имя Турнейсена, отдайте Ценкеру², он доставит; я не франкирую

своих писем оттого, что франкировать затруднительно и не так верно, а потому и вас покорно прошу не франкировать.

Прощайте.

3 мая
21 апреля* 1847. Париж.

¹ Приводим отрывок из этого письма Н. А. Герцен, начатого почти одновременно с письмом Герцена к М. С. Щепкину от 23/11 апреля 1847 г. (см. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 207—212). Это первое парижское письмо Н. А. Герцен к Астраковой в значительной степени повторяет мысли, высказанные в письме Герцена Щепкину, но содержит, кроме того, ряд живых подробностей для характеристики как внешней стороны жизни семьи Герценов, так и настроения самого Герцена:

«...Новое, друг мой, такой широкой волной хлынуло в грудь, и такая в нем смесь, такое разнообразие, такая бездна впечатлений, что я не могу найтись. Погоди, дай пожить побольше, не смею говорить так скоро, еще мало видела, шум, движение (не могу назвать это жизнью, даже деятельностью) невообразимые, на каждой точке города будто средоточие жизни (матерьяльной), остановиться да посмотреть — в голове закружится, учтивость бесконечная, для вас все делается из учтивости; пожалуй, и обманут и украдут из учтивости, ну, право, кажется здесь умирают и рождаются из учтивости; нам не по натуре что-то эта учтивость, мы люди дикие, простые, хотя и у нас ее довольно, да уж все не до такой возмутительной степени. А что касается до чувства... тронь поглубже, так ужасающая какая пустота, какая пуста! — Но только, Таня, не забывай, что я месяц в Париже, что я только в двух театрах была, а их двадцать, и каждый особенно выражает особенную сторону Парижа; каждый день они битком набиты, от 6 часов до 12, а иногда и до часу — можно изучить потребности публики; была я в Национальном театре, там вот уж несколько месяцев криду представляют Французскую революцию, которая продолжается 7 часов криду. Театр полон ремесленниками, работниками в блузах, женщины бывают там даже с грудными детьми, говорят, хохочут, кричат, тут берет за живое, тут хорошо. Другой театр — тут общество повыше достоинством (или не достоинством?), одеты уж все приличнее и, не отводя глаз, смотрят и восхищаются всеми сальностями и двусмысленностями, которые происходят на сцене. Смеешься, потому что в самом деле смешно, и грусть берет, и слезы навертываются... им мало еще тех пошлостей и гадостей, которыми полна их ежедневная жизнь, семь часов криду, не сходя с места, они восхищаются ими в театре... Это страшно... пойду во все театры, хочу все видеть, все знать; на той точке знакомства, на которой я теперь с Парижем, — безотрадно. Ты идешь по улице и ничего не видишь, кроме страшной роскоши, все нижние этажи домов, без исключения, заняты магазинами, и все это битком набито, не только необходимыми вещами, а еще, кажется, больше предметами роскоши, и везде, тут же на ступеньке — бедная женщина с ребенком падает в судорогах от голода... Фунт хлеба 30 сантимов стоит, сантим здесь то же, что у нас копейка, потому что деньги здесь дороже; фунт мяса меньше весит как 60 сантимов; дрова продаются на вес, 600 фунтов хорошего дерева — 21 франк. Можешь себе представить, в каком положении низшие классы и что с ними зимою... а зима здесь должно быть препорядочная, потому что до сих пор я не иначе хожу, как в ватном платье и в ватной мантилье, а дома так просто не согреешься, печей нет, камин греет только тогда, пока сидишь перед ним. — Я думаю, неделю спустя пишу тебе. Опять теперь я как-то более в мирном расположении, где причина — во мне или в городе — право не знаю, да об этом после, верно тебя на сию минуту более интересует, что до меня касается... а будто Париж, Вольтер и т. д. не равно тебе интересны, будто... да об них найдется, кому порассказать, а обо мне-то уж никто не скажет. А не правда ли, подчас так страшно становится, Таня, как подумаешь, что никакою силою нельзя тебе узнать, что делается в настоящее время с близким человеком, ни об нем узнать, ни о себе дать вести... тяжелый камень ложится на грудь.

Ну, а мы поживаем хорошо! Я хожу без усталости, видаемся часто с знакомыми, все такие хорошие люди, наслаждение! (как говорит Анненков).

Да, Таня, то бывает привязанность, это незаменимая, неотъемлемая собственность, и какое счастье, бесконечное счастье, с полной уверенностью сказать — это мое! Бывает другого рода наслаждение — это, когда можешь, не вводя в расчет своей личности, подойти к человеку *просто* и свободно, протянуть ему руку с уважением и доверием. Я познакомилась здесь с Боткиной **, она очень хорошая и добрая женщина. Видимся с Полуденскими ***, они, мне кажется, стали лучше здесь. Елизавета > Ив<ановна> **** вспоминает о тебе, огорчается, что ты ей не отвечаешь.

* В автографе ошибочно: 24 апреля. — *Ред.*

** Екатерина Николаевна, жена Николая Петровича Боткина. — *Ред.*

*** Имеются в виду Мария Ивановна Полуденская (сестра Н. И. Сазонова) и Александр Петрович Полуденский (брат ее покойного мужа, Н. П. Полуденского). — *Ред.*

**** Елизавета Ивановна Сазонова — сестра Н. И. Сазонова. — *Ред.*

ПАРИЖСКАЯ НИЩЕТА
Гравюра из книги: E. Texier
«Tableau de Paris», 1852

Коля, Маша* и Луиза Ивановна приехали уж недели полторы сюда и поселились возле нас. Маша скучает, потому что у нее все еще нога болит, так жаль ее бедную. Колю смотрят доктора, но еще не решили, есть ли возможность возбудить нерв; он становится с каждым днем милее, умен поразительно. Детям здесь раздолье, наша квартира на Елисейских полях, возле дома бульвар и роща, но погода все еще не установится. Напиши хоть ты, Таня, что делается с нашими друзьями, что Грановский? Пожми ему от меня руку и скажи, да нет, ничего не говори. А меня удивляет, как ни в ком нет потребности хоть слово сказать в ответ на несколько писем Александра. Непостижимо!

Марья Федоровна жмет тебе и Сергею Ивановичу руку. Машенька просила вам написать от нее много поклонов и приветствий.

Мне так хочется знать о тебе, о всех вас, милые, молчаливые друзья! Пиши, Таня. Сергею Ивановичу жму крепко, крепко руку...» (лл. 338—341).

² Турнейсен и Ценкер — банкирские фирмы.

Т. А. АСТРАКОВОЙ

Приписка к письму Н. А. Герцен:

⟨Париж. Вторая половина мая 1847 г.⟩

Скажите Михаилу Семеновичу, что я потому не писал ему 2-⟨го⟩ письма¹, что намерен о театрах здешних написать для печати². Да хочет ли он, чтоб я ему переделал «Chiffonnier» — Piat и возможно ли у нас ее поставить — она растянута, — но я составил план, как, не искажая, сделать пьесу и короче и лучше. Книжку, я думаю, можно достать, здесь их везде продают по франку. Скажите ему, что Фредерик Леметр удивителен. Доселе Париж всякий день ходит смотреть его в этой пьесе. M-lle Schöpping³ здесь. — Целую и обнимаю и здравия желаю.

* М. К. Эрн (в замужестве Рейхель). — *Ред.*

Рукой Саши Герцена:

Таня, целую тебя, и скажи Сергею, что я приду точить кубари через два года, то есть я через два года выеду, а приеду в два года с половиной. Я приеду и прощай.

Рукой Герцена:

Вы, пожалуйста, не огорчайтесь такой долгой разлукой, это Саша всё выдумал, я полагаю, что в будущую весну мы будем дома.

Рукой Саши Герцена:

Наташа кланяется. А Коля целует всех вас.

¹ В письме от 23/11 апреля 1847 г. Герцен обещал написать М. С. Щепкину о французских актерах Буфе и Леметре (см. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 207—212).

² Это намерение Герцен осуществил во втором и третьем «Письмах из Avenue Magigny». — Н. А. Герцен писал Т. А. Астраковой вopusкаемой приписке к этому же письму: «Здесь дают новую пьесу „Парижский трипичник“, т. е. человек, который только тем и живет, что выбирает по ночам из выметаемых со дворов груд сора и нечистот тряпочки, бумажки и все, что только можно употребить хоть в какое-нибудь дело... Я думаю, здесь тысячи людей живут так и подобным промыслом, которые света божьего не видали, зелени, не имели *средств* на то, чтобы любить кого-нибудь... с рождения и до смерти пресмыкались... сердце кровью обливается от картины на сцене, а когда вспомнишь, что вряд ли есть хоть один дом в Париже, в уголке которого не влячил бы кто-нибудь несчастный подобную жизнь... Что ж мне делать, что я не могу забыть все это и предаться одному наслаждению?»

³ *M-lle Schöpping* — московская знакомая Герценов.

73

Т. А. и С. И. АСТРАКОВЫМ

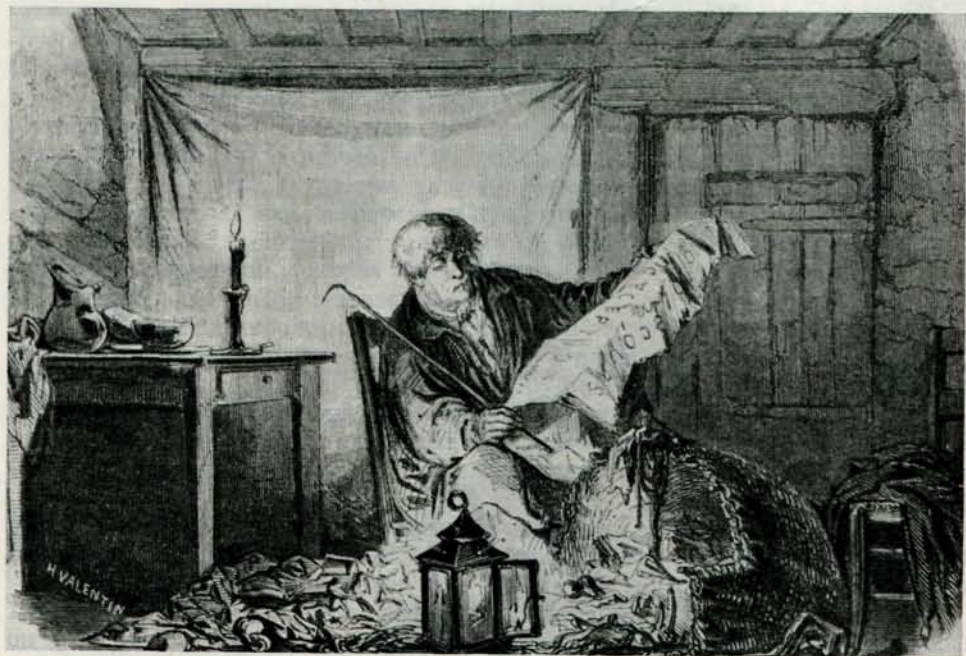
№ 1

10 или 11 июня 1847. Париж
29 мая
потому что ночь

Я шел теперь из театра и всё думал об вас, Татьяна Алексеевна, а думал потому, что нахожусь под влиянием вашего письма, за которое просто дружески целую и не токмо руку, но вас — редко удастся в совершеннoлетии читать более симпатические строчки; да, ваше письмо я прочел с жадностью, несмотря на китовую величину его ¹. Пришел я домой, на улице дождь, темнота, высокие дома так страшно черны — дома спят, Наташа опять всё хворает... я посидел, посидел, взял было книгу — не хочется; налил коньячку — хочется; отрезал честеру — ничего; налил бургонского — хочется; взял перо писать к вам — хочется. Вот вам история, предшествовавшая рождению этого письма. — Много раз в Москве я говорил вам, что у вас бездна действительных, жизненных элементов в душе, чем более вы сосредоточиваетесь, чем более вы *зреете* (это не зависит от лет) — тем ярче обнаруживается именно эта жизненная, здоровая натура. — Я помню ваши письма, когда вас поразило страшное несчастье, — ваши письма были писаны со стоном и слезами, но это был стон груди, полной силы, и не сбивался на хныканье романтизма — которое есть уже утешение. Тогда-то я понял вас — последнее письмо каждой строкой подтверждает это, даже замечанием о грубой привязанности к материальным удобствам мужчин и о сашинoм воспитании, причем образцами зла и порчи вы поставили меня и Корша — да это, ей-богу, бесконечно мило. Но ведь я здесь стал умнее, здесь жизнь иначе устроена... Итак, дайте вашу руку или, лучше, ухо — чтоб слушать мою болтовню.

Во-первых, ни слова о всем здешнем. На это у меня другие письма, вы их скоро прочтете в «Современнике», два готовы, а третье пишется ². Я хочу говорить только об вас и об нас. Учивость заставляет сначала говорить об вас. Скажите Грановс<кому>, что получил статьи его о Хомякове ³ и ужасно рад, что начал печататься, статьи написаны прекрасно, пре-
благородно, и я не знаю, как Мельгунов мог найти в них что-нибудь слиш-

ком резкое. Но признаться надобно и в том, что эта полемика много теряет, будучи читаема в Париже, — здесь ужасно быстро привыкаешь к журнальной перестрелке иными зарядами; во всяком случае, душевное спасибо за присылку, так весело и отрадно получить выписки и статьи — кстати, Павлова письма длинные и вялы ⁴. С особенным удовольствием мы здесь читаем в «Соврем^{еннике}» статьи Мельгунова ⁵ — их очень живой предмет и стремление перенести в печать творящееся около очень хорошо. Кавелина целую хотя бы он был и в Давыдове; может, Сергей Ив^{анович} изобретет после проводников звука проводники поцелуев,

ФРЕДЕРИК ЛЕМЕТР В РОЛИ «ПАРИЖСКОГО ТРЯПИЧНИКА»
В ОДНОИМЕННОЙ ПЬЕСЕ ФЕЛИКСА ПИА

«L'Illustration» от 22 мая 1847 г.

«Скажите ему (М. С. Щепкину), что Фредерик Леметр удивителен. Доселе Париж всякий день ходит смотреть его в этой пьесе «Парижский тряпичник»» (Из письма Герцена к Т. А. Астраковой, вторая половина мая 1847 г.)

и вдруг эдак, сидя на Девичьем поле, поцелует андалузские губки Лолы Монтеc ⁶ — а что, ведь сам перепугается? — Его, т. е. Кавел^{ина}, статьи при дамах читать нельзя, всё ругательные слова да еще казацкие — а храбро он разбивает отрывку нашей старой историей в испорченных желудках ⁷. Что Антонина Федоровна ⁸ — ее я часто вспоминаю, глядя на французенок, в ней даже черты лица французские, а уж о живости и говорить нечего; поклонитесь ей да спросите, что она, по-прежнему за галстух закладывает или нет; поклонитесь Любови Федоровне ⁹ — она всё больна, точно ее судьба носилась у меня перед глазами, когда я писал о женщине в «Капризах и раздумье» — гораздо до события. Женщина везде еще прижата — здесь, для того чтоб веселиться и пользоваться жизнью, надобно не быть замужем.

Коршу передайте мою радость, что по разным вестям я более и более вижу, что в «М^{осковских} в^едомостях» и полемика и раздолье такое, что чудо, что некогда писать ¹⁰.

О неписание — я раз навсегда отпускаю всем и каждому лень писать, говорю об этом по моей привычке говорить обо всем — и боюсь, как огня, одного — что именно в силу этих упреков и замечаний принудит себя писать — что будет и глупо и ненужно. Достоинство вашего письма и кавелинского именно в том, что вам труднее было бы не писать, нежели писать.

А Васил<ий> Петр<ович> не понял, что Нат<аше> могло быть грустно в первом разгроме парижской жизни и во время голода здесь? Так он, пожалуй, и на меня в гневе за мое письмо о буржуази к Мих<аилу> Сем<еновичу>, — о, Гильом-Пьер Собрано-Панторыльев¹¹ — а вышел все-таки с архи-костромским окончанием. — Сильно грустно бывает минутами.

Теперь к нам. Мар<ья> Касп<аровна> не говорит иначе, как по-итальянски, Мар<ья> Фед<оровна> — как по-парижски. Им в этом способствует необычайно — первый мой камердинер Эмиль — из Кенигсберга, а второй — наш повар Constantino Gregorio — из Bagni di Lucca — Сапа начал говорить разом на общем европейском языке — мечта Лейбница сбылась; это служит мне залогом, что он не выучится ни на одном, зато будет акробатом — я его посылаю в гимнастическую залу (а в самом-то деле надобно заметить, что он сделал невероятные успехи в француз<ском> языке). Но что касается до языков, самое лучшее — это разговор Эмиля с поваром, у них нет ни одного общего слова, и потому один скажет: «Ком-са, ком-са, мсьё»*, и итальянец отвечает: «Carisco, carisco **», мсьё» — и несет воду, когда надобно огня; молока, когда надобно вина (я бы ни слова не сказал, если б было обратно). Еще есть у нас горничная m-lle Elise — слишком хороша собой, до того, что мне совестно.

Кстати к Элизе — пожалуста, напишите — что Матрена, у Корша ли? Я не могу себе представить, чтоб, воротившись, я не нашел ее под окошком в первой комнате. — Разумеется, вам нет никакой необходимости говорить об этом Редкину¹².

Письма ни под каким видом не франкировать, а то вы свяжете меня здесь. — Ну прощайте, пойду к Сергей Ивановичу. — Вот еще что: по общему суду дам и девиц, борода ко мне очень пристала.

Ну что, почтенный кондуктор дилижанса на луну? Я как-то на днях ездил в С<ен>-Жермен по атмосферической дороге — ехать хорошо, но устройство стоило необъятной суммы. Не слушайся Кавелина — в чисто ученой статье до слогу дела нет, ведь ее не станут же читать дамы — пиши или пусть он вместе с тобой поправляет. Жаль, смерть жаль, что твои усилия не имеют достодолжного круга; это не то, что бодливой корове бог рог не дает, у тебя рога механики отличные — да бодать некого. Но мой совет, занимайся — пока есть какая-нибудь возможность; да неужели ты не можешь встретиться хоть с фабрикантами, которые, чего нет другого, и не в обиду Кавелину будь сказано, поймут разницу воду подымать более нежели на 32 фута — с тем, на<пример>, чтобы носить ее по лестнице на Ивана Великого в ведре. Ах ты, эдакой такой Константин Дмитриев, — что мне с собой, с К. Д., делать? Впрочем, ведь и Астраков, в свою очередь, не смыслит ничего в истории правоведения, даже не знает о царе Душане¹³ и о вине-те¹⁴. Я не один бы грош дал, чтоб вас здесь увидеть, истинно дорого бы дал — да и вы бы не очень плакали провести здесь день, другой. Ерот-Городок¹⁵ — ничего себе, так, как следует. — Прощайте.

13
1 июня.

А. Герцен

Коршу скажите, что я, может, съезжу в Лондон с Ив<аном> Павл<овичем>, который всем кланяется¹⁶. Жду сюда Белинского, он, говорят, — так Фролов пишет, — очень плох. Аннен<ков> поехал к нему¹⁷.

* «Так-то так, сударь» (франц.).

** «Понимаю, понимаю» (итал.).

Полуд(енских) почти не выдаю. Но их брат действительно замечательный человек, на него много лгали, я вижу его житье и всякий день выдаюсь — он в конце июля увидится с вами.

Целую Федю, помнит ли он Селцена¹⁸, и крестника — и жму руку их мамаше.

¹ Упоминаемое письмо Т. А. Астраковой неизвестно. В недатированном письме (от двадцатых чисел июня 1847 г.) Н. А. Герцен писала Т. А. Астраковой о впечатлении, которое производят ее письма на Герцена: «...получать письма ужасно как весело, особенно такие письма, как твои; Александр каждый раз от них в восторге» (л. 326). Вообще, Астракова была самым исправным московским корреспондентом семьи Герценов, подробно информируя их о жизни дружеского кружка. «Не могу тебя довольно возблагодарить, Таня, — писала ей Н. А. Герцен, — за твои письма, они для всех нас неоцененны тем, что ты обо всех пишешь... Спасибо тебе, вот как спасибо» (письмо от 17 сентября 1847 г., л. 347).

² «Письма из Avenue Marigny». Первые три письма были опубликованы в № 10 «Современника» за 1847 г.

³ Герцен имеет в виду помещенное в апрельской книжке «Отечественных записок» за 1847 г. «Письмо из Москвы» Т. Н. Грановского — ответ на статью Хомякова в «Московском сборнике» 1847 г. — «О возможности русской художественной школы» и «Ответ г-ну Хомякову» в «Московских ведомостях», № 50 от 26 апреля 1847 г.

⁴ Речь идет о «Письмах к Гоголю» Н. Ф. Павлова, напечатанных в №№ 28, 38 и 46 «Московских ведомостей» за 1847 г. и перепечатанных в №№ 5 и 8 «Современника» за тот же год.

⁵ В первых книжках «Современника» за 1847 г. были напечатаны статьи Мельгунова — «Несколько слов о Москве и Петербурге», «Современные заметки», «Московские новости» и др. В отличие от Герцена, Белинский дал резко отрицательную оценку этим статьям за их идейную расплывчатость, и сотрудничество Мельгунова в «Современнике» на этом окончилось (см. «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 310). Герцена, читавшего эти статьи за границей, несомненно привлекал содержащийся в них фактический материал о событиях научной и литературно-общественной жизни Москвы.

⁶ О *Леде Монтез* см. выше, на стр. 40.

⁷ В январской книжке «Современника» за 1847 г. была напечатана известная работа К. Д. Кавелина «Взгляд на юридический быт древней России», в мартовской, апрельской и майской книжках рецензии на «Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете», а также «Памятники, издаваемые временной комиссией для разбора древних актов».

⁸ *Антонина Федоровна* — сестра Е. Ф. Корша, жена К. Д. Кавелина.

⁹ *Любовь Федоровна* — сестра Е. Ф. Корша, жена профессора Московского университета Н. И. Крылова.

¹⁰ Герцен проицирует над Е. Ф. Коршем, редактировавшим «Московские ведомости». О полемике в «Московских ведомостях» см. в примеч. 3 и 4.

¹¹ В. П. Боткин, как явствует из этого письма, с осуждением отнесся к письму Н. А. Герцен от конца апреля 1847 г., в котором она описывала социальные контрасты парижской жизни и бедственное положение французского пролетариата. Герцен с полным основанием предвидел, что неудовольствие у Боткина вызовет и письмо его к М. С. Щепкину от того же числа («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 207—212), с резко отрицательной оценкой французской буржуазии, так как он знал, что Боткин сделался открытым апологетом буржуазных порядков. — «Собрано-панторилья» (по-видимому, от искаж. испан. «толстоногий») — дружеское прозвище Боткина, к которому Герцен шуточно прибавил имена Гизо: Гильом-Пьер.

¹² Герцен постоянно подтрунивал над влюбчивостью профессора Московского университета П. Г. Редкина, приятеля Грановского. — *Матрена* — горничная Коршей.

¹³ Стефан Душан Сильный — дарь Сербский (1336—1355).

¹⁴ *Винета*, или Юлин, — славянский город в устье Одера. Его истории посвящена диссертация Грановского «Юлин, Иомсбург и Винета». Здесь каламбур, основанный на сходстве слова «Винета» и слова «вино».

¹⁵ Так Герцен шуточно называет Париж.

¹⁶ Иван Павлович *Галахов*. В Париже в мае состоялось его венчание с англичанкой Элизой Боуэн. В цитированном выше письме от двадцатых чисел июня 1847 г. Н. А. Герцен писала Астраковой: «На днях проводили мы Галахова в Бокард. Он будет там лечиться холодной водой...» — и сделала к этому сообщению примечание: «В последнее время я сблизилась с ним еще более — чистый, благородный, симпатичный, и нежный человек, грустно было расставаться с ним — может, до России не увидимся...» (л. 326).

¹⁷ С 22 мая по 3 июля 1847 г. Белинский проходил курс лечения в Зальцбурне. Об этом же писала Астраковой Н. А. Герцен: «Анненков уехал к Белинскому и пишет, что напел его в отчаянном положении, обещает притащить его сюда, я буду ужасно

рада им, теперь мы что-то сиротливо здесь живем» (письмо от двадцатых чисел июня 1847 г., л. 326).

¹⁸ Герцен передает здесь детское прозвище его фамилии.

74

Т. А. АСТРАКОВОЙ

Приписка к письму Н. А. Герцена¹:

⟨Париж. 4 июля/22 июня 1847 г.⟩

Ваша несправедливость ко мне меня не удивила, потому что неуверенность в тех, которых вы любите (а я уверен, что любите и меня), — периодическая болезнь ваша. Об деньгах много толковать не стану, вот записка к Григорию Ивановичу ². — Сергею Ив⟨ановичу⟩ скажите, что если найду 3 том Лакруа ³, то пришлю его с доктором Гро ⁴, который едет на днях отсюда и в августе будет в Москве.

Скажите Кавелину, что ему-то грех так долго не писать. — Как, в самом деле, нелепа ваша приписка ко мне — она похожа на то, если б кто-нибудь поставил мне в вину, зачем у меня голубые волосы — а не русые, несмотря на то, что они русые. Во мне память и дружба сохраняются так, как не надобно в совершеннолети, так, как это идет только к юношам. И вот теперь, написавши строку к Кавелину, — все так живо, так ясно стоят передо мной...

О том, что я сижу дома, — всё пустяки, я по утрам не люблю ходить (особенно в июльских жарах) — всё равно в Париже или в Перми. Зато с обеда шляюсь. Да и утром ходил смотреть на разные травли Эмиля Жирардена и Дюшателя ⁵, делавшиеся к великому порадованию.

Прощайте. На днях едет Елизавета Ивановна — радуюсь за вас ⁶.

Будьте ж здоровы

А. Герцен

О получении письма уведомьте.

Кто вам это натолковал, что мы здесь скучаем?⁷

Рукой Саши Герцена:

Таня, я тебя не забыл. Ко мне ходит учитель, и мне с ним весело.

¹ В этом письме Н. А. Герцен писала Астраковой: «Давеча утром получила твое письмо от 9/22 ⟨1⟩ июня <...⟩ Александр взял на себя обделывать это, сидит и пишет теперь в Москву. Один упрек сделаю тебе, зачем такое длинное предисловие ты написала? <...⟩ За что это ты Александра-то разбранила, я думаю тебе совестно после этого было читать его письмо?».

² Григорий Иванович *Ключарев* — поверенный Герцена в Москве.

³ Сильвестр-Франсуа *Лакруа* (1765—1843) — французский математик, автор трехтомного труда «*Traité du calcul différentiel et du calcul intégral*» («Трактат о дифференциальном исчислении и интегральном исчислении», 1810).

⁴ Доктор *Гро* — московский знакомый Герцена, врач Екатеринбургской больницы, шутливо прозванный Герценом «франко-германским философом» (см. изд. АН, т. II, стр. 234).

⁵ Герцен намекает на скандальный процесс, происходивший в это время в Париже. Редактор газеты «*La Presse*» Э. Жирарден разоблачил попытку министра внутренних дел Франции Ш.-М. Дюшателя продать за крупную сумму звание пэра Франции и место в палате пэров. Палатой депутатов Жирарден был предан суду за клевету, однако палата пэров оправдала его, Дюшатель же был реабилитирован палатой депутатов. В «Письмах из Франции и Италии» (письмо 3-е) Герцен назвал процесс «модной комедией „Эмиль Жирарден и продажное пэрство“», отмечая, что он «на бенефисе Жирардена сидел в трибуне с 10 часов до половины седьмого <...⟩ и все это в половине июня, градусов в пятьдесят жара» (изд. АН, т. V, стр. 55 и 468).

⁶ *Елизавета Ивановна* — Сазонова. По-видимому, слова «радуюсь за вас» имеют иронический характер. Отметим, что Е. И. Сазонова, приехав в Москву, начала распространять лживые слухи о Герценах. См. письмо № 77.

⁷ В том же письме Н. А. Герцен писала Астраковой: «С каждым днем мне здесь становится ловчее; кажется, бы съездил туда и сюда, и опять бы воротился в Париж, а на Ал⟨ександра⟩ мне досадно, что он мало пользуется им, почти ни с кем не знако-

ПАРИЖ. ЕЛИСЕЙСКИЕ ПОЛИ

Литография из книги «Paris et ses environs», 1840.

«...наша квартира на Елисейских полях, возле дома бульвар и роша...».
 (Из письма Н. А. Герцен к Т. А. Астраковой от конца апреля — начала мая 1847 г.)

мится, до 4 часов с утра работает, потом сходит погулять... не по годам, а по часам делается домоседом и семейным человеком, так что уж я имею маленькую надежду привезти вам почтенного старца.— Продолжаем *осматривать* Париж; да, я думаю, полжизни проживешь и всё будешь осматривать».

75

Т. А. АСТРАКОВОЙ

Приписка к письму Н. А. Герцен:

〈Гавр. 20 августа 1847 г.〉

Я хочу для того с вами поздороваться — чтоб проститься,— сижу, с позволения сказать, на берегу морском в Гавре¹ и нахожу, что море недурно—и что я все-таки вас и люблю и кланяюсь вам и Сергею Ив<ановичу>.— Я, кажется, писал ему, что книги, которую он хотел —IV том Лакруа, отдельно нет, а вместе 100 франков.

Татьяне Алексеевне Астраковой

¹ Герцен с женой и сыном Сашей, которому врачи прописали морские купанья, провел вторую половину августа 1847 г. в Гавре.

76

Т. А. АСТРАКОВОЙ

Приписка к письму Н. А. Герцен¹:

〈Париж. 1 сентября 1847 г.〉

Из них, т. е. из рук всего семейства, две мои, и очень жаль, что одна из них — левая, но делать нечего, такая привычка... А Сергею Ив<ановичу> было бы что посмотреть в Нормандии: туннели без конца и работы

по взморью в Гавре колоссальные, должно быть, хороши — я ничего не понял.

Татьяне Адексеевне Астраковой

¹ В этом письме Н. А. Герцен сообщала, между прочим, что «третьего дня» они возвратились из Гавра в Париж, и заканчивала словами: «Обнимаю тебя всеми руками нашего семейства и целую всеми устами».

77

Т. А. и С. И. АСТРАКОВЫМ

Приписка к письму Н. А. Герцен:

⟨Париж.⟩ 21 сентября ⟨1847 г.⟩

Сообщаю вам выписку из протокола, который ждала Наташа ¹. После первого октября мы садимся в дилижанс и едем в Шалон, там садимся на пароход и едем в Марсель, там пересаживаемся на перепароход и едем в Геную... Ливорно... Флоренцию, где примемся думать о зимних квартирах ²; до приказа от меня пишете всё так же, как писали — к Турнейсену. Николай Петро⟨вич⟩ с нами ³.

Засим прощайте, кланяйтесь всем, кроме Елизаветы Ивановны — сплётня, старая розга — невзначай попавшаяся в брачный букет ⁴.

Разные приложения от Марии Федоровны.

Желал бы еще знать никитские подробности ⁵. Скажите Гранов⟨ско-му⟩, что, узнав сие, я того же дня, числа, месяца, года, столетия отправился в Palais royal в ресторацию Corazzo и заказал

Soupe en tortue

Filet de bœuf s⟨auté⟩ au madère

Sole à la normande

Poulet à la Marengo

etc. etc. *

и чуть не сгубил Белинского ⁶ ядовитым обедом в честь двух приятных новостей, из которых одна — неприятность Крылову ^{**}.

Кавелина целую, а если позволите — и вас, а Сергея Ивановича и без позволения. Я здесь рассказывал, к великой радости французов, проект о луне и машине туда ездить.

Да и Кавелину писал, кажется, 2 сентя⟨бря⟩ ⁸.

Сейчас читал письмо от В⟨асилия⟩ П⟨етровича⟩ к Анненкову, подробности о крыловской истории и прочее ⁹. Тем не менее, прощайте. Скажите, что в «Revue» глупости пишет какая-то ракалья и дурак — предосадо ¹⁰.

¹ Герцен имеет в виду письмо Н. А. Герцен, начатое 19 сентября 1847 г., в котором она делилась с Астраковой семейными новостями и планами на будущее.

² Намеченный Герценом план путешествия был впоследствии сильно изменен.

³ Николай Петрович — Боткин, выехавший из Парижа в Москву 15 октября.

⁴ В письме Н. А. Герцен находим некоторое объяснение этой характеристике Е. И. Сазоновой: «Словам Елизаветы Ивановны верить нечего, потому что она, во-первых, не знает о нас ничего, а если б что и знала, так может передать неверно, потому — не знает нас».

⁵ Никитские подробности — подробности скандальной истории, виновником которой являлся профессор Московского университета Никита Иванович Крылов. Его жестокое обращение с женой (сестрой Е. Ф. Корша) вызвало заявление Е. Ф. Кор-

* Суп из черепахи.

Говяжье филе в мадере

Камбалу по-нормандски

Цыпленка а ля Маренго

и пр. и пр. (франц.).

** Далее зачеркнуто: Получил ли Гран⟨овский⟩ письмо из Гавра? ?

ша, К. Д. Кавелина, Т. Н. Грановского и П. Г. Редкина с просьбой удалить Крылова из университета. Попечитель Московского учебного округа С. Г. Строганов принял решение перевести Крылова в Харьковский университет. Герцен в публикуемом письме откликается на это известие. Н. А. Герцен писала в том же письме Т. А. Астраковой: «Весть об удалении Никиты ужасно нас всех обрадовала; впрочем, я была твердо уверена, что наши восторжествуют, и меня это дело не тревожило слишком, ведь есть же предел нелепостям!». Вскоре «крыловская история» приняла другой оборот: Крылов остался, а Кавелин и Корш должны были выйти в отставку.

⁶ В этом же письме Н. А. Герцен писала о Белинском: «Белинский на днях уезжает, это путешествие, кажется, не принесло ему большой пользы».

⁷ Это письмо к Грановскому неизвестно.

⁸ Это письмо к Кавелину неизвестно.

⁹ См. это письмо В. П. Боткина П. В. Анненкову от 24—25 августа 1847 г. в книге «Анненков и его друзья». СПб., 1892, стр. 545—550.

¹⁰ Речь идет, возможно, о парижском радикальном журнале «La Revue Indépendante», издававшемся с 1841 по 1848 г. Пьером Леру, Жорж Санд и Луи Вьардо. В библиографической хронике этого журнала за 1847 г. появилось несколько хвалебных отзывов о Белинском, о сочинениях Герцена — «Письмах об изучении природы», «Дилетантизме в науке» и «Кто виноват?» и работе К. Д. Кавелина «Взгляд на юридический быт древней России». См. об этом в статье: Л. Р. Ланский. Отзывы о Белинском в «La Revue Indépendante» («Лит. наследство», т. 56, 1950, стр. 497). Какие «глупости» имеет здесь в виду Герцен — неясно.

78

Т. А. АСТРАКОВОЙ

Приписка к письму Н. А. Герцен¹:

〈Париж.〉 Октября пятнадцатых 〈1847 г.〉

№ 4 — записка

Я не слыхивал да и вряд ли после потопа был пример таких чудовищных писем, а если до потопа писали — так именно за то несчастье и посетило такой мокротой земной шар. Поэтому, Т〈атьяна〉 А〈лексеевна〉, я не хочу усугублять дело и ничего не пишу. Посылаю вам два портрета — маленько почище Горбунова; один Астракову, другой вам². — Лакруа так дорог оттого, что вышел³. — Право, не могу писать, ночь не спал всю, Ник〈олая〉 Петр〈овича〉 провожал — на дворе такая жара, как в июне, а мы сдуру едем в Италию, где еще теплее⁴.

Можете писать и на Турнейсена, даже это лучше до получения от меня письма — он перешлет, а впрочем, до 15 декабря можете писать и так:

à Nice (Italie)

confiée aux soins de Messieurs Avigdor l'aîné et fils, а с декабря — à Rome (Italie)

confiée aux soins de m-r Torlonia.

Из этого вы можете заключить, что Турнейсен по-итальянски значит Торлония. Но заключение будет ложное.

Целую вас — Сергей Иванович и Константин Митрич.

Поклоны справьте всем и всем. Впрочем, я на днях писал к Тим〈офею〉 Ник〈олаевичу〉⁵.

¹ Приписка к письму Н. А. Герцен от 13 октября 1847 г. Смысл шутливой начала приписки Герцена объясняется огромными размерами этого письма.

² Герцен прислал Астраковым, вероятно, два экземпляра своего литографического портрета работы Л. Нозля (1847). См. воспроизведение этого портрета в «Лит. наследство», т. 63, 1956, стр. 301.

³ Выхел — т. е. распродан. — О книге Лакруа см. примеч. 3 к письму № 74.

⁴ О последних днях пребывания в Париже перед отъездом в Италию Н. А. Герцен писала в письме, к которому Герцен сделал свою приписку: «Что за дивная погода у нас, Таня, с 8-го часа утра окна открыты, что за воздух — упоен.е! Мы поглощаем Париж перед отъездом. Слушали «Дон Жуана» два раза, ходим смотреть картины, статуи, добрый, милый Анненков с бесконечным терпением объясняет». Мы до того привыкли к нему, сжились с ним, что странно и будто недостает чего в тот день, когда его не видишь».

⁵ Это письмо к Грановскому неизвестно.

Т. А. АСТРАКОВОЙ

Приписка к письму Н. А. Герцен:

〈Ницца. Ноябрь 1847 г.〉

Мне и приписать Наташа не дала — бог ей судья.

А. Г.

Т. А. и С. И. АСТРАКОВЫМ

Рим. 2 декабря 1847

Это не письмо, а записочка, записочка наскоро и с корыстной целью. — Последнее письмо ваше получено в Ницце, с тех пор мы сделали длинный переезд на пароходе и, наконец, водворились здесь. На первый случай неудачно — несмотря на прекрасную погоду, несколько дождевых дней простудили всех, и одесную лежит m-me Herzen и Саша, а ошую — Тата, Коля и Марья Каспар〈овна〉 в катаральной лихорадке, со рвотой, болью в горле... Доктор полагал, что у Коли круп, однако или его не было, или он предупредил его рвотным. — Далее предоставляю Н〈аталье〉 А〈лександровне〉, когда она отходитя, описывать. Теперь к делу.

Одно место в вашем письме сначала удивило, ошеломило нас, а потом глубоко оскорбило. Я серьезно* прошу вас основательно ответить мне на мой вопрос.

По какому случаю Мар〈ья〉 Федор〈овна〉 просила денег у Корша и каких денег? — Она даже свое наследство оставила им, — случай этот чрезвычайно важен, я вас попрошу написать мне, в чем дело. Мар〈ья〉 Фед〈оровна〉 постоянно отказывалась от денег, отзываясь, что, когда нужно будет, она спросит. Все нужды ее до мелочей от большого предупреждены. Что же это значит?

Странно, впрочем, как вы могли подумать, что у нас *до того мало* денег, что она должна адресоваться к брату. Это или слишком просто, или слишком замысловато. Да вы слышали, что мы получаем более 25 т〈ысяч〉 дохода, — как же это возможно?

И сколько искусства было употреблено, чтоб уверить нас, что ей не нужны деньги, — и для чего? Для того, чтоб взять у брата, у которого нет, покрыть грязным подозрением людей, ничем не заслуживших этого. — Я много толковал в Москве об аристократии бедности, у ней есть, сверх того, свое жестокосердие, своя скрытность, — а впрочем, я жду подтверждения. Если это так — полуправда, слух, — я истинно буду рад. Надеюсь, что вы напишете правду — я оставляю это на вашу совесть. Удивляюсь, как могут зависеть отношения людей от цифры их доходов, удивляюсь — но прямо скажу, что лучшая доля не всегда принадлежит неимущему, если он, пользуясь своим несчастьем, теснит ближнего и обманывает его в ту минуту, как он отдается со всею откровенностью¹.

С〈ергей〉 Ив〈анович〉, не правда ли?

До сих пор об этом никому не известно.

Наташа будет писать на днях.

Я вас прошу, чтоб об этом письме как можно менее узнали — разве одна Софья Карл〈овна〉**2, ибо она одна может сказать им дело. — А впрочем, вы писали, так вам и надобно знать.

Прощайте.

¹ М. Ф. Корш, сестра Е. Ф. Корша, жила в семье брата. По предложению Герцена она сопровождала его семью за границу, чтобы помочь Наталье Александровне в воспитании детей. Ее заботам была поручена Тата. Материальные возмож-

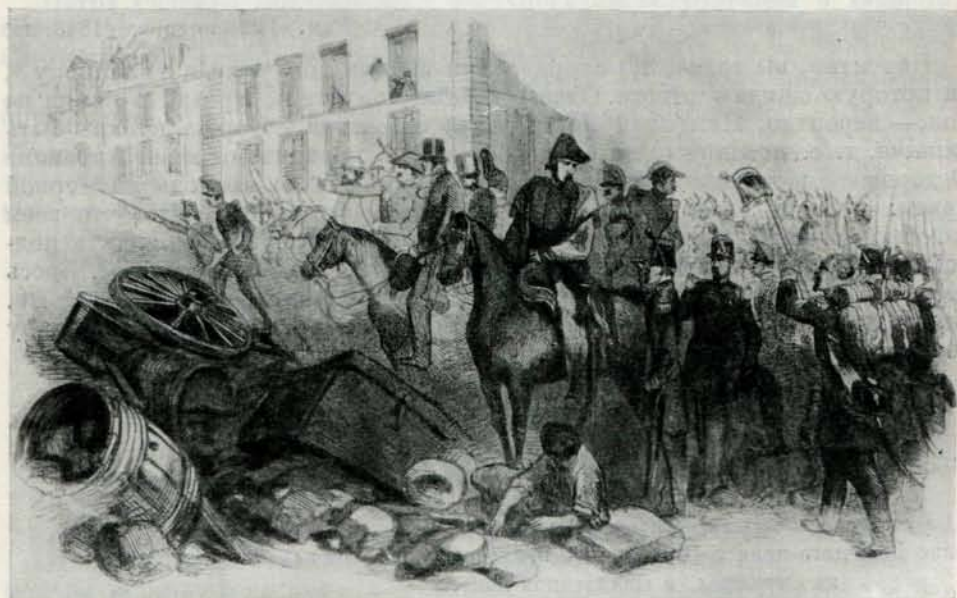
* После слова «серьезно» в автографе «вас», повторенное и после «прошу». — *Ред.*

** Вы можете ей сказать, что мы слышали от посторонних. — *Примеч. Герцена.*

ИЮНЬСКИЕ ДНИ

У баррикады на углу бульвара и улицы Мазарган, близ ворот С.-Дени 23 июня 1848 г. в Париже
«Illustrierte Zeitung» от 15 июля 1848 г.

ИЮНЬСКИЕ ДНИ

Кавеньяк, Ламартин, Коссидьер, Пьер Наполеон и др. на бульваре Пуассоньер 24 июня 1848 г. в Париже
«Illustrierte Zeitung» от 22 июля 1848 г.

ности Е. Ф. Корша были ограничены его жалованьем как редактора «Московских ведомостей», и поэтому Герцен был сильно взволнован сообщением Астраковой о том, что М. Ф. Корш обратилась к брату с просьбой выслать ей деньги. В дальнейшей переписке об этом инциденте больше упоминаний не встречается. Марья Федоровна оставалась в семье Герцена до октября 1848 г.

² *Софья Карловна* — жена Е. Ф. Корша.

81

Т. А. и С. И. АСТРАКОВЫМ

Приписка к письму Н. А. Герцен:

⟨Рим. 20 декабря 1847 г.⟩

Так как Н⟨аталья⟩ А⟨лександровна⟩ меня не пустила в письмо, то позвольте здесь в сенях с вами поздороваться, как Татьяна Алексеевна, так и Сергей Иванович, — ну что, батюшка, чай через шубу шарф в две сажени, три раза обвивши около шеи... да сапоги на медведях, да картуз с континутрием⟨?⟩ — так что вас отрывать надобно заступом и топором, как помпейские древности, — для того, чтоб позать руку и сказать прощайте¹.

82

Т. А. АСТРАКОВОЙ

Приписка к письму Н. А. Герцен:

⟨Рим.⟩ 22 января ⟨1848 г.⟩

Вероятно, вы тотчас по отправлении письма получили мою записку¹, на которую ожидаю ответа. Отчего у Кавелина нет портрета, это вина не моя, — вероятно, Ник⟨олай⟩ Петр⟨ович⟩ забыл; да у Корша должны быть лишние, т. е. посланные на всякий случай, — подарите от меня Антонине Федоровне² и пожмите ей руку; скоро год, как были проводы на Черной Грязи. — Вести ваши о знакомых мрачны, я боюсь поверить, что всем надобно оставить университет из-за подлого Крылова — напишите подробнее — только, пожалуйста, как можно достовернее, что и как³. Здесь недурно. Теперь некогда писать, буду скоро писать опять. Прощайте, жму руку Сергею Ивановичу, — ему бы здесь раздолье — еще холоду больше 4-х град⟨усов⟩ тепла не было⁴.

Адрес до 1 апреля или до 20 марта по-вашему:

A m-g Н⟨erzen⟩. Via del Corso, 18. Secundo piano *⁵.

Russia (Mosca). Alla signora Astracoff.

В Москве

Ее высокоблаг⟨ородию⟩ Татьяне Алексеевне Астраковой
Близ Девичьего поля и Плющихи, в приходе Воздвижения
на Овражках, в собственном доме.

¹ По-видимому, речь идет о письме Герцена от 2 декабря 1847 г. См. письмо № 80.

² *Антонина Федоровна* — Кавелина.

³ См. примеч. 5 к письму № 77.

⁴ В своем письме, датированном 20 декабря, Н. А. Герцен писала: «Здесь почти непрерывно дожди, пешком почти совсем не ходим, два раза были в театре <...> Скажи Сергею Ивановичу, что я свидетельствую, что портрет Александра похож, бо-рода меняет очень».

⁵ Далее опускается приписка Саши Герцена.

* Второй этаж (итал.).

Т. А. АСТРАКОВОЙ

Приписка к письму Н. А. Герцен¹:

〈Рим. 17 марта 1848 г.〉

Есть мера на всё, Татьяна Алексеевна, и даже на письма; к вам столько написала словоохотная, хотя и малоглаголивая Н〈аталья〉А〈лександровна〉, что я решился писать только по сторонкам, робко прибавляя мои приветы и рукожатыя. Мне было очень отраднo прочитать в вашем письме, как вспоминает обо мне Антонина Федоровна, — теплое и симпатическое в отношении к ближнему никогда не пропадает; я смотрел на нее действительно без малейшего духа критики, мне правилась ее живая хотя еще не устоявшаяся натура, мне бывало с ней весело. — И пожмите ей руку за память и вдвое более за ее слова два — да зачем же она беспрерывно больна? Кавелину буду, вероятно, скоро сам писать — я уверен, что темная година для всех наших пройдет скоро², я никогда не верил более в жизнь, как теперь, твердость и упование. *Вчера* был дождь, слякоть, холод в Риме — а *сегодня* небо сине, тепло, широко — и да здравствует жизнь!

Мы оставляем Рим 1-го апреля³; если кто писал — не беда, Торлони перешлет; я поеду в Тоскану, и вообще будем шляться по Италии и возле. Скажите Гран〈овскому〉, чтоб он как можно подробнее извeстит меня о выезде и где именно будет⁴, но так как я решительно намерен скитаться, то пусть он напишет к М. Ф. Корш, адресуя на Турнейсена, так как с ним есть денежные дела, то он и перешлет. Так же могут делать и другие желающие писать.

Петра Редкина поздравляю с наступающим вступлением в законный брак. Что, Сергей Ив〈анович〉⁵ — не этот Сергей Ив〈анович〉, а другой Сергей Ив〈анович〉, — останется при нем?

А вы, этот первый Сергей Ив〈анович〉, — дайте руку, прелентяйнейший лентяй, у вас сила деятельности *x* меньше косности *i*!

17 марта 1848. Рим.

¹ Приписка к письму Н. А. Герцен (от того же числа), часть которого опубликована в т. 63 «Лит. наследства», 1956, стр. 376—379.

² См. примеч. 5 к письму № 77.

³ Герцены задержались в Риме и выехали только 28 апреля 1848 г.

⁴ Предполагавшаяся поездка Грановского за границу не состоялась.

⁵ По-видимому, слуга П. Г. Редкина.

Т. А. АСТРАКОВОЙ

Приписка к письму Н. А. Герцен¹:

〈Париж. 8 июня 1848 г.〉

Адрес:

A madame Louise Haag de Wurtemberg

A Paris. Confiée aux soins de messieurs de Rotschild.

И больше ничего. Потому что мы, может, и не будем здесь, но нам маменька перешлет письмо.

Поклоны и прочее, как следует.

Июня 8. 1848.

Ее высокоблагородию

Татьяне Алексеевне Астраковой

В Москве

Близ Девичьего поля и Плющихи
в приходе Воздвиженья на Овражках,
в собственном доме

¹ Это первое письмо Н. А. Герцен к Астраковой после возвращения в Париж из Италии. О впечатлении, которое произвела на нее и Герцена Франция в предиюньские дни 1848 г., Н. А. Герцен писала:

«А что около нас происходит, вы, я думаю, отчасти знаете это — брожение, даже движение и иногда кажется что-то может выйти из этого, но до сих пор все это похоже на борьбу стихий, душно, тяжело, страшное волнение в крови... и соберется туча, и разразится громом, молнией, — новоздух не проясняется, но солнце не проглядывает; не успеешь и вздохнуть свободно, снова замолаживает... я могу, желала б ошибаться, но говорю тебе откровенно, так, как действует на меня. Ребенок голоден, просит у кормилицы или у матери груди — а она гремит ему над глазами ожерельем, он кричит, она гремущей хочет заглушить крик (не знаю, хочет ли утешить), подносит его к окну, пестует, стучит пальцами по стеклу, ребенок пуше плачет, мамка трясет и хлопает его с досады, да напрасно, ребенок не может замолчать, наконец, выбившись из сил, забывается, дремлет и мамка... но не надолго тишина в детской...».

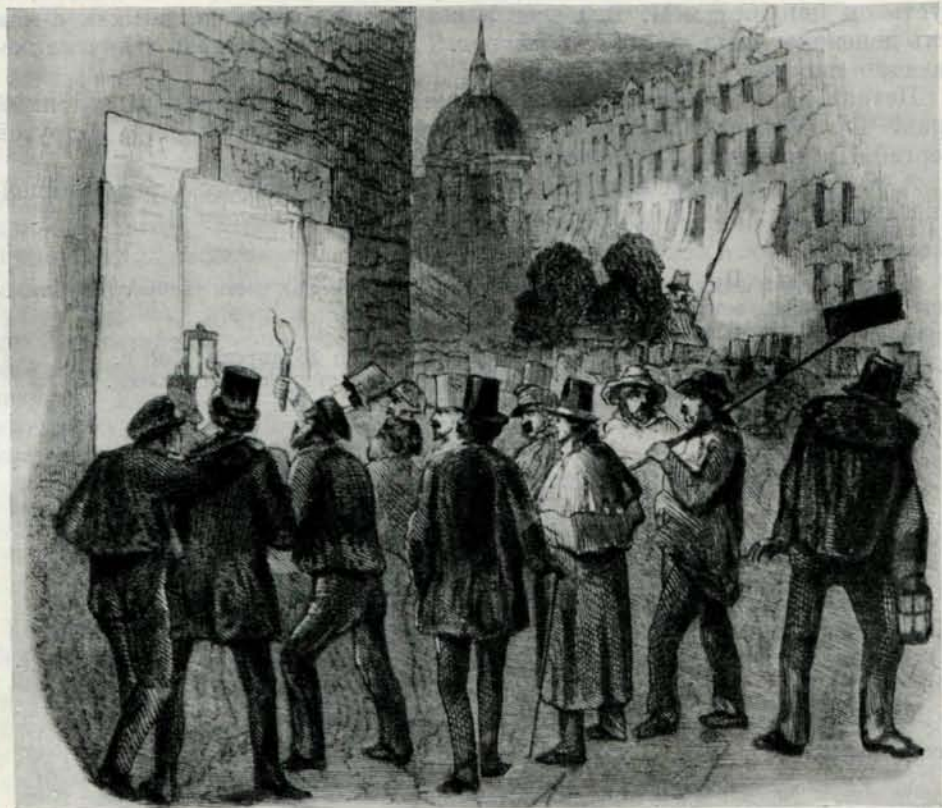
85

Т. А. АСТРАКОВОЙ

<Париж.> 30 июня <1848 г.>

Приписка к письму Н. А. Герцен ¹:

Что мы видели, что мы слышали эти дни... мы все стали зеленые, похудели, у всех с утра какой-то жар. Преступление четырех дней совершилось возле нас — около нас. — Дома упали от ядер, площади не могли обсохнуть от крови. Теперь кончились ядры и картечи — началась мелкая

ПОСЛЕ ИЮньСКИХ ДНЕЙ

Парижане знакомятся с опубликованным 25 июня приказом Кавеньяка о сдаче повстанцами оружия

«Illustrierte Zeitung» от 22 июля 1848 г.

ПОСЛЕ ИЮньСКИХ ДНЕЙ

Повстанцы, заключенные в подвале парижской ратуши

Гравюра Гаварни с рисунка Ж. Шанделье

«Illustrated London News» от 26 августа 1848 г.

охота по блузникам. Свирепость Национальной гвардии и Собрания превышает всё, что вы когда-нибудь слышали. Я полагаю, что Вас(илий) Петр(ович) перестанет спорить о буржуази.

Если б не Каваньяк, то пленных расстреляли бы всех.

Татьяне Алексеевне Астраковой

На Девичьем поле в собет(венном) <доме>,
в приходе Рождества(!) на Овражках.

¹ Приписка к письму Н. А. Герцен от 23 июня 1848 г. Письмо это вместе с припиской Герцена по фотокопии опубликовано в т. 63 «Лит. наследства», стр. 379—380. По-видимому, вместе с письмом Н. А. Герцен Астраковой было отправлено написанное почерком М. К. Эри письмо, содержащее описание трагических июньских дней. Приводим его полностью:

<Париж> $\frac{27}{16}$ <1> июня <1848 г.>

Не знаю, почему письмо не отправилось в тот день, когда было написано, т. е. 22-го, а 23-го часть народа стреляла уже из-за баррикад в Национальную гвардию и обратно. Три дня кровь лилась в полном значении этого слова — наконец, баррикады были взяты на четвертый день, и вчера оставалось их уже очень мало, сегодня все кончено. Что осталось в живых из работников, то сдалось, но они дорого заставили заплатить эту сдачу. Убитых и раненых страшно много. Войска было количество да много подкреплений пришло из окрестных городов. Город в осадном положении, полным его начальником на это время генерал Кавеньяк, тот самый, который воевал с арабами, и вы, верно, не забыли один замечательный эпизод из этой войны, относящийся к нему. В нашей стороне, т. е. в Елисейских полях, все было мирно и спокойно, так спокойно, что делалось страшно от этого спокойствия, только доходили иногда пушечные выстрелы...— пробовали и близко нас делать баррикады, да не удались,

наша же улида слишком широка для них. Печально в Париже, барыня, сидишь дома и точно в доме покойник — нехорошо. *Национальная* радуется победе, говорит, что спасла республику, — ох, вы, спасители. В газетах пишут, что инсurreкция ведена была с удивительным знанием дела и в мужестве недостатка не было. Бедная Франция, очень велико ее несчастье — может быть, политика повелевает так, как было, но я в политике после этого не понимаю — я вижу тут пролитую кровь... понапрасну... вижу, что бедный потерял, а богатый выиграл — стало, все по-старому, а может быть, можно бы было устроить все и без пролития крови, но есть вещи, в которые мы углубляться не любим, трудно там на дне и темно, что за охота разыскивать, лучше подавить и для оправдания себя назвать другим именем — а где же совесть-то, господа?

Уж лучше перестать, особенно когда места нет».

Т. А. АСТРАКОВОЙ

Приписка к письму Н. А. Герцен¹:

⟨Париж. 6 августа 1848 г.⟩

Что же я еще прибавлю вам обо мне? На душе тяжело и темно, что здесь делается на наших глазах — от этого можно сойти с ума. М⟨арья⟩ Ф⟨едоровна⟩ расскажет вам. Останемся мы одни²... Кланяйтесь всем нашим.

Пожмите руку Антонине Федоровне, — что она, здоровее, покойнее? Скажите Кавелину, что у меня нет места в сердце, которое не было бы оскорблено, горечь, горечь, желчь... А ведь мы иной раз хорошие минуты проводили вместе.

Пошлите письмо к Федору³.

М⟨илостивой⟩ г⟨осударыне⟩

Татьяне Алексеевне Астраковой

в собственном доме близ Девичьего Поля и Плющихи,
в приходе Воздвиженья на Овражках.

¹ В этом письме Н. А. Герцен сообщала, между прочим: «Я говорила Тур⟨геву⟩ о комедии, он был очень болен, не знаю, пошлет ли».

² М. Ф. Корш возвращалась в Россию вместе с семьей Тучковых.

³ О ком идет здесь речь — не установлено.

С. И. и Т. А. АСТРАКОВЫМ

Приписка к письму Н. А. Герцен¹:

Сергею Ивановичу

⟨Париж. 4 ноября 1848 г.⟩

На сей бумаге, неприличной от тонкости, желаю обнять тебя и поблагодарить за письмо. Оно живо напомнило тебя, точно будто *t* время и *p* пространство не существует между нами. Точно будто по прочтении письма я провожаю тебя в переднюю, и там тебе подносят теплый, из гагачьего пуху шарф в две сажени, одеяло на заячьем меху, пальто, шубу, кеньги, валенки, охотничьи сапоги до плечей и пр., и пр. И я провожаю, говорю: «Да, да — вот так сумма-то работников увеличивает результат выработанного и карман фабриканта».

Если хочешь знать, что делается здесь, возьми мои статейки. Это последние дряганья умирающего мира, смерть — дело важное, грустное, но часто она сопровождается бредом, безумием, старчество впадает в ребячество... Ну ведь как ни жалей умирающего, а все ж во всем этом есть много противного. Мир этот гниет... Что будет? Что будет?... Лучше всего, что что-нибудь да будет. Если только земной шар не треснет. — Очень

бы хотелось скорее к вам, вы — наши московские друзья — все-таки лучше всех обезьян, называемых людьми, вы вырожда, сливки с 50 000 000 человек, зато уж и сливки; право, смертельно бы хотелось бы по дворам. Да климат-то, климат-то.

А что вы трубку поставили, Татьяна Алексеевна, когда Ал(ексей) Ал(ексеевич)² пришел, это хорошо; дурно только то, что вы ее тотчас опять взяли.

¹ Одновременно с письмом Герцена, обращенным к С. И. Астракову, Н. А. Герцен послала при своем письме отрывок из дневника, о котором см. в предисловии к настоящей публикации. Часть этой тетради опубликована в «Лит. наследстве», т. 63, 1956, стр. 371—374 под условным названием «Из „Записок“ 1848 года».

² Ал(ексей) Ал(ексеевич) — Тучков.

88

Т. А. АСТРАКОВОЙ

Приписка к письму Н. А. Герцен:

〈Париж. 4 декабря 1848 г.〉

Татьяне Алексеевне —

при сильном дружеском пожатии руки, несмотря на то, что необходимо не писать, а посылать на *почту*, все-таки *почту* вас моим поклоном.

89

Т. А. АСТРАКОВОЙ

〈Париж.〉 1 февраля 〈1849 г.〉¹

Вот именно в это число мы с вами обедали или ужинали в Черной Грязи. Помните? Снег белый, солнце, тройки и тройки... Это был день удивительный, он остался у меня в сердце, как итальянский закат солнца. Мне тепло, когда я его вспомню. Последнее время бывали иногда споры, натянутые разговоры — но этот день вдруг всё опять сплавил и спаял. Итак, да здравствует Черная Грязь. Вспомнили ли вы?

Получил я грамотку от Николая Александровича², доволен им несказанно, но ни с чем не согласен насчет его мнения о физике и химии, особенно с его идеалистическим мнением, что общий обзор, бросаемый на дело, вернее. Что же Окен³ и Стефенс⁴ много взяли? нет, нынче давайте пониманье и микроскоп, пониманье и скальпель, жизнь надобно следить по вивисекциям, а не по физиологии Каруса⁵. Посмотрите, какие шаги делает сравнительная анатомия здесь — старый доктринаризм никуда не годен.

Кстати к физике. Кто в сношении с Огар(евым), пусть сообщит ему, что микроскоп его готов, превосходно сделан, 650 франк(ов) со всеми принадлежностями, я его, пожалуй, адресую к тебе, Сер(гей) Ив(анович), — ты можешь его разобрать; я уверен, что такого микроскопа не найдешь в Москве ни у кого⁶.

Кланяйтесь всем и не напоминайте никому для нынешнего дня, что никто не приписал строки в письме от 25 декабря.

До свиданья, разумеется; мы, вероятно, к лету у вас на Девичьем Поле⁷.

¹ Дата уточняется по упоминанию о микроскопе Огарева — см. «Лит. наследство» т. 61, 1953, стр. 779 и 782.

² Николай Александрович — Мельгунов, о котором см. в «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 308—328. Упомянутое письмо Мельгунова к Герцену неизвестно.

³ Лоренц *Окен* (1779—1851) — немецкий естествоиспытатель, исходил в своих научных построениях из принципов натурфилософии Гегеля и Шеллинга.

⁴ Генрих *Штеффенс* (1773—1845) — немецкий философ, естествоиспытатель и беллетрист, последователь Шеллинга.

⁵ Карл-Густав *Карус* (1789—1869) — немецкий естествоиспытатель, последователь Шеллинга, автор учебников по анатомии, зоологии, физиологии.

⁶ О микроскопе, заказанном Герценом для Огарева, см. выше, в публикации писем Герцена к Гервегам.

⁷ Далее опускается приписка Н. А. Герцен.

Т. А. АСТРАКОВОЙ

Приписка к письму Н. А. Герцен¹:

〈Париж.〉 9 марта 1849

А я потому пишу письмо с числом, что знаю, когда оно отправится, — именно через четверть часа. — Ну, здравствуйте. Трубку поставьте, много курить не надобно... велите лучше подать рябиновку и малиновку — что, у вас еще ваш добрый воин ², который за столом подвигал ко мне всякие спирты, говоря, что я придерживаюсь... поклонитесь ему. Иногда вы все страшно ясно стоите передо мной — и я вспоминаю, вспоминаю и испугаюсь наконец, на душу падает тяжелая боль. Впрочем, вы не очень жалейте, я не всякий день поминаю вас — а так свят день до обеда. Напр<и-мер>, получил я на днях записочку от Тим<офея>³ — я стоял вечером в перчатках и фраке, собираясь в гости, когда консьерж принес письмецо. Я прочитал его, хотел прочесть вслух — да голос как-то изменил; мне так было грустно. Записочка была проникнута любовью и чувством глубоко трагическим, особенно напоминание о Черной Гязи. И тут я вспомнил вас всех, и вы будто бы все стали лучше, одно светлое осталось в памяти, — но я не хотел бы ни этого света, ни такого воспоминанья — так вспоминают то прошедшее, которое невосвратно... Эх, Татьяна Алексеевна, кабы вы знали да ведали! — Я под влиянием этой записки был с неделю; скажите Т<имофею>, что я горячо благодарю за нее. Мне ужасно хотелось написать ему ответ, я написал — и изодрал, написал другое — изодрал, на третье нет духу и охоты...

Кланяйтесь Мар<ье> Фед<оровне>. Я и ей хотел писать, да тоже не пишу. — Сергею жму руку. Отосплите приложенную записку. Да скажите всем нашим, чтоб они шампанского не пили, потому что здесь теперь прекрасное шам<панское> по 2 фр<анка> 75 сантим<ов>, т. е. 2¹/₂ ассиг<нациями> — можно ли платить вчетверо? — я скорей удавлюсь, — нежели буду пить шамп<анское> от Дёпре ⁴.

Письмо к m-me Schörring доставит Николай Листофорович.

¹ Приписка к письму Н. А. Герцен от 6 марта 1849 г.

² Слуга Астраковых — Никифор.

³ Эта записка Т. Н. Грановского неизвестна.

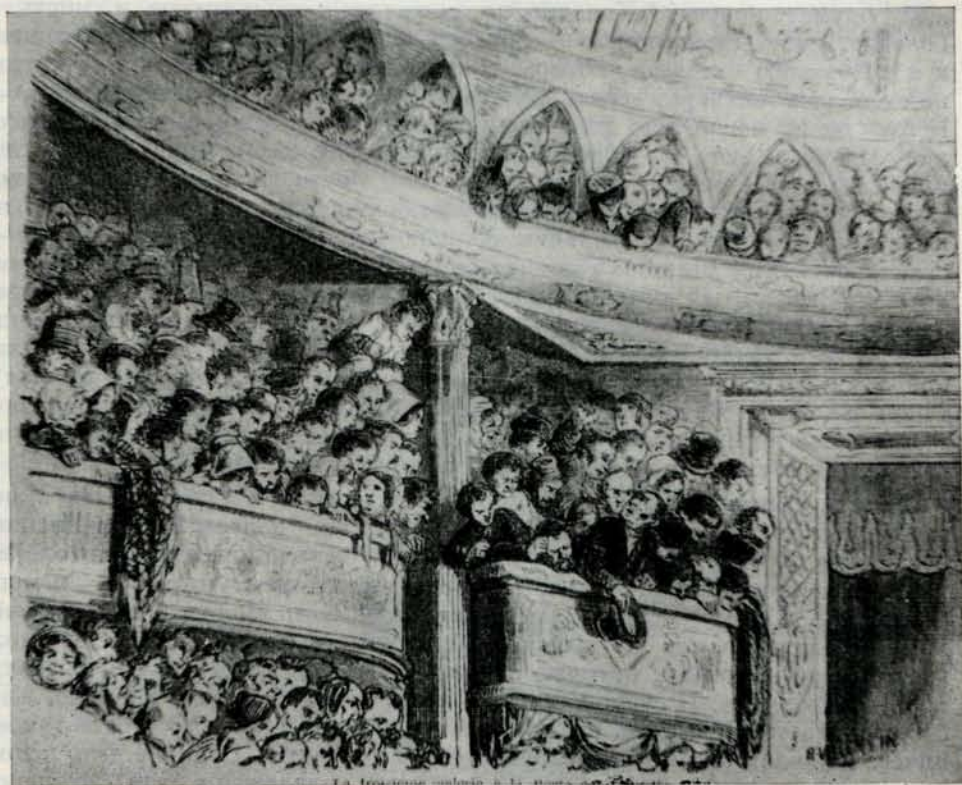
⁴ Дёпре — владелец винного погреба в Москве.

Т. А. и С. И. АСТРАКОВЫМ

1 июля 1849. Женева

Ваши письма, добрая и милая Татьяна Алексеевна (я, наконец, так стар, что могу себе позволить вас называть так), ездят по Европе, вчера мне их прислала Наташа из Парижа, который она на днях оставляет для того, чтоб отдохнуть в горах. Саша здесь со мной ¹. Ну вот я и прочел ваше письмо и письмо Сергея, и захотелось мне поболтать с вами — оно же бывает не ча-

сто. Отчего? Сергей Ив(анович), раз навсегда, не спрашивайте ничему причины, это вас всё математика сбивает. Юм очень дельно уничтожает всякое понятие каузальности. Искать причину — значит находить смысл, разум, а его, наверно, ни в чем нет. Отчего люди часто пишут или совсем не пишут, отчего одни умерли от холеры, а другие поехали в Америку, отчего сегодня ветер, а вчера была суббота, отчего неделю тому назад я был снедаем желанием пить бургонское, а теперь дую зельцерскую воду?..

ГАЛЕРКА ПАРИЖСКОГО ТЕАТРА ПОРТ-СЕН-МАРТЕН

Гравюра из книги: Е. Texier «Tableau de Paris», 1852

и в этом-то и замысловатость жизни, что она не имеет смысла или если и имеет, то так, будто бы, мерцающий. — Вам скучно и вас давит тоска у Воробьевых гор, а меня давит тоска и мне скучно, несмотря на Альпийские горы и на Монблан, который у меня перед глазами, — впрочем, природа еще иногда утешает, именно тем, что у нее и притязания нет на смысл, она так себе, как случится. Постарайтесь увидеться с сыном Мих(аила) Сем(еновича) ², он многое видел на свете и может уморить со смеха, лучше отца, — трагическими анекдотами, которые рассказывает презабавно.

Итак, вы каждые десять лет отправляете по паре *promessi sposi** за Рогожскую заставу ³. А советовать вы тоже мастерица из-за пяти тысяч верст. Неужели вы думаете, что не было все сделано, да еще ее задушевная «Юдокси» писала ей из Петерб(урга). Эта женщина, «плешивая вакханка», как мы ее прозвали, помышляет еще до сих пор о своей красоте, принимает разврат за страсть и бешенство от запоя за художественную энергич-

* обрученных (итал.).

ность. Она еще перед моим отъездом отличилась — тут нет никакой надежды ⁴. А, впрочем, почему? Жаль старика ⁵, он слаб, но именно оттого он и перенесет, что слаб; что Мишелька ⁶ с ним, она для него была вроде горошинки, которую кладут в фонтанель ⁷ — без нее фонтанель может закрыться. Они счастливы теперь — чего же больше? Солишь счастье впрок — дело безумное; кто теперь может месяц, неделю прожить в блаженстве взаимной любви, свежего чувства, да еще на дороге (т. е. без знакомых, ибо в это время они не нужны), да еще в теплом краю — ну о чем же тут думать вперед? ⁸ Конечно, потом придет и то, и другое, и смерть, и болезнь, и нету денег, и жаль, — трусость перед жизнью для меня противна, и я не уважаю человека, который, желая пить вино, — не пьет его, чтоб не сделалась лет через десять подагра. Ну, а как он умрет через пять? — К тому же их теперешние отношения гораздо благороднее. А каков Ник<олай> Мих<айлович> ⁹ — если он налицо, скажите ему и Елене ¹⁰, чтоб они приняли благословение издали от друга и брата. Я рад этому случаю. Елена Ал<ексеевна> — милое существо, слишком сенситивное *, но от юности и от некоторых горьких соприкосновений в домашней жизни — существо светлое, чистое; скажите ей, чтоб она волосы себе так зачесала, как, бывало, в Риме и Париже — вандиковской мадонной, и это, разумеется, пусть она сделает при муже. Ну а ты, муж... до чего ты дожил? Я в свою сторону кой до чего дожил тоже. Поверь, caro mio, все такой вздор, такой вздор — т. е. все, за исключением, ex<empli> gr<atia>, такой m-selle Hélène, т. е. madame Hélène. Вы со временем не прогуляетесь ли эдак по минеральным — я до зимы в Швейцарии и занимаюсь естественными науками (как будто есть неестественные науки).

Кстати, Сергей Ив<анович>, помните, мы с вами собирались делить<?> лошадей и лечить от смерти. Мысль о бесконечно долгом поддержании организма берет в медицине корень, Генле ¹¹ в рациональной патологии прямо говорит: «Я вижу факт; все люди родившиеся умирают, — я могу это сказать о всех умерших, но где необходимость смерти или невозможность продолжать тот же химический процесс, — я не вижу». Вот одолжил все курсы логики, которые обучали: «Но Кай человек, след<овательно> Кай смертен». В свирепейшую холеру, которая была в Париже, я не без удовольствия заметил, что лучший доктор на земном шаре точно так же ничего не знает, как последний фельдшер в Камчатке. Великое дело в том, что истинно ученые доктора, как Райе ¹² и др., сознаются в этом. С холерой здесь были чудеса — от нее лечили чем ни попало — холодной водой и кипятком, опиумом и каломелью, коньяком и камфорой — и совершенно зря. Больные мерли, другие нет — результата никакого. Точно в потемках — мало ли что можно попробовать: промывательное из чернил, разварить носовой платок и глотать по кусочку, гладить табакеркой живот, — и это называется наукой и за это берется десять, а иной раз 15 и 20 фр<анков>.

Я все время холеры пил самые крепкие бургонские вина, ел много говядины с перцем и солью, не давая никак себе долго голодать, — и не ел зараз много и был совершенно здоров.

Постарайтесь всенепременно и всебезотложно доставить приложенную цидулку Огареву — не знаю его адреса.

Кланяйтесь всем нашим приятелям-друзьям. Писать на первый случай просто

A Genève. Poste restante (Suisse), имреку такому-то.

Ну и довольно. Земно кланяюсь.

* чувствительное (от франц. «sensitif»).

2 июля

Что касается до ваших идей об воспитании, в них одна сторона совершенно справедлива (и по счастью, с этой стороны воспитание наше оправдывается фактом); что и как писала моя жена — не знаю, но пишем обыкновенно под влиянием минуты. Искусственная среда, в которой мы живем, заставляет искусственно развивать детей. По счастью, натуры крепкие и здоровые вырабатываются сквозь всего на свете. Во всей Европе (кроме некоторых частей Германии) воспитание домашнее и публичное в самой дикой степени схоластично, про Францию и говорить <ничего>, во Франции выучиваются превосходно разные специалисты (химики, медики, механики) — но общего образования ни на грош; они заменяют пошлыми сентенциями и болтовней всю сумму сведений, тяготящих (и не облегчающих) немцев. А пророс, французик 13 лет или 14 лет расчетлив и своекорыстен, как жид 30 лет. Что скажете о нравственном воспитании? Немец, по крайней мере, имеет юношеский период, и как ни смешны подчас его надзвездные мечтания — но они чистят душу и не допускают преждевременный разврат. Мелкий, подлый эгоизм в самом антигуманном значении среды, в которой вырастает француз и француженка, — отнюдь не трудно понять, что для них брак и что воспитание. Об наших широких, размашистых натурах ничего и думать. В крови у немцев — золотуха, у француза — сифилис. Разумеется, есть исключения, есть целые сословия, к которым это не идет; но я говорю в антитетическом смысле.

Прощайте. Кланяйтесь Марии Федоровне и всем сродникам ее.

Что Василий Петрович?

Что Петр Григорьевич¹³ и домочадец его?

Здесь, т. е. в Париже, была у Ив<ана> Сергеев<ича>¹⁴ <холера — он же трус естественный, три дня сам себя оплакивал, плавая на судне по морю жизни. Выздоровел теперь.

Addio.

A. Г.

Дайте знать Николаю Александр<овичу>¹⁵, что я здесь.

Nota bene.

 Сергей Ив<анович>, перечитывая, вижу, что я везде написал *вы* вместо *ты* — это просто рассеяние и отвычка здесь употреблять *ты*¹⁶.

¹ О пребывании Герценов в Париже и об обстоятельствах их отъезда в Швейцарию см. выше, в публикации «Письма Герцена к Георгу и Эмме Гервегам». В письме от 31 июня 1849 г. Н. А. Герцен сообщала Т. А. Астраковой: «... собираюсь в Швейцарию. Ал<ександр> неделю тому назад собрался в несколько часов и уехал туда, вчера я проводила к нему Сагу. А мы было расположились здесь так хорошо, сверх дома с большим садом, я наняла комнатку за городом в прекрасном местоположении и уезжала туда с детьми, иногда с Ал<ександром> подышать деревенским воздухом и пожить à la Robinson».

² Дмитрий Михайлович Щепкин (1817—1857) — археолог, сын М. С. Щепкина.

³ С. И. и Т. А. Астраковы в июне 1849 г. провожали Огарева и Н. А. Тучкову, уезжавших на юг.

⁴ По просьбе Огарева, Герцен вел в это время переговоры с Марией Львовной Огаревой, склоняя ее согласиться дать развод Огареву, который без этого не мог оформить свой брак с Н. А. Тучковой. Упомянутая Герценом Юдокси (Евдокия) — Авдотья Яковлевна Панаева, подруга М. Л. Огаревой.

Портрет М. Л. Огаревой в последние годы ее жизни, нарисованный здесь Герценом, дополняется ее характеристикой, данной Н. А. Герцен в письме к Т. А. Астраковой от 6 марта 1849 г.: «... ее личность ярка, но ярка безобразно, она — вакханка без красоты и прелести, мозг ее расстроен, это не шутка, я говорю серьезно, она помешана, и к тому ж вино... все ее стремленья, вся жизнь состоит в том, чтобы забыться, и она это делает уродливо, грубо, грязно до невыносимой степени. Сначала она часто бывала у нас (не знаю почему), потом соскучилась (и естественно) и перестала ходить. Она так несчастна, что я чувствую к ней самое горячее, искреннее участие» (л. 437). В письме к Астраковой от 31 июля 1849 г. Н. А. Герцен писала: «Для Огаревых мы ровно ничего не можем сделать. М-те вела себя хуже публичной женщины. Александр написал ей, советуя дружески воздержаться, за это она возненавидела его, и меня, и

всех наших знакомых, не принимала никого, даже Георга <Гервега>, перед которым она кокетничала. Воробьев — милый малый, но без характера; он ужасно любит Огарева, все готов для него сделать, а ничего не может. Подходит к ней со всех сторон, и с каждой стороны отпор, глупее один другого» (л. 438). — О художнике *Воробьеве*, возлюбленном М. Л. Огаревой, см. выше, в публикации «Письма к Георгу и Эмме Гервегам».

⁵ Речь идет об А. А. Тучкове, который трагически переживал «незаконный» союз своей дочери с Н. П. Огаревым.

⁶ *Мишелька* — Каролина Мишель, гувернантка сестер Тучковых.

⁷ *Фонтанель* — «нарочная, гнойная рана с врачебной целью» (В. Д а л ь. Толковый словарь).

⁸ Н. П. Огарев с Н. А. Тучковой жили в это время на южном берегу Крыма в местечке Уч-Чум, где они обосновались после тщетных попыток эмигрировать из Одессы.

⁹ *Николай Михайлович* — Сатин.

¹⁰ *Елена* (Hélène) — Елена Алексеевна Тучкова. В июне 1849 г. она стала женой Н. М. Сатина.

¹¹ Фридрих-Яков *Генле* (1809—1885). — германский анатом, физиолог и патолог. На новую книгу Генле («Handbuch der rationellen Pathologie». Braunschweig, 1847) внимание Герцена было обращено Огаревым («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 705). Ср. позднейшие высказывания Герцена о старости и смерти, относящиеся к 1860-м годам (там же, стр. 123—124).

¹² Пьер-Франсуа *Райе* (Рейе) — известный французский врач, услугами которого пользовался в это время Герцен.

¹³ *Петр Григорьевич* — Редкин.

¹⁴ *Ие(ан) Сергеев(ич)* — Тургенев.

¹⁵ *Николай Александр(ович)* — Мельгунов.

¹⁶ Далее опускается приписка Саши Герцена.

Т. А. АСТРАКОВОЙ

9 октября 1849. Женева

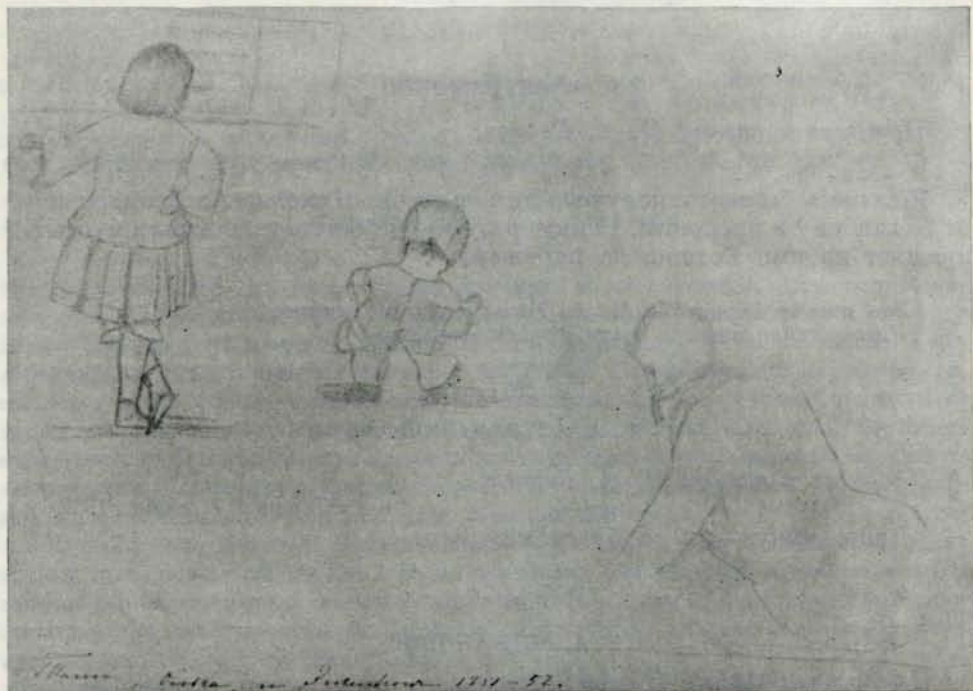
Жизнь, любезная Татьяна Алексеевна, равно не назначена ни для наслаждения, ни для горести, жизнь — следствие, событие, необходимость. Я согласен с вами, что нет тягостнее, прозаичнее и оскорбительнее зла, как недостаток денег, я с ним рядом поставлю одно — хроническую болезнь, но не думаю, чтоб вы были совершенно правы, говоря о Мар(ье) Алексеев(не)¹. Т(ак?) за пределами двух страшных бедствий — болезни и безденежья — раскрываются новые стороны плача. Уверяю вас, что я не вижу давным давно веселого лица (мы иногда хохочем, как безумные, как дети, глупому каламбуру, пошлой остроте, — но это пустой, селезеночный смех, который проходит не утешая, не помогая, а оставляя только оглушение). Всё мыслящее, чувствующее здесь поражено горем, да, сверх того, по большей части, также и нуждой. Шаткая непрочность всего состояния жизни, общественного положения, никогда не было больше чувствуема — это точно начало преставленья света. А тут холера, ходит да подметает запоздавших, — что делать? Искать твердости в себе, удаляться — так, как делали первые христиане, — от людей, от домов... Толпы едут в Америку, но они ошибутся, надобно, сидя на том же месте, уехать ото всего, а уж в Америке ли или на Плющихе — это, право, все равно.

Теперь относительно денег; я писал месяца полтора тому назад, что если вам нужно, где и как взять Грановскому². Но теперь прошу еще проще сделать и именно отправить Сергея к Егору Ивановичу, которому писано уже, или, еще проще, — напишите ему записку, может он сам пришлет деньги, и взять у него *на поручения, данные мною*, сколько вам на первый случай надобно до 500 руб. ас(сигнациями). — И об этом ни слова более, до сих пор мои дела идут недурно, и я могу, без малейшей утраты, иногда поделиться. — Но так как речь зашла о делах, то прошу Сергея написать мне, как именно переведен огаревский долг, кто будет и кому платить проценты и пр. и пр. Мне писал Гранов(ский), да не подробно, а Сергей, кажется, ездил по этому делу³.

Море Айвазовского оставьте до поры до времени у себя, портреты также. А впрочем, если б кто хотел купить море, я бы продал за ту же цену, за которую сам купил, — за 200 рубл^{ей} сер^{ебром}⁴, Чичерин когда-то хотел и Павлов⁵. Узнайте. — Другие картинки Галах^{ова}, о которых я совсем забыл, принадлежат Фролову⁶, о чем ему сообщите. Затем прощайте, твердым шагом в жизнь марш. — «Погоди немного, отдохнешь и ты»⁷.

¹ По-видимому речь идет о княгине М. А. Хованской.

² Это письмо Герцена Грановскому неизвестно. Н. А. Герцен писала в этот же день Астраковой: «Глупо ты делала, что давно не написала просто о деньгах, будь умнее

ДОЧЕРИ ГЕРЦЕНА ТАТА И ОЛЬГА И В. А. ЭНГЕЛЬСОН

Рисунок Н. А. Герцен, 1851—1852 гг.

Местонахождение оригинала неизвестно

Воспроизводится по негативу «пражской коллекции»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

вперед, а я была преспокойна на твой счет, потому что Ал^{ександр} писал Гр^{ановскому}, откуда взять, если кому нужно» (лл. 455—456).

³ О денежных расчетах этого времени между Герценом и Огаревым см. «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 195—243.

⁴ Речь идет о картинах, купленных Герценом у И. П. Галахова. См. «Лит. наследство», т. 63, 1956, стр. 857.

⁵ Николай Филиппович Павлов.

⁶ Николай Григорьевич Фролов.

⁷ Из стихотворения Лермонтова «Из Гёте». — Далее опускается приписка Н. А. Герцен.

«Женева.» 13 ноября 1849

Любезная Татьяна Алексеевна, в проезд мой по Дюриху Мар^{ья} Каспаровна сообщила мне вести, данные ей Елизаветой Богдановой¹

насчет ее долга, или т. е. должников. Я ей посоветовал тотчас послать расписку, она ее и послала к Гр<игорию> Ив<ановичу> и просит вас повидаться тотчас с Елизаветой Богдановной. Так как Мар<ья> Касп<аровна> должна эти деньги Луизе Ивановне, то она и желает или деньги или вексель перевести на нее. Вообще она просит Елиз<авету> Богд<ановну> очень позаботиться обо всем деле, повидаться с Ник<олаем> Филипповичем ². — Пишите прямо к ней в Цюрих. — Ответ непременно напишите ³.

¹ Елизавета Богдановна — Грановская.

² Николай Филиппович — Павлов.

³ Далее опускается приписка Н. А. Герцен.

94

Т. А. АСТРАКОВОЙ

Приписка к письму Н. А. Герцен:

⟨Женева.⟩ 9 дек<абря> 1849

Желалось бы знать, получено ли мое письмо Николаю Александровичу ¹ от 1 октября ¹ и прощайте. Рамку, разумеется, оставьте, а деньги пусть Б. ² пришлет на имя Ротшильда парижского.

¹ Это письмо Герцена к Н. А. Мельгунову неизвестно.

² Кого именно имеет в виду Герцен — неясно.

95

Т. А. АСТРАКОВОЙ

Приписка к письму Н. А. Герцен:

⟨Париж. 7 июня 1850 г.⟩

Дайте руку — и да будет мир вам.

96

Т. А. АСТРАКОВОЙ

Приписка к письму Н. А. Герцен:

⟨Ницца. 18 января 1851 г.⟩

Здравствуйте.

Прощайте.

97

Т. А. АСТРАКОВОЙ

Приписка к письму Н. А. Герцен:

⟨Ницца. 20 марта 1851 г.⟩

Руку — руки и память.